

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИИ

№ 2 (40) 2014

Периодическое научное издание

Учреждено в 1915 г.
Возобновлено в 2004 г.

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия Российской Федерации (*Свидетельство о регистрации средства массовой информации от 10. 11. 2004 г. ПИ № ФС77-18838*).

**Издание Института
нового индустриального развития (ИНИР)**

в сотрудничестве с Межрегиональной
Санкт-Петербурга и Ленинградской области
общественной организацией
«Вольное экономическое общество России»

Входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук (Решение Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 2 февраля 2012 года № 8/13).

Журнал включен в базу данных «Российский индекс научного цитирования» и размещается на сайте Научной электронной библиотеки (НЭБ)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

С. Д. Бодрунов, главный редактор, д-р экон. наук, профессор;

А. А. Золотарев, заместитель главного редактора, канд. экон. наук;

Е. А. Малинин, генеральный директор ООО «Санкт-Петербургское агентство новостей» («СПАН»), член Союза журналистов Санкт-Петербурга.

Институт нового индустриального развития (ИНИР) работает под научно-методическим руководством Отделения общественных наук РАН.

Полное или частичное воспроизведение материалов, содержащихся в настоящем издании, допускается с письменного разрешения редакции. Ссылка на журнал «Экономическое возрождение России» обязательна.

Электронная версия журнала e-v-r.ru

Выпускающий редактор Л. А. Мозгунова
Верстка И. Г. Бондарев

Адрес редакции:
197101, Санкт-Петербург, ул. Б. Монетная, д.16
Тел.: (812) 313-82-68, E-mail: evr@inir.ru

Подписано к печати 16.07.2014 г.
Формат 84×108 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Печ. л. 11. Усл. печ. л. 18,48.
Тираж 2000 экз. Заказ 359.

Первая Академическая типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, В.О., 9-я линия, д. 12

© Экономическое возрождение России, 2014

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

В. В. Ивантер, д-р экон. наук, профессор, академик РАН, председатель научно-редакционного совета;

А.А. Акаев, д-р экон. наук, иностранный член РАН;

С. Д. Бодрунов, д-р экон. наук, профессор;

В. М. Геети, д-р экон. наук, профессор, академик НАН Украины;

Р. М. Георгиев, д-р экон. наук, профессор (Болгария);

Р. С. Гринберг, д-р экон. наук, профессор, чл.-корр. РАН;

И. И. Елисеева, д-р экон. наук, профессор, чл.-корр. РАН;

А. Е. Карлик, д-р экон. наук, профессор;

В.Л. Квинт, д-р экон. наук, иностранный член РАН;

В. С. Кравцив, д-р экон. наук (Украина);

И. А. Максимцев, д-р экон. наук, профессор;

А. Д. Некипелов, д-р экон. наук, профессор, академик РАН;

Л. Васа, д-р экон. наук (Венгрия);

В. В. Окрепилов, д-р экон. наук, профессор, академик РАН;

Ю. П. Панибратов, д-р экон. наук, профессор, академик РААСН;

Н. Я. Петраков, д-р экон. наук, профессор, академик РАН;

Г. Х. Попов, д-р экон. наук, профессор;

В. Реген, д-р экон. наук, профессор, иностранный член РААСН (Германия);

З. А. Самедзаде, д-р экон. наук, профессор, академик НАН Азербайджана

MEMBERS OF THE SCIENTIFIC EDITORIAL BOARD

V.V. Ivanter, Doctor of Economics, Professor, academician of Russian Academy of Sciences, Chairman of the scientific editorial board;

A.A. Akaev, Doctor of Economics, foreign member of Russian Academy of Sciences;

S. D. Bodrunov, Doctor of Economics, Professor;

V. M. Geets, Doctor of Economics, Professor, academician of National Academy of Sciences of Ukraine;

R. M. Georgiev, Doctor of Economics, Professor (Bulgaria),

R. S. Grinberg, Doctor of Economics, Professor, corresponding member of Russian Academy of Sciences;

I. I. Eliseeva, Doctor of Economics, Professor, corresponding member of Russian Academy of Sciences;

A. E. Karlik, Doctor of Economics, Professor;

V.L. Kvint, Doctor of Economics, foreign member of Russian Academy of Sciences;

V. S. Kravtsiv, Doctor of Economics (Ukraine);

I. A. Maksimtsev, Doctor of Economics, Professor;

A. D. Nekipelov, Doctor of Economics, Professor, academician of Russian Academy of Sciences;

L. Vasa, Doctor of Economics (Hungary);

V.V. Okrepilov, Doctor of Economics, Professor, academician of Russian Academy of Sciences;

Yu. P. Panibratov, Doctor of Economics, Professor, academician of Russian Academy of Architecture and Construction Sciences;

N.Ya. Petrakov, Doctor of Economics, Professor, academician of Russian Academy of Sciences;

G. Kh. Popov, Doctor of Economics, Professor;

V. Regen, Doctor of Economics, Professor, foreign member of Russian Academy of Architecture and Construction Sciences (Germany);

Z. A. Samedzade, Doctor of Economics, Professor, academician of National Academy of Sciences of Azerbaijan

CONTENTS

On the way to revival

<i>Bodrunov S.D.</i> Russian economic system: the future of hightech material production	5
<i>Ryazanov V. T.</i> New industrialization of Russia: strategic purposes and the current priorities	17
<i>Sukharev O. S.</i> State strategic planning and directions of the Russian economy.....	26
<i>Vladimirov S. A.</i> About basic directions of increase of efficiency and quality of macroeconomic politics.....	37
<i>Chernyshov A.G.</i> Economics and management in conditions of uncertainty: some approaches to policy development in modern conditions.....	43

Theoretical problems of economics

<i>Sirotkin V. B.</i> The alteration of cooperative activities: interconditionness of efficiency and rationality.....	51
<i>Nikolaev S. N.</i> Ideological foundation for successful development of the manufacturing industry	60
<i>Spitsyn V.V., Monastyryni E.A.</i> Evaluation of the complex efficiency of social and economic objects	68
<i>Chabanov V. E.</i> Financial system and peculiarities of its harmonization.....	75
<i>Ufimtseva E. V.</i> Research of the infrastructure of municipal economy in aspect of territorial social and economic processes	85
<i>Yagolnitsa M. A.</i> Diagnosis of conditions for the formation of innovation clusters in Russian regions: mathematical and statistical approach	93
<i>Bobrova V. V., Anoshkin P. A.</i> Theoretical and methodological foundations for the development of the city	105

Business economics and innovation economics

<i>Rybakov F. F.</i> Saint Petersburg industry: another recession or concentration before boost	113
<i>Vazhenin S. G., Sookhikh V. V., Tatarkin A. I.</i> Ural mark in the development of exhibition activities in Russia	117
<i>Melnicov S. V.</i> Specifics of pricing in the Russian pharmaceutical market in the context of ensuring drug safety	127
<i>Timofeev D. N.</i> Management of the industrial enterprises at realization innovative the focused strategy	133
<i>Pecheritsa E. V.</i> Interaction of federal, regional and municipal government with members of the hotelcluster (for example, St. Petersburg)	140
<i>Volkova A. A.</i> Factors influencing the development of services in modern Russian economy	146
<i>Pityulich M. M.</i> Institutional and standard legal support of development of mountain territories in Ukraine	151
<i>Puntsukova S. D.</i> Substantiation principles of formation of forest resource rents region and its order calculation	157

Abstracts	167
------------------------	-----

СОДЕРЖАНИЕ

По пути к возрождению

<i>Бодрунов С. Д.</i> Российская экономическая система: будущее высокотехнологичного материального производства.....	5
<i>Рязанов В. Т.</i> Новая индустриализация России: стратегические цели и текущие приоритеты.....	17
<i>Сухарев О. С.</i> Государственное стратегическое планирование и направления развития экономики России.....	26
<i>Владимиров С. А.</i> Основные направления повышения эффективности и качества макроэкономической политики.....	37
<i>Чернышов А. Г.</i> Экономика и управление в условиях неопределенности: подходы к формированию стратегий развития в современных условиях.....	43

Теоретические проблемы экономики

<i>Сироткин В. Б.</i> Изменение кооперативных действий: взаимообусловленность эффективности и рациональности.....	51
<i>Николаев С. Н.</i> Мировоззренческие основы успешного развития обрабатывающей промышленности.....	60
<i>Спицын В. В.</i> <i>Монастырский Е. А.</i> Оценка комплексной эффективности социальноэкономических объектов.....	68
<i>Чабанов В. Е.</i> Финансовая система и особенности ее гармонизации.....	75
<i>Уфимцева Е. В.</i> Исследование инфраструктуры городского хозяйства в аспекте территориальных социальноэкономических процессов.....	85
<i>Ягольницер М. А.</i> Диагностика условий формирования инновационных кластеров в регионах России: математикостатистический подход.....	93
<i>Боброва В. В., Аношкин П. А.</i> Теоретикометодические основы развития территории города.....	105

Экономика предпринимательства и инновации

<i>Рыбаков Ф. Ф.</i> Промышленность Петербурга: очередной спад или концентрация перед рывком.....	113
<i>Важенин С. Г., Сухих В. В., Татаркин А. И.</i> Вклад Урала в становление и развитие выставочной деятельности в России.....	117
<i>Мельников С. В., Плотников В. А.</i> Специфика ценообразования на российском фармацевтическом рынке в контексте обеспечения лекарственной безопасности.....	127
<i>Тимофеев Д. Н.</i> Управление промышленными предприятиями при реализации инновационноориентированной стратегии.....	133
<i>Печерица Е. В.</i> Взаимодействие органов федерального, регионального и муниципального управления с участниками гостиничного кластера (на примере Санкт-Петербурга).....	140
<i>Волкова А. А.</i> Факторы, влияющие на развитие сферы услуг в современной российской экономике.....	146
<i>Питюлич М. М.</i> Институциональное и нормативноправовое обеспечение развития горных территорий Украины.....	151
<i>Пунцукова С. Д.</i> Обоснование принципов формирования лесоресурсной ренты региона и порядка ее расчета.....	157
Рефераты	167

Уважаемые читатели журнала!

Институт нового индустриального развития (ИНИР) совместно с Межрегиональной Санкт-Петербурга и Ленинградской области общественной организацией Вольного экономического общества России готовят к изданию очередной (семнадцатый) выпуск сборника «Современное экономическое и социальное развитие: проблемы и перспективы».

Предлагаем Вам разместить статьи в данном сборнике.

Материалы статей для публикации принимаются в электронном виде и на бумажном носителе, Word, шрифт Times New Roman, № 11, при параметрах страницы: размер бумаги А4, поля: верхнее 6,3 см, нижнее 6,3 см, левое 5 см, правое 5 см, без колонтитулов и нумерации страниц.

Обязательны ссылки на источники статистических данных, а также на использованную литературу. Ссылки на собственные публикации являются некорректными.

Кроме текста статьи необходимо представить название, аннотацию и ключевые слова на русском и английском языках, а также УДК.

Для представления авторов просьба полностью указать фамилию, имя, отчество, название учреждения, в котором автор работает, должность, ученую степень и звание, а для общения с научно-редакционным советом сборника — адрес электронной почты и телефон. Научно-редакционный совет сохраняет за собой право делать необходимые редакционные исправления и сокращения, а также принимать решение о тематическом несоответствии материала, предлагаемого для публикации, без объяснения причин.

Срок предоставления материалов — до **30 сентября 2014 года**.

Адрес для предоставления материалов: 197101, Санкт-Петербург, ул. Большая Монетная, 16.

Электронный адрес: ekaterinaevg2010@mail.ru

Контактное лицо: Чеканова Екатерина Евгеньевна, телефон +7 905 260-11-75.

ПО ПУТИ К ВОЗРОЖДЕНИЮ

Уважаемые читатели!

Публикуемые в номере статьи С.Д. Бодрунова «Российская экономическая система: будущее высокотехнологичного материального производства» и В.Т. Рязанова «Новая индустриализация России: стратегические цели и текущие приоритеты» открывают дискуссию по проблемам обновления экономической системы России, возрождения отечественного высокотехнологичного производства, науки и образования. Мы приглашаем ученых, экспертов, экономистов-практиков принять участие в этой дискуссии в нашем журнале и других экономических изданиях.

Редколлегия журнала «Экономическое возрождение России»

С.Д. Бодрунов¹

РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА: БУДУЩЕЕ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОГО МАТЕРИАЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА²

Методология исследования

Изучение объектов, представляющих собой сложные системы, каковой является экономическая система России, невозможно без применения четко определенной методологии. В основу такой методологии может быть положен *системный подход*, при котором изучаются элементы экономики, их внутренние связи и системное качество, причем выделение последнего принципиально важно. Еще важнее рассмотрение экономической системы не изолированно, а во взаимосвязи с внешними факторами.

Этот подход хорошо известен в современной экономической теории, однако в исследованиях преобладает описание тех или иных элементов экономики с точки зрения то ли либеральной, то ли консервативной идеологической парадигмы. По мнению члена-корреспондента РАН Г.Б. Клейнера, система — это «... не множество элементов, связанных между собой определенным образом (*эндогенное* определение), а относительно устойчивая в пространстве и во времени целостная часть окружающего мира, выделяемая из него наблюдателем по пространственным или функциональным признакам (*экзогенное* определение) ... Системная парадигма, представляющая экономику в виде совокупности взаимодействующих, трансформирующихся и эволюционирующих систем, выступает, таким образом, с одной стороны, как альтернатива

¹ Сергей Дмитриевич Бодрунов, директор Института нового индустриального развития, д-р экон. наук, профессор.

² По материалам доклада на Научном совете МГУ по разработке современной экономической теории и российской модели социально-экономического развития (05.06.2014 г.), подготовленного коллективом Института нового индустриального развития под руководством д-ра экон. наук, профессора С.Д. Бодрунова. Материалы заседания Научного совета будут опубликованы отдельно, информация — на сайте Института нового индустриального развития (ИНИР) — www.inir.ru

неоклассической парадигме с ее делением экономики на макро- и микроэкономику, с другой — как концепция, интегрирующая неоклассический, институциональный и эволюционный подходы» [1]. Аналогичных взглядов придерживается Я. Корнаи [2].

Таким образом, для понимания экономической системы необходим анализ материально-технических предпосылок, обуславливающих ее существование и функционирование, а также цивилизационной специфики страны — социально-культурной среды, в которой она формируется (идеологических, социально-психологических, политических, этнокультурных особенностей и др.). Для этого следует выполнить анализ прямых и обратных связей экономической системы на следующих уровнях: *технологические уклады, социально-экономические отношения и экономико-правовые институты, цивилизационные и социокультурные инварианты и тренды.*

Исследование *взаимодействия экономики с техносферой* требует понимания закономерностей эволюции последней, что нашло отражение в теории технологических укладов. По мнению академиков С. Ю. Глазьева и Д. С. Львова, «технологический уклад» представляет собой систему взаимосвязанных производств с одинаковым техническим уровнем, которые могут рассматриваться как подсистема более общей экономической системы, являющейся альтернативной по отношению к другим подсистемам, например отраслям [3].

Этот подход во многом перекликается с исследованиями взаимного влияния технологической эволюции и изменений в экономической системе, проведенными рядом западных социологов и футурологов (Д. Беллом, Э. Тоффлером, М. Кастельсом, Т. Сакайей и др.). Формирование концепций «постиндустриального общества», «информационного общества», «третьей волны» и т.п. отражает интерес к изучению социально-экономических сдвигов, происходящих под влиянием технологических перемен. Однако это изучение носило в основном описательный характер и не привело к формированию новых теорий, объясняющих природу и закономерности изучаемых взаимодействий. Кроме того, в них существенно преувеличивалась роль постиндустриальных тенденций и недостаточное внимание уделялось развитию процессов деиндустриализации и «финансиализации», подорвавших в определенной мере производственный потенциал развитых стран.

Все это позволяет считать не слишком убедительной апологию будущего экономики как «общества услуг», представленную Д. Беллом [4, 5] и поддержанную его российскими коллегами [6]; апелляцию того же автора к будущему экономики как экономике знаний и т.п. Тем не менее в этих разработках (при их критическом использовании) можно найти материал для характеристики изменений в экономических системах, связанных с техническим прогрессом. Исследователи достаточно убедительно показали: *изменения в технологиях*, прежде всего переход доминирования от одних факторов производства к другим и от одних отраслей к другим, *влекут за собой переменны в экономике* и во всех остальных составляющих общественной жизни (институты, доминирующие социальные структуры — от глобального уровня до уровня семьи, идеологические воззрения, способы политических действий и т.д.).

Акцент на развитии новых технологий в материальном производстве, структуре занятости и т.п., характерный для названных выше авторов и Э. Тоффлера [7], весьма важен. Однако обратим внимание, что все эти исследования выполнялись в основном на материале наиболее экономически развитых стран. Нам важно определить, *в какой мере наблюдения западных социологов и футурологов приложимы к российскому обществу?* Наблюдаем ли мы те же самые сдвиги и тенденции или несколько иные? Наконец, в какой мере можно положиться на прогнозы западных исследователей? От ответа на эти вопросы во многом зависит, как мы подойдем к следующему, социально-экономическому, уровню исследований, на котором определяется специфика структуры экономических отношений и институтов российской социально-экономической системы.

Если наш вывод относительно сохранения определяющей роли базовых отраслей материального производства верен для таких стран, как Россия, то и система экономических отношений и институтов должна исследоваться прежде всего как система отношений, складывающихся в материальном производстве. В этом случае изучение *экономической системы* России может опираться на методологические разработки «университетской» (МГУ) школы политэкономии. Для нее характерно использование достижений классической политической экономии [8] и современного системного подхода.

В университетском курсе по экономике переходного периода специфика экономики России определяется как внешнеисторическими условиями, так и собственно чертами социально-экономического строя. Особенности становления в России современной модели капитализма исторически обусловлены исходным пунктом этого процесса (плановая экономическая система) и особой, «восстановительной» по отношению к некогда существовавшему в России капитализму, направленностью [9].

Другой особенностью российской экономической модели, определяемой процессом трансформации одного типа экономической системы в другой, является *важная роль внеэкономических факторов*. Значимость этого аспекта для нашей страны подчеркивается и другими известными учеными, в частности А. А. Пороховским, который делает вывод о необходимости развития демократических политических институтов как важного условия развития регулируемой рыночной экономики в России [10]. Качество политических институтов определяет степень благоприятности среды, в которой формируются институты экономические: если эта среда неблагоприятна, то становление институтов рыночной экономики проходит по неэффективной траектории.

Теоретические подходы «университетской» школы политэкономии дополняются концепциями ученых Института экономики РАН, рассматривающих параметры экономической системы с учетом взаимодействия политических, социальных, цивилизационных и других факторов. В частности, Л. И. Абалкин подчеркивает, что логика современного прогресса может быть описана с точки зрения исторического синтеза, т. е. рассмотрения социально-экономических перемен на широком историческом фоне как результата переплетения глобальных тенденций развития, личных прав и свобод, социализации общественной жизни и учета своеобразия цивилизационных типов общественного устройства [11]. Этот вывод развит в работах Д. Е. Сорокина [12] и ряда других авторов, принадлежащих к данной научной школе.

Влияние переходного периода на состояние экономической системы России

Переход от одной системы к другой всегда сопряжен с серьезными проблемами. Р. С. Гринберг и А. Я. Рубинштейн справедливо подчеркивают, что такие стадии развития каждой ступени общественной эволюции «... характеризуются неполнотой, отсутствием целостности, сосуществованием элементов новой и старой экономики» [13]. Неполнота, нецелостность экономической системы в переходный период чреватые серьезным экономическим упадком, что и произошло в России из-за форсированного разрушения плановой экономической системы при одновременном замедлении отладки экономических отношений и институтов новой, рыночной, системы [14]. Сформировавшиеся экономические отношения не соответствовали сложившимся материальным, экономическим и социокультурным предпосылкам. Реакция экономики на неопределенность, более того, на искажение экономических сигналов, была адекватной: сжатие спроса и, соответственно, падение производства, сужение горизонта экономических решений, отказ от долгосрочных инвестиций и высокорисковых проектов при одновременном росте слоя населения с низкими доходами. Экономическая система, продуцирующая растущее неравенство доходов, создает для себя ловушку неэффективности, поскольку подрывает главный источник развития

современной экономики. По мнению Р. С. Гринберга, «... самая главная трагедия сегодняшнего бытия — чудовищное расслоение, когда 10% живут нормально, а 70% — выживают» [15].

Нельзя сказать, что российские ученые, в частности представители классического и нового институционализма, не задаются вопросом: *почему современная российская экономика никак не может решить проблему недостаточной эффективности экономических и социальных институтов?* Один из ответов заключается в том, что для России характерна *незавершенность процессов модернизации, пришедшихся практически на весь период новой и новейшей истории.* «Россия, — пишет А. А. Аузан, — как бы зависла в пространстве, когда традиционное общество уже не восстановимо, ... а модернизированное общество, которое связано с институтами, мы никак не можем создать. Такая прерванная модернизация продолжается века три с петровских времен» [16].

Дальнейшие изыскания в этом направлении отодвигают период, когда Россия встала на неправильную траекторию институциональной эволюции, еще дальше в прошлое: «Мы можем наблюдать не только колею, по которой движется Россия, но даже и точку, в которой была совершена ошибка первоначального институционального выбора, — XIV–XV века, когда начали зарождаться институты самодержавия и крепостничества» [17]. Такая постановка проблемы нацеливает на решение вопросов о том, в какой мере институциональный выбор является произвольным (может быть интерпретирован в терминах верного или неверного решения), а решения, принятые в историческом прошлом, могут предопределить траекторию институционального развития в настоящем.

На иной уровень исследования: изучение не технологических, экономических или институциональных детерминант развития, а влияния на них *цивилизационных особенностей российского общества* — ориентируется группа ученых, специализирующихся на анализе специфики российского социума.

С точки зрения ученых, работающих над проблемами *философии хозяйства*, например Ю. М. Осипова, экономическая реальность не может быть постигнута вне понимания высших смыслов человеческого существования [18]. Такой методологический подход созвучен тем, кто именно в глубинах социума ищет особые, национальные устойчивые детерминанты экономического строя России, определяющие его отличие от других национальных экономических моделей. Такая уникальность не исключает воздействия на экономический строй России общемировых тенденций развития. Напротив, именно в синтезе специфических национальных черт с общемировыми трендами видится путь к наиболее прогрессивному движению российской экономики [19].

Несмотря на высокую степень абстрактности таких концепций их последователи приходят к вполне конкретным практическим выводам, во многом совпадающим с выводами сторонников иных упомянутых выше направлений о необходимости активизации роли государства, более внимательного отношения к проблемам возрождения материального производства, социальной справедливости. Более того, уже разработаны различные концепции перспективной эволюции экономической системы России. Среди них можно отметить: 1) концепции *реиндустриализации и неоиндустриализации*; 2) разработки, которые видят перспективу России в движении к постиндустриальному обществу на основе либеральных подходов; 3) идеи развития экономики нашей страны на основе приоритета образования, науки и культуры. На наш взгляд, именно первый подход лучше всего отвечает задачам движения России к новому качеству экономического развития.

Авторский подход к концепции новой индустриализации представлен в серии докладов Института нового индустриального развития (ИНИР), совместной разработке ИНИР и Института экономики РАН (научный доклад, представленный Экспертному совету при Председателе Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации в марте 2013 г.), в ряде монографий, в докладах автора на Абалкинских чтениях ВЭО России, на пленарном заседании Московского экономического форума (2014 г.) и в ряде статей [20–23]. Суть подхода заключается

в том, что парадигмой развивающейся, а не стагнирующей российской экономики должна стать ее реиндустриализация, а главной целью реиндустриализации — *восстановление роли и места промышленности в экономике страны в качестве ее базовой компоненты* на основе нового технологического уклада путем решения комплекса экономических, организационных и иных задач.

Существуют и другие программы совершенствования российской экономической системы, которые должны вывести страну из состояния стагнации. Авторы связывают разрыв между высоким человеческим, ресурсным и экономическим потенциалом России и достигнутыми результатами с отсутствием разумной экономической политики [24 и др.].

Свой вклад в понимание специфики российской экономической системы, ее места в мировой капиталистической экономике внесли сторонники ориентации на западный опыт развития — в постиндустриальном направлении. Реалистичный взгляд на эту эволюцию показывает, что «постиндустриализм» не является всеобъемлющей характеристикой мировой экономики и примеривать его к России рановато. Даже сторонники данного подхода признают, что современный мир еще остается миром индустриальным. В. Л. Иноземцев отмечает: «Технологии — ничто, если только они не могут быть применены в промышленности и, будучи овеществлены в готовой продукции, завоевать мировые рынки. Сегодня технологии меняют облик экспорта той или иной страны не сами по себе, а как средство эффективного и массового производства индустриальных благ» [25]. С этой точки зрения Россия оказывается не в призрачном постиндустриальном мире грядущего и даже не в индустриальном мире настоящего. Россией утеряны многие позиции в массовом промышленном производстве, поэтому «Распространение лейбла Made in Russia — вот что должно стать национальной идеей модернизирующейся России. Это — единственно значимый индикатор успеха отечественной модернизации» [25].

Ориентация на приоритетное развитие науки, образования и культуры тоже несет определенный позитивный смысл, хотя для нашей страны она представляется несколько преждевременной. Ее сторонники справедливо подчеркивают, что главной производительной силой экономики всегда был человек, а в современных условиях его роль является как никогда значимой. Не менее справедливы и своевременны тезисы о том, что для современной экономики, базирующейся на высокотехнологичном производстве, нужен работник с высоким уровнем образования, причем образование это должно быть непрерывным и общедоступным; что формирование человеческих качеств — необходимая составляющая общественного производственного процесса; что прогресс науки (в том числе фундаментальной) является предпосылкой любого технологического обновления; что государственно-частная поддержка сфер, в которых формируются эти качества, в России должна быть существенно расширена. Такие выводы содержатся в статьях А. Колганова и А. Бузгалина [26, 27], и они созвучны выводам академика РАН Б. С. Кашина [28] и члена-корреспондента РАО О. Н. Смолина. Так, О. Н. Смолин подчеркивает: «Пока не будет восстановлена система образования, Россия так и будет оставаться страной третьего мира... Либо мы должны менять экономический курс, либо национальная безопасность нашей страны, ее целостность, ее будущее окажутся под угрозой» [29].

Состояние и перспективы развития российской экономической системы

Проведенный анализ различных подходов к пониманию природы экономической системы России, ее технологических основ, специфики хозяйства и менталитета позволяет сделать определенные выводы. Прежде всего выделим ряд общих конструктивных положений:

1. Признание необходимости опережающего развития современного материального производства на базе технологий, как минимум, 4-го и 5-го технологических укладов, при обеспечении этих производств научно-исследовательскими и опытно-конструкторскими разработками и высококвалифицированными кадрами.

2. Максимально полный учет цивилизационной специфики России при проведении новой индустриализации.

3. Выстраивание экономической политики на основе тщательного анализа реальной структуры и противоречий российской экономической системы.

4. Разработка рекомендаций на будущее с учетом существенного влияния политики и идеологии на реализацию экономических стратегий в трансформационных экономиках.

С учетом сказанного выполним анализ специфики экономической системы постсоветской России, используя предложенную выше методологию, в частности системный подход. Структура экономической системы России будет построена на основе выделения ее ключевых подсистем, которые отражают исторические стадии формирования российского хозяйства, уровни его развития и соответствуют международным критериям выделения этапов развития технологий и экономик.

Анализ построим на базе реализации методологии выделения трех уровней исследования структуры экономики: 1) технологических укладов, 2) социально-экономических отношений и экономико-правовых институтов, 3) цивилизационных и социокультурных инвариантов и трендов. При таком подходе очевидно выделение *трех подсистем экономической системы России*.

Первая подсистема — *традиционно-консервативная* — в соответствии с указанными тремя уровнями включает:

1 — традиционно важные, но зачастую играющие консервативную роль отрасли (аграрное производство и другие «старые», растущие из XIX — начала XX в. отрасли материального производства); технологические уклады, основанные на ручном и слабо индустриализированном труде; машинное производство продуктов невысокой степени переработки, включая сырьевой сектор;

2 — рыночные отношения, обремененные пережитками натурального хозяйства, патриархальных отношений, государственно-бюрократического протекционизма и патернализма;

3 — «традиционные российские цивилизационные инварианты», тяготеющие к идеологии консерватизма.

Вторая подсистема — *либерально-рыночная*, для которой характерны:

1 — преимущественно сборочные производства, являющиеся частью сети транснациональных корпораций (торговля, сервис, финансы, посреднические сферы);

2 — близкие к «классическим», хотя и существенно модифицированные российской спецификой, рыночно-капиталистические экономические отношения и институты;

3 — преимущественно либерально-западническая идеология.

Третья подсистема — *ростки будущей новой смешанной российской экономики*, предполагающей приоритетное развитие высокотехнологичного производства на базе социально ориентированного регулируемого хозяйственного развития. Эта система должна, преодолев основные недостатки прошлого (дефицит, бюрократизм директивного планирования, уравниловку), использовать опыт советской экономической системы и ее достижения, до сих пор востребованные (в том числе в военно-промышленном комплексе), а также опыт таких стран, как Китай, Вьетнам и др.

Данная подсистема должна включать:

1 — высокотехнологичные производства, характерные для 5-го и 6-го технологических укладов, а также кластеры, объединяющие производство, науку и образование;

2 — программирование и селективное регулирование рыночного хозяйства, государственно-частное партнерство и другие смешанные формы хозяйства, интегрирующие преимущества рынка и государственного регулирования;

3 — идеологию опережающего развития на основе критической интеграции цивилизационных достижений Запада и традиционных российских ценностей.

По пути к возрождению

Такая постановка проблемы отражает существующее положение в российской экономике, что несложно проиллюстрировать, используя статистические данные. В структуре ВВП (табл. 1) даже в период благоприятной экономической конъюнктуры 2000-х гг. сокращался удельный вес обрабатывающих производств, ослаблялась продовольственная безопасность страны, базирующаяся на внутреннем сельскохозяйственном производстве. Одновременно рос удельный вес добычи полезных ископаемых, финансовой деятельности и операций с недвижимостью. К позитивным сдвигам можно отнести лишь некоторое сокращение доли торговли. В то же время в отраслях, от которых зависит развитие человеческого потенциала, тенденции к восстановлению после провала 1990-х гг. можно характеризовать как весьма слабые. Так, удельный вес образования остался на прежнем низком уровне, а здравоохранения увеличился лишь на доли процента.

Таблица 1

Структура ВВП России, %

Вид деятельности	2002	2011	2012	2012 минус 2011 (п.п.)	2012 минус 2002 (п.п.)
Сельское хозяйство и пр.	5,3	3,5	3,1	-0,4	-2,2
Рыболовство, рыбоводство	0,3	0,2	0,2	0	-0,1
Добыча полезных ископаемых	5,9	9,2	9,3	0,1	3,4
Обрабатывающие производства, в том числе нефтепереработка и кокс	15,2 1,8	13,2 3	13 3	-0,2 0	-2,2 1,2
Электроэнергетика и пр.	3,2	3,3	3	-0,3	-0,3
Строительство	4,7	5,6	5,5	0	0,8
Торговля и пр.	20,2	16,7	16,9	0,1	-3,4
Гостиницы и рестораны	0,8	0,8	0,8	0	0
Транспорт и связь	9	7,1	7	-0,1	-2,1
Финансовая деятельность	2,6	3,5	3,7	0,2	1,1
Недвижимость, аренда	9,4	10,1	10,1	0	0,7
Госуправление и оборона	4,5	4,8	5,6	0,8	1,1
Образование	2,6	2,5	2,6	0,1	0
Здравоохранение	3	3,1	3,3	0,2	0,4
Прочие социальные услуги	1,7	1,4	1,4	0	-0,3
Чистые налоги на продукты	11,5	14,9	14,5	-0,3	3

Аналогичные тенденции наблюдаются при распределении инвестиций в основной капитал по видам экономической деятельности, что закрепляет сложившуюся неэффективную структуру экономики.

Динамика промышленной продукции за весь период реформ, в том числе и за последние годы (табл. 2), отражает общий упадок промышленного производства и примитивизацию его структуры. На этом фоне позитивно смотрится лишь рост удельного веса производства электронно-оптического и электрооборудования.

Таблица 2

Структура отгруженной продукции, выполненных работ и услуг по видам экономической деятельности, % к общему объему промышленного производства

Вид деятельности	2008	2009	2010	2011	2012
Добыча полезных ископаемых:	0,4	0,5	0,5	0,4	0,5
топливно-энергетических	0,2	0,2	0,2	0,1	0,2
кроме топливно-энергетических	0,2	0,3	0,3	0,3	0,4
Обрабатывающие производства, всего	82,0	78,3	79,5	81,4	81,9
В том числе производство:					
пищевых продуктов (включая напитки) и табака	12,1	15,8	14,3	12,5	14,0
текстильное и швейное	0,8	0,8	0,7	0,6	0,7
кожи, изделий из нее и обуви	1,1	1,3	1,3	1,2	1,5
изделий из дерева и обработка древесины	4,9	5,1	6,5	6,5	6,2
целлюлозно-бумажное, издательская и полиграфическая деятельность	2,2	2,0	2,0	1,7	1,9
химическое	20,9	17,2	17,6	20,4	20,4
резиновых и пластмассовых изделий	6,2	6,0	6,7	7,6	3,8
прочих неметаллических минеральных продуктов	2,6	2,0	1,5	1,6	1,8
металлургическое	11,0	8,2	10,0	9,9	9,8
машин и оборудования (без производства оружия и боеприпасов)	3,5	3,8	4,3	3,5	3,4
электронного и электрооборудования	4,5	4,4	5,0	5,8	7,1
транспортных средств и оборудования	4,0	4,3	3,3	3,8	4,8
прочие	6,3	5,8	5,1	4,8	5,1
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	17,6	21,2	20,0	18,2	17,6
Итого по разделам	100	100	100	100	100

Такое состояние производственной и интеллектуальной базы обуславливает недостаточный уровень инновационной активности практически во всех отраслях российской экономики, в том числе в высокотехнологичных. Общий удельный вес инновационно-активных предприятий остается стабильно низким (см. рисунок). Лишь в последние годы здесь наметились некоторые позитивные тенденции, которые свидетельствуют о первых и, к сожалению, достаточно робких шагах в направлении новой индустриализации. Как



Удельный вес инновационно-активных предприятий.
 (<http://www.hse.ru/data/2013/10/28/1282559304/Skolkovo%20Booklet.pdf>)

отмечалось, экономисты (теоретики и практики) поддерживают это направление. Директор Института экономики РАН, научный руководитель ИНИР, член-корреспондент РАН Р. С. Гринберг в своих выступлениях и публикациях не раз подчеркивал необходимость перехода к новой экономической политике, обеспечивающей развитие реального производственного сектора на основе прогресса смешанной, активно регулируемой государством и социально ориентированной рыночной экономики [30]. Эта позиция характерна и для советника Президента Российской Федерации академика С. Ю. Глазьева, который считает роль государства решающей на любом этапе развития базисных отраслей нового технологического уклада [31].

Сказанное не означает, что перспективы российской экономической системы должны быть связаны исключительно с развитием третьей из выделенных нами подсистем. Существенные коррективы необходимы во всех блоках российской экономики.

Выделим *ключевые задачи развития* применительно к трем названным выше подсистемам:

- *первая подсистема*. Снижение издержек производства в аграрном и топливно-сырьевом секторе (экспортные доходы в этой сфере долго будут играть главную роль); резкое повышение инновационной активности с целью создания необходимой базы для двух остальных подсистем, обеспечения экономической безопасности (в том числе продовольственной независимости); ориентация на патриархальные и консервативные традиции как на стабилизирующий фактор;

- *вторая подсистема*. Восстановление массового поточного производства в востребованных рынком суботраслях; обеспечение доступности кредитно-финансовых, страховых и прочих услуг для бизнеса; «отладка» конкурентных институтов и использование конструктивной личной инициативы;

- *третья подсистема*. Обеспечение реализации функций первых двух подсистем за счет мобилизации интеллектуального и социального капитала нации и формирования инновационной среды, без которой невозможно проведение эффективной реиндустриализации.

Анализ опыта участия бизнеса и государственных структур в экономике страны показывает, что выполнение задач третьей подсистемы потребует существенного изменения экономических отношений, институтов, экономической политики и культурно-идеологических стереотипов.

По результатам аналитического исследования можно сделать определенные выводы о перспективах развития *высокотехнологичного сектора материального производства* и требованиях, предъявляемых к целям и средствам реформирования модели экономической системы России.

Для России традиционно характерно приоритетное развитие базовых отраслей материального производства, использующих сырьевые и другие природные ресурсы страны для прогресса в сферах машиностроения, авиастроения, атомно-энергетической, космической, других связанных с ними отраслей и, конечно, оборонного комплекса страны и соответствующих высокотехнологичных производств. Возрождение ВПК началось в последние годы, о чем говорит рост государственных вложений в его развитие. Эта тенденция отвечает основным цивилизационным кодам России, предполагающим приоритет целого — державы, но при активной поддержке тех инициатив предпринимателей, которые отвечают задачам возрождения страны. Мы настаиваем на том, что экономическая система должна обеспечивать развитие такого материального производства, которое гарантирует экономическую, военную и иную безопасность государства.

Для реализации всех объективно возможных направлений развития экономики России в ней должны произойти *системные изменения*. К ним относятся разработка и реализация долгосрочных программ и среднесрочных индикативных планов, проведение активной промышленной политики, способствующей развитию рыночной инициативы, государственная поддержка современных отечественных производств, борьба с паразитическим посредничеством и экспансией ТНК в российскую экономику. Важным инструментом этой политики должно стать государственно-частное партнерство, основанное на стабильной системе институтов, гарантирующих частному бизнесу возможности долгосрочных инвестиций в НИОКР и технологическое перевооружение производства. Соответствующим образом должны быть построены налогообложение и кредитование отраслей реального сектора (особенно высокотехнологичного), призванные стимулировать их развитие и инновационный потенциал. Наконец, система должна обеспечивать умеренный уровень социальной дифференциации, при котором разница в доходах граждан зависит главным образом от их реального вклада в развитие экономики.

Все эти параметры легко могут быть конкретизированы в виде некоторого набора программных ориентиров экономической политики. Определенные результаты в этом направлении достигнуты учеными ИНИР [32], экспертами Московского экономического форума [33], группами исследователей под руководством академика С. Ю. Глазьева [34], учеными, публикующими материалы по проблемам неоиндустриализации в журнале «Экономист» [35, 36], и др.

Список литературы

1. Клейнер, Г. Б. Стратегическое планирование: основы системного подхода / Г. Б. Клейнер // Модернизация экономики и общественное развитие: В 3 кн. — Кн. 2. — М.: Издат. дом ГУ-ВШЭ, 2008. <http://www.kleiner.ru/skrepk/strategplan-2008.pdf>
2. Корнаи, Я. Системная парадигма / Я. Корнаи // Вопросы экономики. — 2002. — № 4. — С. 10–12.
3. Львов, Д. С. Теоретические и прикладные аспекты управления НТП / Д. С. Львов, С. Ю. Глазьев // Экономика и математические методы. — 1986. — № 5.
4. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл; пер. с англ. — М., 2000.
5. Белл, Д. Социальные рамки информационного общества / Д. Белл // Новая технократическая волна на Западе. — М.: Прогресс, 1986.
6. Иноземцев, В. Л. За пределами экономического общества / В. Л. Иноземцев. — М., 1998.
7. Тоффлер, Э. Третья волна / Э. Тоффлер. — М., 1999.
8. Курс политической экономии: учеб. пособие / под ред. Н. А. Цаголова. — М.: Экономика, 1973.
9. Радаев, В. В. Экономика переходного периода / В. В. Радаев, А. В. Бузгалин. — М., 1995.
10. Пороховский, А. А. Российская рыночная модель: путь реализации / А. А. Пороховский // Вопросы экономики. — 2007. — № 10. — С. 35.
11. Абалкин, Л. И. Россия: Поиск самоопределения: очерки / Л. И. Абалкин. — 2-е изд., доп. — М., 2005.
12. Сорокин, Д. Е. Политико-экономические ориентиры институциональной трансформации / Д. Е. Сорокин // Китай и Россия. — М., 2003.
13. Гринберг, Р. Г. Экономическая социодинамика / Р. Г. Гринберг, А. Я. Рубинштейн. — М., 2000.
14. Гринберг, Р. С. Россия: экономический успех без развития и демократии? / Р. С. Гринберг // Экономическое возрождение России. — 2005. — № 2. — С. 11.
15. Гринберг, Р. С. Свобода и справедливость. Российские соблазны ложного выбора / Р. С. Гринберг. — М., 2012.
16. Аузан, А. А. Мы приближаемся к моменту истины нашей цивилизации / А. А. Аузан // Свободный мир. — 2011. Режим доступа: <http://www.liberty.ru/Themes/Aleksandr-Auzan-Mu-priblizhaemsa-k-momentu-istiny-nashej-civilizacii>
17. Аузан, А. А. Экономика всего: как институты определяют нашу жизнь / А. А. Аузан. — М., 2014. Режим доступа: <http://read.bizlib.org/aleksandr-auzan-ekonomika-vsego.html>
18. Осипов, Ю. М. Столетие «Философии хозяйства» С. Н. Булгакова / Ю. М. Осипов // Философия хозяйства: альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. — 2012. — № 3 (81). — С. 21.
19. Кульков, В. М. Доминанты экономического строя России / В. М. Кульков // Актуальная Россия. — М.; Волгоград, 2000.
20. Бодрунов, С. Д. К вопросу о реиндустриализации российской экономики / С. Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. — 2013. — № 4 (38).
21. Бодрунов, С. Д. Институциональные механизмы концепции нового индустриального развития России в условиях ВТО / С. Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. — 2013. — № 4 (38).
22. Бодрунов, С. Д. Реиндустриализация российской экономики: возможности и ограничения: науч. докл. / С. Д. Бодрунов // Научные труды Вольного экономического общества России. — 2014. — № 1. Т. 180. — М., 2014.

23. *Бодрунов, С. Д.* Стратегия и политика реиндустриализации для инновационного развития России / С. Д. Бодрунов, В. Н. Лопатин; ИНИР. — СПб., 2014. — 486 с.
24. *Бабкин, К. А.* Разумная промышленная политика, или Как нам выйти из кризиса / К. А. Бабкин. — М., 2008.
25. *Иноземцев, В. Л.* Modernizatsya.ru: Made in Russia / В. Л. Иноземцев // Ведомости. — 2010. — 12 июля.
26. *Колганов, А. И.* Реиндустриализация как ностальгия? Теоретический дискурс / А. И. Колганов, А. В. Бузгалин // Социс. — 2014. — № 1.
27. *Колганов, А. И.* Реиндустриализация как ностальгия? Poleмические заметки о целевых акцентах альтернативной социально-экономической стратегии / А. И. Колганов, А. В. Бузгалин // Социс. — 2014. — № 3.
28. *Кашин, Б. С.* Философия инновационного паразитизма / Б. С. Кашин // Свободная пресса. — 13.12.2011. Режим доступа: <http://commpart.livejournal.com/15221.html>
29. *Смолин, О. Н.* Выступление на Московском экономическом форуме-2014 / О. Н. Смолин. Режим доступа: http://me-forum.ru/media/events/plenary_discuss_I/
30. *Гринберг, Р. С.* Мифы о свободном рынке должны уйти в прошлое / Р. С. Гринберг // Экономика для человека: социально ориентированное развитие на основе прогресса реального сектора: материалы Московского экономического форума / под ред. Р. С. Гринберга, К. А. Бабкина, А. В. Бузгалина. — М.: Культурная революция, 2014. — С. 15—17.
31. *Глазьев, С. Ю.* Переход на новый — гуманитарный технологический уклад / С. Ю. Глазьев // Модернизация российской экономики. Уроки прошлого, шансы, риски. — М., 2012. — С. 23.
32. *Бодрунов, С. Д.* Формирование стратегии реиндустриализации России / С. Д. Бодрунов; ИНИР. — СПб., 2013. — 680 с.
33. Экономическая система России: Анатомия настоящего и стратегии будущего (реиндустриализация и/или опережающее развитие). — М.: ЛЕНАНД, 2014.
34. *Глазьев, С. Ю.* Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса / С. Ю. Глазьев. — М.: Экономика, 2010.
35. *Губанов, С. С.* Системный выбор России и уровень жизни / С. С. Губанов // Экономист. — 2011. — № 11.
36. *Губанов, С. С.* Державный порыв. Неиндустриализация России и вертикальная интеграция / С. С. Губанов. — М.: Книжный мир, 2012.

В. Т. Рязанов¹

НОВАЯ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ РОССИИ: СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ЦЕЛИ И ТЕКУЩИЕ ПРИОРИТЕТЫ

Сложившаяся экспортно-сырьевая модель экономики в России опасна не только своими макроэкономическими последствиями, но и политико-экономической зависимостью от внешних условий и факторов хозяйствования ее главных выгодоприобретателей. Таковыми являются сырьевые компании и государственная бюрократия, успешность и благополучие которых определяются величиной рентных доходов, поступающих в их распоряжение. В возникшей системе хозяйственных координат сырьевая рента превратилась в своего рода экономический наркотик, препятствующий переходу к устойчивому и сбалансированному развитию страны с опорой на внутренние факторы. Этим определяется насущная необходимость проведения активной промышленной политики в рамках новой индустриализации России, нацеленной на смену экспортно-сырьевой модели развития.

В современной России проблема восстановления индустриального каркаса приобретает значительно более острый характер, чем в других развитых экономиках. Заимствование хозяйственного устройства западной экономической модели не могло не привести к воспроизводству ее существенных изъянов в нашей экономике. Сегодня она, казалось бы, достигла так желаемой реформаторами похожести на эталонную экономику, но не столько по ее достоинствам, сколько по недостаткам. Во всяком случае рентно-сырьевая составляющая хозяйственного строя России дополнилась рентно-долговым звеном, что усиливает действие деиндустриальной инерции с соответствующими негативными последствиями.

Во-первых, следует учитывать, что восстановительный процесс в экономике России с началом рыночной трансформации еще не завершен. Хотя по показателю ВВП экономика страны, согласно официальным данным, превзошла уровень 1990 г. на 8%, общий объем промышленного производства был не менее чем на 15% ниже дореформенного. На уровень 1990 г. вышли только топливный и металлургический комплексы, переориентированные на обслуживание мирового хозяйства. Приходится считаться с тем, что в 1990-е гг. прекратили свою деятельность свыше 75 тыс. промышленных предприятий, а численность занятых в промышленности сократилась с 17,2 млн человек в 1990 г. до 13,2 млн человек в 2012 г. Если удельный вес машиностроения в структуре промышленного производства уменьшился в два раза, то падение по отдельным позициям приобрело обвальный характер. К примеру, производство гражданских самолетов сократилось в 15 раз, тракторов — в 30, металлорежущих станков — в 34 раза и т. д. Это означает, что реальный экономический потенциал страны в полной мере не восстановлен, не говоря уже о его качественном состоянии.

Во-вторых, в народном хозяйстве России произошла масштабная структурная деградация, которая имеет множество проявлений. Ее можно наблюдать, сопоставляя усиливающийся разрыв застойного состояния реального производства и научного обеспечения с опережающим ростом торгово-финансовой и управленческой сфер деятельности. Так, в настоящее время в торговле занято больше работников, чем во всей обрабатывающей промышленности (12,3 и 10,2 млн человек соответственно). Продолжается сжатие сферы НИОКР, определяющая роль которой в инновационной

¹ В. Т. Рязанов, заведующий кафедрой экономической теории Санкт-Петербургского государственного университета, д-р экон. наук, профессор.

активности хорошо известна. Если в 1990 г. в ней было занято 1,5 млн человек, то к 2012 г. она сократилась до 0,8 млн человек.

В-третьих, мировой экономической кризис и трудности выхода из него подтверждают истощенность экспортно-ориентированной модели экономического роста, основанной на рентно-сырьевой специализации экономики России в международном разделении труда. Если в 1993 г. по объему добавленной стоимости в промышленности Россия с долей в 2,5% занимала 8-е место в мире, то в 2012 г. она переместилась на 12-е место с долей в мировой промышленной продукции 1,9%. Необходима переориентация с модели экономики внешнего спроса на сырье на экономическую модель, базирующуюся на активном включении внутренних факторов роста. Целесообразно расширять практику стимулирования развития высокотехнологичного и наукоемкого производства с поиском более выигрышного места в мировом хозяйстве, не исключая возможности импортозамещения, несмотря на всю сложность в условиях вступления в ВТО.

Отмеченные обстоятельства предопределили формирование в обществе консенсуса о необходимости ухода от рентно-сырьевой экономики и проведения активной политики диверсификации. Сегодня острые дискуссии и альтернативные подходы связаны уже не с идеей «энергосверхдержавы», а с выбором наиболее результативного варианта достижения стратегической цели диверсификации экономики и обоснованием текущих приоритетов экономической политики. Здесь существуют серьезные разногласия, которые начинаются с точности формулировок определения стратегической цели трансформации сложившейся экономической модели.

Как представляется, в содержательном отношении стратегические перспективы в развитии экономики России более точно можно обозначить выдвижением программы «новой индустриализации». Подчеркнем, что *слова имеют значение*, особенно когда с их помощью формулируются понятные для общества цели развития и определяется повестка дня. В данном случае акцент на неоиндустриализацию оправдан, поскольку обращен к собственному историческому опыту и памяти народа в решении масштабных задач социально-хозяйственного переустройства. Одновременно важным аспектом в данной конструкции является указание на «новизну» программы индустриализации. Если «старая индустриализация» — индустриализация «моторов и машин» — определила переход от аграрной к раннеиндустриальной экономике, то ее современный этап опирается на информационные технологии, био- и нанотехнологии, которые не только важны сами по себе, но и способны обновить облик традиционных промышленных отраслей.

Следует трезво оценивать возможности использования неолиберальной модели при проведении диверсификации экономики с главными акцентами на рыночные инструменты и продолжение приватизации. Основной риск для страны сегодня связан не с усилением регулирующей роли государства, а с ее ослаблением. Борьба с коррупцией и бюрократией, бесспорно, необходимо, но не путем «приватизации» и «маркетизации» государства. Системные риски, связанные с дезинтеграционными тенденциями, природными и техногенными катастрофами, перманентными террористическими угрозами и разгулом криминала, обострением международной конкуренции, будут усиливаться по мере свертывания государственной деятельности и ослабления государства. Не стоит забывать, что государство — это общественно значимый институт, благодаря которому появляется возможность реализовать народнохозяйственные проекты и обеспечивать общественные приоритеты, сдерживая «дух наживы» в хозяйственной деятельности.

Что касается самой программы новой индустриализации России, то в ней следует отказаться от противопоставления «старых» (традиционных отраслей), исчезающих в ходе преобразовательной деятельности, и «новых» (высокотехнологичных производств), идущих им на смену. Инновационный сектор должен развиваться не путем вытеснения традиционных отраслей и производств агроиндустриальной экономики, а уже с самого начала ориентироваться на технико-технологическое обновление, которое должно придать исторически профильным отраслям страны высокотехнологичный и наукоемкий облик. В этой связи нельзя не согласиться с тем, как в докладе профессора

С.Д.Бодрунова, сделанного на Научном совете МГУ по разработке современной экономической теории и российской модели социально-экономического развития (05.06.2014 г.), была сформулирована «парадигма развивающейся экономики», которая реализуется в рамках стратегии реиндустриализации. Она определена как «восстановление роли и места промышленности в экономике страны в качестве ее базовой компоненты на основе нового технологического уклада путем решения комплекса экономических, организационных и иных задач» [3, с.8]. В контексте такого подхода особое внимание следует обратить на сырьевой комплекс как источник нынешнего благополучия и финансового обеспечения будущей неоиндустриализации, усиливая в нем перерабатывающий сегмент [4, 5, 7]. Такой подход к диверсификации необходим для восстановления сбалансированной экономики, грамотно сочетающей ориентацию на внутренний и внешний спрос, что является необходимым условием устойчивости экономического развития. Если принять во внимание неизбежную поэтапность и длительность реализации программы неоиндустриализации, то ее конечной целью, безусловно, выступает осуществление технико-технологического прорыва. Поэтому новая индустриализация должна трансформироваться в программу реализации основных направлений разворачивающейся в мире технотронной революции. Проблема в том, насколько эту стратегическую цель как главное звено текущей политики можно решить «сходу», не восстановив разрушенный контур индустриальной экономики. Попытаться совершить «прыжок» в шестой технологический уклад, минуя не развившийся у нас пятый и забывая о деградации сферы производства, это значит выстраивать политику на основе иллюзий и утопических проектов. Сказанное не означает, что нужно сворачивать фундаментальные и прикладные разработки, напротив, их следует всячески поддерживать и стимулировать, не забывая о других насущных проблемах. Поэтому в процессе выработки курса на новое индустриальное развитие предстоит одновременно решать три взаимосвязанные задачи:

1) обеспечить восстановление в должном объеме производства товаров массового потребления и строительно-инвестиционного спроса, поддерживая и развивая региональные и местные рынки с опорой на малый и средний производственный бизнес;

2) возродить основные отрасли промышленности, ранее сформировавшие индустриальный каркас нашей экономики (ОПК, энергетику, машино-, авиа-, станкостроение и т.п.), делая ставку на их перевооружение и активизацию промышленной политики государства;

3) поддерживать и развивать заделы в перспективных областях будущего научно-технического прорыва, выстраивая стратегию долгосрочного развития.

Одновременное решение этих задач не исключает определенной последовательности в прохождении отдельных этапов. Акцент на решении первоочередных задач предполагает выбор сбалансированной и многовекторной новоиндустриальной политики с соответствующими наборами инструментов. Последовательная смена акцентов при ее грамотном осуществлении создаст самоподдерживающийся процесс реализации необходимых изменений.

В этой связи заслуживает особого внимания ключевая проблема нашей экономики, обусловленная несформировавшимся спросом производителей на высокотехнологичные инновации, что отражает невостребованность науки и образования, творческого и производительного труда. Недостаток внутреннего спроса на инновации, а значит, слабые рыночные стимулы в развитии наукоемкого производства, обусловлены разными причинами. Во-первых, недофинансирование сферы НИОКР, приведшее к разрушению ее целостной структуры, резко ослабило связь с реальным производством, а имеющиеся научные и прикладные заделы в значительной мере утеряны либо уже устарели. Поэтому, чтобы сегодня этот сектор заработал на полную мощь, необходимы крупные финансовые вливания и, что еще важнее, его кадровое пополнение и отказ от разрушительных нововведений.

Во-вторых, ограниченный спрос на инновации обусловлен процессами, происходящими в самом производстве. Доминирование высокоприбыльного бизнеса в сырьевом сегменте промышленности, высокий уровень монополизации и слабость конкурентных механизмов в большинстве производственных отраслей, возможность привлечения относительно дешевой рабочей силы, закупка готового

современного оборудования за рубежом и т. д. — все это мешает формированию заинтересованности российского бизнеса в финансировании отечественной сферы НИОКР и последующем использовании ее разработок в производстве. Наглядный пример — существующий уровень коммерциализации результатов НИОКР в нашей стране, который составляет 5%, в то время как в Европе до 65% всех результатов научных исследований становятся объектами коммерческих сделок.

Превалирующая модель бизнеса в своем успехе больше опирается не на инновационность и использование отечественных достижений НТП, а на получение выгод за счет выбивания для себя предпочтений с использованием коррупционных механизмов в сфере госуправления. Этим закладываются антиинновационные характеристики самого российского бизнеса. Не случайно сегодня к числу инновационно активных предприятий в России, по данным Минэкономразвития, отнесено 9,6% от их общего количества, в то время как в Германии — 71,8%, в Финляндии — 52,5%. Поэтому удельный вес инновационной продукции в общем промышленном объеме в России составляет лишь 4,9%, а доля в мировом экспорте наукоемкой продукции находится в диапазоне 0,3...0,8%. Для сравнения: в КНР она составляет 6%.

Пока же инновационная деятельность российских компаний осуществляется преимущественно через импорт технологий и оборудования. В 2011 г. они направили на инновации 358,9 млрд рублей, в основном на закупки импортных технологий (только 16% российских компаний создают их сами). Однако для их успешного внедрения в производство необходимы соответствующий уровень подготовки промышленности, а также наличие конкурентной среды, высококвалифицированного управленческого персонала, рабочих кадров и активная промышленная политика государства. Таким образом закладывается необходимый фундамент *формирования спроса на технологическое обновление*.

Принятие формирования спроса на высокотехнологичные инновации в качестве приоритетной цели является альтернативой курсу на проведение модернизации в рамках теории экономики предложения, которая подчинена созданию благоприятного делового климата, активизирующего рыночные механизмы и стимулирующего бизнес. К стандартным методам улучшения делового климата относятся снижение инфляции, налогов, защита прав собственности, устранение административных барьеров, развитие конкурентной среды, уменьшение политических рисков и т. п. Безусловно, необходимо заниматься отработкой экономико-правовой среды для формирования более привлекательного инвестиционного климата. Вместе с тем возникает вопрос, насколько реально в современных российских условиях добиться технико-технологического разворота экономики в рамках политики экономики предложения? Более конкретно данный вопрос можно сформулировать по-другому: насколько эффективно стимулировать предложение в условиях избытка производственных мощностей? Ведь, по данным Минэкономразвития, общий уровень загрузки производственных мощностей в нашей промышленности не превышает 65%, что свидетельствует о наличии заметного резерва для наращивания производства. В машиностроительном комплексе уровень использования мощностей по многим видам производства еще ниже — 20...40%. Проблема заключается в том, что многие из них изношены или существенно устарели и требуют замены. В этом случае импортозамещение должно сопровождаться расширением инвестиционной деятельности, направленной на масштабное обновление капитала.

По существу, приоритетное формирование благоприятного инвестиционного климата равнозначно реанимации неолиберального курса. Он базируется на идее о главной, а то и единственно значимой, роли рынка и бизнеса в эффективном решении задач диверсификации российской экономики. Оценивая неолиберальный подход, не следует забывать о результатах реформ 1990-х гг.: обрушение экономики и нарастание ее сырьевой специализации. Мы это уже проходили. Зарубежный и отечественный опыт давно доказал потенциал рынка в экономическом развитии при отлаженном производстве и растущем спросе. При проведении же радикальной технико-технологической перестройки производства высокие затраты, длительные сроки окупаемости, высокие риски и т. п. объективно ограничивают возможности бизнеса самостоятельно осуществить такую перестройку. С учетом

ослабленности экономики и совокупности сложившихся условий хозяйствования в нашей стране, а также существующих исторических традиций выбор в пользу политики направленного (со стороны государства) формирования спроса на инновации представляется объективно обусловленным. Это не исключает, а, напротив, предполагает использование мер по поддержке предпринимательства в производстве с выделением их специального блока применительно к высокотехнологичным отраслям.

Что необходимо сделать для формирования внутреннего спроса в России на технологическое обновление и инновации? Прежде всего должны быть приняты меры по стимулированию обновления критически устаревшего основного капитала в производстве, что предопределяет значительные масштабы выпуска неконкурентоспособной продукции. Для этого, в частности, в экономической политике следует вернуться к импортозамещению, которое активно используется в международной практике, особенно при выводе экономики из кризиса. Достаточно сослаться на недавний пример США. Несмотря на все декларации о необходимости сохранять открытость торговли и не допустить возрождения протекционизма, в феврале 2009 г. Палата представителей Конгресса США поддержала движение «Покупай американское», а в принятом пакете мер по антикризисному стимулированию экономики на сумму в 800 млрд долларов при реализации инфраструктурных проектов предусмотрено использование только американской стали и промышленных товаров. Еще один пример: во Франции в настоящее время активно продвигается программа «Поддержки отечественного производителя».

Примером достаточно успешного применения импортозамещения стала антикризисная политика в нашей стране после дефолта 1998 г., благодаря которой удалось в короткие сроки перевести кризисную экономику России в фазу восстановительного роста. Это оказалось неожиданным для большинства экспертов, которые прогнозировали ухудшение ситуации в стране в 1999 г. Тем не менее, сокращение импорта с 72 до 39,6 млрд долларов позволило в течение последующих трех лет, когда объем импорта не превышал значения 1997 г., с опережающими темпами увеличить промышленное производство в текущих ценах в 4,4 раза (с 1,6 до 7,1 трлн рублей) при одновременном более чем четырехкратном росте розничного товарооборота. Подчеркнем, что самые высокие темпы развития промышленного производства в постсоветский период были обеспечены как раз в 1999 и 2000 гг. и составили 11,0 и 11,9% соответственно (в сопоставимых ценах). Также высокие темпы были продемонстрированы в инвестиционной сфере: капиталовложения в основные фонды промышленности в сопоставимых ценах выросли на 5,3% в 1999 г., на 17,4% — в 2000 г., на 10,0% — в 2001 г.

И хотя импортозамещающий механизм вывода российской экономики из кризиса в 1999–2001 гг. опирался по преимуществу на некапиталоемкий вариант, поскольку реализовывался благодаря задействованию простаивающих производственных мощностей и незанятой рабочей силы, он способствовал переходу к нормальной инвестиционной модели экономического роста. Доля общих инвестиций в ВВП возросла с 12 до 16,5%. Важно отметить, что на волне импортозамещения в ряде отраслей произошло заметное технико-технологическое перевооружение производства. Об этом свидетельствует, в частности, сокращение износа в пищевой промышленности с 46,5% в 1997 г. до 33,5% в 2003 г., которая (наряду с газовой) стала отраслью с наиболее обновленными основными фондами. Закономерно, что объем пищевой промышленности, который в 1998 г. упал до 45% к уровню 1991 г., к 2003 г. увеличился до 70%, а к 2008 г. — до 90%.

Подчеркнем, что успех импортозамещающего фактора предполагает одновременную нормализацию макроэкономической среды для производителей и введение разумных мер по защите внутреннего рынка, которые первоначально были осуществлены правительством Примакова — Маслюкова. Можно сказать, что само изменение отношения к производству и производителям вернуло доверие зарождавшегося производственного бизнеса к проводимой правительством политике и практически мгновенно позволило запустить простаивающий производственный капитал. Безусловно, важную роль сыграло значительное удорожание импортной продукции из-за резкой девальвации национальной валюты. Во многих случаях оно достигало трехкратной величины, что существенно повышало

ценовую конкурентоспособность отечественных товаров.² Подчеркнем, что одного этого ресурса недостаточно для стимулирования роста промышленного производства, особенно в ослабленной и несложившейся рыночной экономике. В результате действия совокупности факторов начавшийся экономический рост благодаря импортозамещению позволил российским производителям упрочить позиции на внутреннем рынке (табл. 1).

Таблица 1

Отношение импорта товаров к внутреннему производству в промышленности России (1999—2001 гг.), %

Вид продукции	1999	2000	2001
Пищевая продукция (включая напитки и табак)	51,0	39,4	39,2
Текстиль и швейные изделия	87,2	86,2	83,3
Древесина и изделия из нее	20,7	19,1	22,4
Химическая продукция	61,5	57,7	64,3
Металлы и изделия из них	11,1	10,2	11,2
Машины, оборудование, транспортные средства	48,6	38,4	35,0

Рассчитано по: [1].

В последующие годы экономический рост в РФ поддерживался главным образом действием внутренних факторов: увеличение объема конечного потребления как за счет домашних хозяйств, так и благодаря росту потребления со стороны государства обеспечивало практически весь прирост ВВП страны. Такой характер экономического роста сохранялся после кризиса 2008–2010 гг. В этой связи полезно более подробно проанализировать факторы экономического роста в России в 2010–2013 гг. Расчетные данные о соотношении факторов роста ВВП страны после кризиса 2008–2009 гг., с одной стороны, указывают на их совпадение с докризисным периодом, с другой — фиксируют возникновение новых тенденций (табл. 2). То, что в указанные периоды основными стимулами роста оставались внутренние факторы (конечное потребление, прежде всего домашних хозяйств, а также инвестиции, используемые в производстве), находит подтверждение в изменении структуры ВВП. Так, доля потребления домашних хозяйств в 2000 г. в текущих ценах составляла 45%, а в 2013 г. увеличилась до 47,9%. При расчете ВВП в постоянных ценах 2008 г. его доля увеличилась с 75% в 2000 г. до 96,3% в 2013 г.

Что касается экспорта, то его значение не превышает 4% прироста ВВП в текущих ценах. Иначе говоря, основные факторы роста определяются состоянием внутреннего спроса нашей экономики, рост его емкости закладывал и по-прежнему формирует предпосылки успешности развития. Подчеркнем, что выделенные периоды характеризовались исключительно благоприятной внешнеэкономической конъюнктурой, не считая сбоя в 2008–2009 гг., поэтому возникала иллюзия перспективности опоры на экспортно-ориентированную модель роста. Целесообразность ее использования на основе преимущественно сырьевого экспорта представляется еще более сомнительной, если приведенные расчеты перевести из текущих в сопоставимые цены (см. табл. 2). Сошлемся на уже проведенный анализ [6, с. 51–61, 196–201], согласно которому опережающий рост цен на энергоресурсы существенно улучшил условия внешней торговли для нашей страны. Благодаря этому Россия могла при том же физическом объеме экспорта углеводородов и сырья приобретать

² В качестве показательного примера сошлемся на соотношение цен на таком чувствительном для потребителей сегменте рынка, как рынок спиртных напитков. После дефолта цены на импортную продукцию выросли втрое, пропорционально росту курса доллара, а на отечественную водку цена к концу 1998 г. поднялась максимум на 40% по сравнению с докризисным периодом.

значительно больше импортных товаров (по физической массе). За 2003–2007 гг. объем импорта продукции по физической массе возрос в 2,6 раза, тогда как экспорт увеличился в 1,5 раза. В результате прирост импорта в сопоставимых ценах почти в два раза превышал прирост экспорта. Это привело к отрицательному значению чистого экспорта в 2007–2008 гг. и активизации процесса вытеснения отечественных товаропроизводителей с внутреннего рынка. Можно считать, что с 2007 г. потенциал роста внешнего спроса для российских производителей оказался меньше увеличения доли импорта в приросте емкости внутреннего рынка. По оценке И. А. Погосова, при выявленных масштабах вытеснения импортом отечественного производства возможности роста национального производства ежегодно сокращались примерно на 1...1,5% [6, с. 52].

Таблица 2

Основные факторы роста ВВП России (2010—2013 гг.)

Факторы роста	В текущих ценах		В постоянных ценах 2008 г.	
	трлн р.	%	трлн р.	%
Прирост ВВП	28,0	100,0	5,4	100,0
Прирост конечного потребления	18,5	66,1	5,5	101,8
В том числе:				
домашних хозяйств	13,4	47,9	5,2	96,3
государственного управления	5,0	17,9	0,4	7,4
Прирост валового накопления	7,7	27,5	3,0	55,5
» накопления основного капитала	5,8	20,7	1,8	33,3
» чистого экспорта	1,0	3,6	–2,8	–51,8
» емкости внутреннего рынка	27,0	100,0	8,2	100,0
В том числе за счет:				
внутреннего производства	19,9	73,71	3,7	45,7
импорта	7,1	26,3	4,5	54,9

Рассчитано по: [2].

Дополнительным фактором, повлиявшим на торможение роста российской экономики после кризиса 2008–2009 гг., стало заметное снижение темпов роста производительности труда. Если в период 1999–2007 гг. она росла на 7...7,5% ежегодно, то в период 2010–2012 гг. ее рост сократился до 3,1...3,8%.

Возникает вопрос: насколько хозяйственная модель России является экспортно-ориентированной, как ее традиционно определяют? Ранее было показано, что с точки зрения действия первичных факторов она таковой формально не является. Вместе с тем значение экспорта и его доходов играет ключевую роль в наполнении доходной части бюджета. Если в 2000 г. поступления в федеральный бюджет от внешнеэкономической деятельности составили 229 млрд рублей (20,2% от всех доходов), то уже в 2005 г. они выросли до 1681 млрд рублей (30% от всех доходов), а в 2011 г. достигли 4665 млрд рублей (41% от всех бюджетных поступлений). Значимость поступлений по данной доходной статье (не считая увеличения по сопутствующим видам налогов) заключается в том, что она занимает первое место в федеральном бюджете по объему, и ее наполняемость фактически определяет возможности достижения профицита бюджета. При исключении данной статьи в федеральном бюджете возникает дефицит в размере не менее 7,7% ВВП.

Экспорт сырья также играл важную роль в формировании преобладающей части прибылей сырьевых компаний и соответственно в образовании высокой рентабельности в данной отрасли. Так, в 2011 г. общая прибыль, полученная при добыче полезных ископаемых, составила 1,8 трлн рублей, что определило рентабельность по реализованной продукции в 31,4%. Для сравнения: прибыль всего обрабатывающего комплекса в этом же году равнялась 2,0 трлн рублей при уровне рентабель-

ности реализованной продукции 13,2%, а при производстве машин и оборудования рентабельность значительно ниже — 6,6%.

Тем самым по своему внутреннему строению и внешним зависимостям российская экономика представляла собой достаточно типичный вариант экспортно-сырьевой экономики со всеми ее недостатками, хотя сам по себе экспорт сырья формально не играл значительной роли в обеспечении роста экономики России. Это не была экспортно-ориентированная модель экономического роста в чистом виде, особенно когда такая модель базируется на экспорте готовой продукции. Справедливость такого вывода подкрепляется тем, что экономика с большим по емкости собственным рынком по определению органично и устойчиво развивается, если опирается на растущий внутренний спрос, поддерживаемый собственным производством или экспортом готовой продукции, а также их комбинацией.

Однако именно благодаря увеличению доходов от экспорта углеводородов и сырья в значительной мере поддерживался рост как конечного потребления, так и инвестиций, что благоприятствовало экономическому развитию страны. За счет высоких цен на нефть и экспортных доходов обеспечивалось до 2/3 прироста конечного потребления в стране. Соответственно можно считать, что и экономический рост опосредованно примерно на 50% поддерживался экспортом. Такую оценку, в частности, дает Минэкономразвития РФ.

Возникающие при этом вторичные эффекты с точки зрения воздействия на характер и темпы экономического роста могут быть как положительными, так и отрицательными. Они традиционно исследуются в контексте проблемы функционирования рентно-сырьевой экономики, связанной с так называемым ресурсным проклятьем.

Положительными вторичные эффекты будут, если достаточная (а на каких-то этапах — преобладающая) часть доходов ресурсного экспорта направляется на увеличение инвестиций в производственной сфере, а прирост расходов конечного потребления обеспечивается наращиванием внутреннего производства. Именно по такому сценарию происходило восстановление российской экономики после дефолта 1998 г. Опираясь первоначально на импортозамещение, а затем на наращивание инвестиционной активности, удалось вывести экономику в фазу поддерживающего и устойчивого роста. К сожалению, данный ресурс не был использован в полной мере для реальной диверсификации производства. Наступивший период высоких цен на энергоресурсы и сырье поддерживал рост, сглаживая недостатки «недодиверсифицированного» производства.

Вторичные эффекты сырьевого экспорта будут отрицательными, если растущий внутренний спрос удовлетворяется за счет увеличивающихся импортных поставок готовой продукции потребительского и инвестиционного назначения. Обратной стороной экспортно-сырьевой модели является подавление импортом отечественных производителей готовой продукции. Поэтому современную российскую модель правильнее определять как *импортно-ориентированную*. Количественно данный разворот фиксируется возникновением отрицательного значения чистого экспорта при расчете в постоянных ценах. Такая ситуация возникла в предкризисный период 2007–2008 гг., а после мирового кризиса она усугубилась (см. табл. 2). Отрицательное значение чистого экспорта в 2,8 трлн рублей предопределило практически двукратное сокращение потенциально возможного роста ВВП в 2010–2013 гг.

Закономерным следствием действия тенденции деиндустриализации стали падение темпов, потеря устойчивости и «самовоспроизводимости» экономического роста. В этом заключается главное объяснение неодинаковых результатов восстановления экономики России после кризисов 1998 г. и 2008–2009 гг. Недооцененные и плохо просчитанные потери от вступления РФ в ВТО в 2012 г. тоже внесли свою лепту в торможение экономического роста. Первые результаты участия в ВТО характеризовались замедлением экспорта и ускорением импорта. Даже металлургическая отрасль, которая, по расчетам, должна была выиграть при вступлении в ВТО, эти ожидания не оправдала.

Кроме того, следует учитывать, что зависимость российской экономики от внешних условий хозяйственной деятельности приобретает двоякий характер. По линии экспорта она определяется сильным влиянием мировых цен на энергоносители на объем требуемых доходов для поддержания роста конечного потребления. По линии импорта она выражается в возникновении критичных зон в обеспечении потребления по многим продуктовым позициям, что приобретает практическое значение в условиях введения санкций в связи с событиями на Украине.

Еще одной существенной стороной внешней зависимости экономики России является наращивание избыточных заимствований банков и бизнеса. Общий внешний долг страны на начало июля 2013 г. возрос до 704 млрд долларов, включая 211 млрд долга банков и 418 млрд долларов небанковских структур. Объем внешнего долга уже почти в 1,5 раза превышает его объем перед началом мирового кризиса.³ Хорошо известна роль данного фактора в кризисной ситуации в российской экономике. На сегодня этот фактор риска превзойден по своей потенциальной опасности.

Перечисленная совокупность факторов предопределяет необходимость разворота экономики России в сторону преимущественной опоры на внутренний спрос, который может быть успешно реализован в ходе выполнения программы новой индустриализации. В свою очередь, преодолеть инерцию действия тенденции деиндустриализации, а значит, восстановить устойчивый и сбалансированный рост, можно также, если выбрать индустриализацию в качестве опорного звена. Ее востребованность определяется не только остротой проблемы обновления изрядно устаревшего капитала в сфере производства и инфраструктуры (энергетика, транспорт и связь, жилищно-коммунальное хозяйство), но и принципиальной важностью восстановления жизнеспособности экономики, снижения ее уязвимости при внешних угрозах, санкциях и высоких рисках. Обновление инфраструктурно-производственного аппарата должно происходить на новой технологической основе, что придаст мощный импульс восстановлению роста, а затем его сохранению на нужном уровне за счет сокращения издержек и растущего инновационного спроса.

Список литературы

1. Российский статистический ежегодник. 2004: стат. сб. / Росстат. — М., 2004. — 725 с.
2. Национальные счета России (1995—2013). http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/# (дата обращения 7.04.2014).
3. Бодрунов, С.Д. Российская экономическая система: будущее высокотехнологического материального производства / С.Д.Бодрунов // Экономическое возрождение России. — 2014. — № 2. — С.5–16.
4. Губанов, С. Неиндустриальный консенсус и его системные основы / С. Губанов // Экономист. — 2011. — № 11. — С. 3–39.
5. Кимельман, С. Интегрированная ресурсно-перерабатывающая модель / С. Кимельман // Экономист. — 2012. — № 1. — С. 11–22.
6. Погосов, И. А. Тенденции воспроизводства в России и проблемы модернизации экономики / И. А. Погосов. — М.: Нестор-История, 2012. — 312 с.
7. Рязанов, В. Т. Время для новой индустриализации: перспективы России / В. Т. Рязанов // Экономист. — 2013. — № 8. — С. 3–32.

³ Непосредственный долг органов государственного управления РФ и ЦБР равнялся 76,7 млрд долларов (на 01.04.2013 г.), или 11,1 %. С учетом долга банков и небанковских корпораций, в которых доля государства превышает 50 %, фактический государственный долг возрастает до 355 млрд долларов (51 % от всего внешнего долга).

О. С. Сухарев¹

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ РОССИИ

Планирование занимает важнейшее место в управлении современной экономикой как на уровне корпорации, так и при разработке и реализации экономической политики правительствами. С одной стороны, оно снижает неопределенность развития, создает устойчивые ожидания относительно будущего управляемой системы, а с другой — выполняет функции обучения, отбора эффективных решений, накопления полезного опыта. Методы планирования изначально сформировались на микрохозяйственном уровне, стратегическое планирование получило широкое распространение в корпорациях и предназначено для решения широкомасштабных задач и реализации этапов развития экономической системы [2, с. 97–98]. Цель такого планирования — эффективное управление экономическими изменениями, а его результатом обычно выступают новые продукты, технологии, рынки, а также их комбинации. Классические подходы к разработке стратегии развития экономической системы [1, с. 53] не учитывают инерцию эволюционных изменений, как бы выводя ее из системы плана и его реализации. Более того, стратегический и тактический планы являются своеобразными рычагами этих изменений, определяющих характер функционирования экономической системы. Можно сказать, что при разработке стратегии развития экономики на любом уровне и подготовке плана должны учитываться имманентные особенности эволюционного процесса данного и сопряженных с ним уровней. В этой связи происходит преобразование схемы решения стратегических проблем: к этапам *осознание необходимости решения проблемы, формулировка вариантов решения, оценка вариантов по критерию привлекательности, выбор одного или нескольких вариантов* добавляется еще один — *выявление закономерностей эволюционного процесса системы и оценка потенциальной эффективности* происходящих (управляемых и неуправляемых) *изменений*.

Эволюционные изменения на микроуровне, например в наукоемком (инновационном) промышленном предприятии, затрагивают две важнейшие его составляющие — науку и производство. Теоретически всегда существует проблема выбора между долгосрочными инвестициями в науку и в разработки (будущая жизнеспособность предприятия) и текущей модернизацией производства (краткосрочная жизнеспособность).

Выделим две разновидности изменений. Во-первых, запланированные изменения, обеспеченные только внутриорганизационными решениями и процедурами (правительственного или корпоративного уровня), и, во-вторых, изменения-адаптации, обусловленные переменами в отношениях с элементами внешней среды, касающиеся как отдельных агентов экономики, так и экономики в целом. Изменения этих двух типов приводят к изменениям в структурах рынков.

Как известно [5], в изменениях структур рынка важную роль играют процессы:

- адаптивного отбора — не приспособившийся должен покинуть рынок, т. е. действует принцип селекции и естественного отбора;
- концентрации власти над рынком у ограниченного круга фирм, блокирующих участие или расширение участия остальных желающих агентов (процессы исключения).

¹ Олег Сергеевич Сухарев, ведущий научный сотрудник института экономики РАН, профессор, д-р экон. наук.

При рассмотрении этих процессов возникает важная проблема взаимодействия структур рынка и внутренних структур организаций. Если структуры рынков являются результатом взаимодействия стратегий поведения агентов, которое сопровождается синергетическим эффектом, то отдельно взятая организация, вносящая свой микроскопический вклад в формирование этих структур и в синергетический эффект, часто не ощущая этого вклада, воспринимает сложившуюся систему отношений как данность, а не как элемент своего собственного поведения. Чтобы сохранить жизнеспособность, она вынуждена включать механизмы приспособления, от которых зависит изменение структуры рынков. При этом на уровне теоретического анализа упускается маленькая деталь: рынки создаются организациями, в связи с чем проведение демаркационных линий становится условным и, чтобы изменить рынок, требуется изменение поведения самой организации (агента). Иными словами, рынки являются результатом синергетики планов — многих планов, а крупные рынки и возникновение целых секторов деятельности — и крупных планов. Тем самым противопоставление подобных понятий становится неуместным.

Область стратегического планирования и поведения непосредственно связана с прошлым опытом поведения — сохраненными в памяти системы управления схемами (моделями) поведения, принятия решений, включая планирование. При разработке стратегии развития системы очень важно учесть инерцию ее эволюции. Это можно выразить словами известного американского неoinституционального экономиста Д. Норта: «история имеет значение» [3, с. 12]. Настоящее и будущее связаны с прошлыми социальными институтами, а применительно к экономической системе — с памятью, опытом и зафиксированными в них технологическими возможностями и преимуществами.

Поскольку стратегические проблемы связаны с долгосрочно ориентированными решениями, постановка этих проблем и поиск направлений их решения требуют не только применения процедур стратегического планирования, налаженной аналитической работы, но и аккумуляции ресурсов для реализации некоего стратегического алгоритма. Работа в режиме «пожарной команды» и оперативного решения проблем в этом смысле является абсолютно неадекватной. Структурное мышление выступает важнейшей частью стратегического управления.

Важнейшей задачей является формирование общей системы экономической политики. Принимаемые сегодня решения и полученные результаты никак не взаимосвязаны, по крайней мере эту связь достаточно трудно установить. Экономика развивается сама по себе, а иногда и вопреки принимаемым решениям, которые живут отдельной жизнью.

Известна идея — представить технологическую эволюцию как смену неких технико-экономических парадигм [4] (в российской более поздней версии — технологических укладов). Это вещи ретроспективные, классификационные, это абстрактные схемы, ничего не проясняющие в технологическом развитии, поскольку никто ничего не может сказать о шестом (иногда и о пятом!), не говоря уже о седьмом или восьмом укладе (парадигме). Следовательно, пока точно не установлено, что составляет основу уклада, вразумительно говорить о нем затруднительно, по крайней мере на коротком отрезке времени. Можно только, обернувшись, сказать о прошлых этапах, условно подразделяя их на некоторые периоды времени. Тем не менее из этой идеи делается вывод о необходимости развивать нано- и биотехнологии, которые составят основу будущего развития, поскольку западные страны активно воспроизводят именно эти технологии. При этом забывают о текущем состоянии базовых технологий. Когда в метро вы срываете голос из-за превышения всех норм по шуму и чувствуете запах горящих тормозных колодок поездов, это говорит о серьезной отсталости базисных машиностроительных технологий и инженерной работы. Никакие вложения в нанотехнологии не являются обоснованными, более того, они приведут к дополнительным структурным перекосам и не отражают развития общих технологий, которые на следующем этапе могут потребовать и нанотехнологий в объеме, заданном масштабом и потребностями экономики, ее общей технологичностью.

Таким образом, слабо обоснованные теоретические позиции являются причиной ошибок и неверного выстраивания текущей экономической, в частности научно-технической, политики государства.

Еще одним примером неточной и слабо обоснованной постановки стратегических задач является выдвинутая Правительством РФ задача создания 25 млн высокотехнологичных рабочих мест. Возникают вопросы: кто это будет делать, в каких секторах экономики, что это за высокотехнологичные рабочие места, какие нужны ресурсы, инвестиции, этапы создания по секторам, планы развития, готовность людей, каким будет изменение потока трудовых ресурсов и т. д.? В стране примерно 76...80 млн экономически активного населения, безработица составляет 5...6% (около 5...6 млн человек) — так за счет кого будет решаться поставленная задача? Привлечение безработных неправдоподобно по понятным обстоятельствам, а остальные 76 млн человек уже имеют работу. Следовательно, либо людей будут переобучать под создаваемые кем-то рабочие места, кстати, не понятно, где они будут открываться — в каких секторах и видах деятельности? Кроме того, и это главное, в течение двух последних десятилетий формировалась структура российской экономики с преобладанием транзакционных (торговля, услуги, финансы, банки) и сырьевых секторов, с переливом различных ресурсов из обрабатывающих (высокотехнологичных) секторов и за их счет. Создание 25 млн рабочих мест означает обратный вектор перелива, поскольку ни эти места, ни людей просто неоткуда взять. По сути, данную стратегическую постановку нужно воспринимать как задачу проектирования структуры и изменения структуры экономики. Создание новых производств, организация перелива ресурсов под них и будет означать индустриализацию страны. Вот это — основная задача, предметная и понятная для обсуждения и поиска решения, которую можно представить в виде комплекса задач по различным секторам и видам деятельности. Конечно, важно понять, имеет ли она вообще решение применительно к столь масштабной цифре — 25 млн человек? Задача экономической науки и институтов стратегического планирования — выстроить систему ответов и рекомендаций на подобные вопросы, чтобы существенно повлиять на изменение экономической политики и структуры.

Действующие институты, в том числе отвечающие за функционирование органов планирования, будут сильно влиять на результаты планирования и на характер воздействий и движения социально-экономической системы. Важнейшим таким институтом выступает закон о государственном стратегическом планировании, который проходит обсуждение в законодательных органах власти России, в научных и общественно-политических кругах.

*Оценка проекта закона о государственном стратегическом планировании
и предложения по улучшению институтов планирования*

Проект закона представляет собой рамочную декларацию о стратегическом планировании, в нем определены основные понятия и подходы к стратегическому планированию, что, конечно, полезно. Однако рамочно-декларативный характер является и недостатком этого закона, так как подразумевает неукоснительное выполнение требований к организации процедур планирования, к дополнительным актам и распоряжениям, принимаемым правительством и органами субъектов РФ. Проект закона отражает сложившийся status quo в области государственного управления РФ и планирования (включая планирование видов политики — финансовой, денежно-кредитной, отраслевой). Например, ст. 8 (п. 5, 2) гласит, что Правительство Российской Федерации согласовывает стратегию субъекта РФ. Подобные функции реализуются с 1990-х гг. при разрушенной единой (централизованной) системе планирования. Кроме того, разрабатывались концепция и стратегия развития страны (за их разработку вручались государственные награды). Расширение возможностей и действенности системы государственного стратегического планирования будет зависеть от операционной организации этого процесса.

Отметим, что система государственного стратегического планирования определена в законе как совокупность участников этого процесса, которые представляют органы, ответственные за проведение соответствующей политики и планирующие эту политику на основе действующего законодательства. Тем самым закон не предполагает наличия специализированной планирующей структуры, неявно считается, что дополнительные функции будут приданы существующим структурам системы управления. В таком случае эффект планирования будет зависеть от режима координации и самой «парадигмы» планирования. Если она будет подчинена бюджетной логике (т. е. целевые установки будут определяться исходя из макроэкономической стабилизации), то такое планирование ожидает участь многих федеральных и региональных программ 1990–2000 гг., которые недофинансировались и невыполнялись. Таким образом, планирование выступит как добавочная нагрузка на органы исполнительной власти всех уровней. При этом «настоящие» приоритеты и ресурсы под них создаваться не будут.

Совершенно не ясно, каким образом и в какой части будет планироваться экономическое развитие России в условиях разворачивающегося кризиса, непредвиденных обстоятельств (стихийные бедствия, войны); достаточен ли учет рисков, о которых говорится в нескольких местах проекта закона; сможет ли система планирования влиять и определять парадигму экономической политики — например, отказ от монетаризма в пользу кейнсианства и более широкое использование методов государственного регулирования.

Планировать исходя из имеющегося бюджета, условно считая, что бюджет «выше» системы планирования, ибо эта работа также должна финансироваться, значит, зависеть от бюджета, т. е. полагаться на имеющийся ресурс и уже введенные ограничения. Планирование исходя из того, что бюджет является инструментом решения плановых задач, — это совсем другая парадигма планирования, иной подход к государственному управлению. Проект закона четко не проясняет такие возможности. Согласованность целей, соподчиненность задач и соответствие им инструментов воздействия — вот основная теорема и задача планирования. Особым вариантом планирования является индикативное планирование (расширение государственного воздействия на экономику с установлением задач для частного бизнеса, условий его стимулирования и обязывающих нормативов), а также институциональное (оптимизация числа норм, законов и транзакционных издержек хозяйственного развития). Многие положения закона отличаются общностью формулировок, отсутствием конкретики: принципов, критериев планирования, ответственности, режима пересмотра планов и видов планов, их согласования, наконец, единого органа планирования. В результате ответственность становится размытой, а исполнение одних планов может быть провалено несоблюдением других.

Будущий закон о государственном стратегическом планировании должен предусматривать возможность коррекции текущей экономической политики в соответствии с изменением прогнозных результатов, мониторинг выполнения плана и прогноза с выбором изменений планов и действий, органов, отвечающих за реализацию экономической политики. Закон будет иметь силу, если, подобно Налоговому кодексу, будет включать обязывающие нормы, распространяемые на субъектов хозяйственной деятельности вне зависимости от формы собственности, поскольку все хозяйствующие субъекты являются активными участниками реализации государственного плана.

Принятие данного проекта закона с учетом изложенных предложений и замечаний должно упорядочить систему государственного управления, снизить масштабы «институциональной чехарды», наблюдаемой в России в последние двадцать лет. При сохранении прежних институциональных форм разработки программ, распределения государственных заказов (тендеры, гранты), определения приоритетов большого успеха от планирования ожидать не приходится. Так, в ст. 8 (п. 4) есть ссылка на Закон о Центральном банке, однако, этот закон требует изменения: необходимо закрепить ответственность денежно-кредитной политики не только в части

политики стабилизации и противодействия инфляции, но экономического роста и занятости, на которые с некоторым лагом денежная политика не может не влиять. Таким образом, эффективное государственное планирование требует мультифункционального подхода и системного повышения качества работы институтов исполнительной власти с общей направленностью на преодоление их дисфункции, когда возможности и инструменты не отвечают сложности возникающих и стоящих перед экономикой задач.

Необходимо вернуться к использованию метода межотраслевого баланса — важнейшего инструмента структурного анализа экономики и планирования пропорций ее развития — для определения параметров, на которые можно воздействовать в сложившейся экономической структуре. Это позволит согласовать отраслевые планы и программы развития разных уровней.

Помимо закона о государственном стратегическом планировании в России необходим закон о государственном секторе. Причем в обоих законах следует определить формы, а также механизмы приватизации и национализации хозяйственных активов и подчинить их обязывающим критериям планирования. В управляемой системе все инструменты, включая бюджет и денежно-кредитную политику, должны использоваться для решения плановых задач. Нигде в экономической теории не говорится, что рыночная экономика должна быть неуправляемой. Ликвидация либо снижение потенциала функции планирования приводят к дисфункции управления системой, что негативно влияет на мотивацию, организацию, координацию и контроль.

Особо следует отметить кадровую основу организации системы государственного планирования, освоение современных методов планирования и прогнозирования социально-экономического развития. В Российской Федерации — дефицит подобных специалистов, но с учетом сложности задач страна обязана подготовить таких специалистов самостоятельно, используя опыт и наработки Госплана СССР и других плановых советских органов.

Таким образом, эффективность будущего закона всецело зависит от процедурных возможностей, координации в рамках разворачиваемой системы планирования. Закон, по сути, не создает систему как таковую, а опирается на действующих субъектов исполнительной власти, поручая им дополнительные функции. Главное — не скатиться к простому включению в закон существующих программ, стратегий и концепций в виде документов (с соответствующим перенаименованием).

*Стратегические направления развития российской экономики —
роль естественных монополий (на примере РАО РЖД)*

Поскольку естественные монополии в России представляют собой крупные корпорации, объединяющие значительный капитал и трудовые ресурсы, их мультиплицирующая роль в экономике может оказаться значительной, особенно при решении стратегической задачи новой индустриализации страны. Определение этого мультиплицирующего эффекта — одна из задач не столько внутрикорпоративного планирования, сколько экономической науки и аналитических служб правительства. Отметим три обстоятельства, охватывающие стратегическую перспективу развития российских железных дорог и обслуживающих их обрабатывающих производств.

Во-первых, развитие РЖД на перспективу определяется потребностью в перевозках, объем и средняя скорость которых являются индикатором развития экономики. Развитие скоростных перевозок и рост их объема приведут к дополнительным заказам на вспомогательные устройства, элементы конструкций скоростных магистралей, вагоны и локомотивы. Следовательно, развитие РЖД зависит от развития секторов экономики, состояния отечественного машиностроения и др.

Во-вторых, мультиплицирующее влияние на развитие РЖД оказывает величина национального дохода, связанная с изменением инвестиций (классический мультипликатор инвести-

ционных расходов), что зависит от части прибыли РЖД, инвестируемой в отечественное производство.

РЖД имеет подчиненные ему машиностроительные заводы, а также заводы, которым передаются заказы, поскольку специфика работы железной дороги связана с особыми техническими регламентами безопасности. Имеются сведения, что технические регламенты не всегда соблюдаются, акты по испытаниям закрываются задним числом. Такая низкая научно-производственная и испытательная дисциплина чревата повышением аварийности, включая самые тяжелые аварии с гибелью людей на скоростных дорогах. Задаваемые инженерами запасы прочности деталей и элементов конструкций не всегда сыграют роль спасительной подушки безопасности.

Если бы РЖД инвестировало прибыль в развитие собственных производств и сократило контакты с «Сименсом» и «Бомбардье», поставляющими многие виды оборудования, не превосходящие российские аналоги по техническим характеристикам, тогда можно было бы изменить стратегию развития. Масштабные программы, проекты фактически формируют возможности стратегического развития подобных гигантов. Влияние РЖД на экономику России определяется грузовыми перевозками, так как пассажирские обычно являются дотационными и убыточными. При катастрофическом уровне развития отечественной промышленности рост грузовых перевозок ограничен, поэтому РЖД может повысить объемы транзитных перевозок, например из Китая в ЕС, однако и здесь динамика перевозок будет определяться изменением экономической динамики ЕС и Китая.

В-третьих, чтобы определить влияние РЖД на экономику, необходимо иметь полную картину по номенклатуре выпуска изделий для РЖД с расчетом коэффициентов локализации по всем видам изделий; спрогнозировать динамику перевозок и, учитывая технические регламенты (износ систем), определить перспективную потребность в них (по годам) и объем инвестирования в отечественные машиностроительные производства с вытеснением «Сименса» и «Бомбардье» с внутреннего рынка. В противном случае задача мультипликации становится усеченной и неактуальной, поскольку «Сименс» стремится полностью забрать производство стрелочных переводов и шлагбаумов, а также иного железнодорожного оборудования. Сегодня в России 2–3 завода способны удовлетворить текущую потребность в этих элементах, но через 3–5 лет при продолжающейся деиндустриализации эти возможности будут утрачены, и тогда Россия будет закупать за рубежом многие виды железнодорожного оборудования.

Отдельного разговора заслуживают научно-технические проекты РЖД. Необходимо финансировать создание новых электродвигателей постоянного и переменного тока, позволяющих переходить с одного режима на другой без смены локомотива; иметь программу электрификации железных дорог, строительства новых дорог и ремонта. Таким образом, даже структура инвестиций и распределения прибыли РЖД будет влиять на общий мультиплицирующий эффект этой компании на экономику РФ.

Кроме того, затраты на развертывание инновационной системы предприятий (возможности РЖД здесь больше, чем у иных предприятий) нельзя рассматривать без учета особенностей жизненного цикла научно-технической продукции. Структура затрат в серийном и инновационном производствах различается долями основного объема в полном объеме затрат: в серийном — около 80...90% (за редким исключением), а в производстве новой наукоемкой продукции (специального технологического оборудования) — 55% (конструкторская документация (КД), технологическая подготовка производства (ТПП) и изготовление). При этом в цикле создания научно-технической продукции затраты на «предметатические» и «посттематические» работы могут доходить до 45% от полного объема (20% — предметатические и 25% — посттематические). Заказчик, как правило, может принять и оценить только основные затраты на разработку КД, ТПП и изготовление образца, а все остальные являются проблемой предприятия-исполнителя (в том числе и в смысле их обоснования).

Такие затраты (назовем их условно косвенными или скрытыми) для деятельности инновационного предприятия должны быть четко определены, по возможности рассчитаны, проанализированы, а также определены источники их покрытия. Предприятиям не хватает оборотных средств на развертывание инновационной системы производства. Именно затраты плюс неэффективные институты, их порождающие, снижают мотивированность на внедрение новых результатов, не говоря уже о проведении пионерных НИОКР. Научеёмкие предприятия часто пользуются своим интеллектуальным заделом, поскольку это дешевле. Таким образом, улучшающаяся отчетность по инновациям на самом деле означает, что внедрены прерванные или незавершенные НИОКР конца 1980 — первой половины 1990-х гг. (в лучшем случае — первой половины 2000-х гг.). Косвенными затратами для заказчика в зависимости от сложности, новизны и объема разрабатываемого оборудования либо спецтехнологии могут быть затраты, составляющие от 30 до 45 % от полных затрат на создание научно-технической продукции.

По опыту взаимоотношений с заказчиками наукоёмкой продукции, специального технологического оборудования (СТО), стремящимися оплатить исключительно прямые затраты по любому договору (разработка рабочей КД, ТПП, изготовление опытного образца, поставка, шеф-монтаж и пусконаладочные работы), значительную долю оборотных средств предприятия теряют из-за задержки поступлений при поэтапном финансировании ОКР, а также несоблюдения сроков окончательной оплаты за выполненную ОКР по договору. Поэтому важнейшей проблемой организации финансирования и учета инновационных работ является поиск реальных источников покрытия этих скрытых расходов. Корпорации, подобные РАО РЖД, способны обеспечить учет и повысить эффективность организации НИОКР.

Стратегия, структура и направления развития экономики

При управлении развитием системы любого уровня сложности следует учитывать необходимость выявления и преодоления факторов, мешающих развитию в соответствии со стратегическими целями. К таким факторам относятся: недостаток собственных денежных средств; низкий платежеспособный спрос на новые продукты; высокая стоимость реализации инноваций; длительные сроки окупаемости инвестиций и нововведений, высокие хозяйственные риски; низкий инновационный потенциал предприятий; нехватка квалифицированного персонала; недостаток информации о новых технологиях и неподготовленность производств к их внедрению; отсутствие точной информации о рынках сбыта; высокие издержки кооперации с другими предприятиями и научными организациями; недостаточность законодательных и нормативно-правовых документов, регламентирующих процессы инновационной и инвестиционной деятельности, и др.

Таким образом, разработка стратегии развития экономической системы должна строиться на оценке имеющегося потенциала и факторов сопротивления решению важнейших проблем. Стратегические проблемы социально-экономического развития связаны с использованием трудового потенциала, производственного, научно-технического, инфраструктурного, социокультурного и других видов капитала, которыми располагает экономическая система. Это всегда проблемы развития структуры экономики в широком смысле и экономического роста [7]. Имеются в виду структуры ресурсного потенциала, занятости, инновационных результатов и фондов, формирующие совокупную производительность факторов экономического роста и обеспечивающие его темпы. Выбор между темпом экономического роста и структурными изменениями не является верной постановкой задачи. Если интерес вызывает только темп роста, то определяющим выступает вопрос, какие факторы его обеспечат. Если это прежние факторы и прежняя структура, то рост может оказаться неустойчивым и краткосрочным, а надежда на прирост дохода, который можно потратить на структурные изменения, — несбыточной.

Одна из первоочередных задач — остановить рецессию и тенденцию деиндустриализации. Сложность связана с тем, что необходимо изменить факторы воздействия на систему, т. е. основные

факторы роста. Это должны быть инвестиции, реальные инвестиции в реальный сектор. На наш взгляд, необходимы изменение налоговой системы (введение прогрессивного налогообложения), воздействия макро- и микроэкономического характера на отраслевые структуры и вообще на структуры российской экономики. Сегодня одна из ключевых проблем — неэффективная структура, при которой высокодоходные сектора являются низкорискованными (это, в основном, финансы, торговля, банковский сектор и сырье, которое в структуре экспорта занимает практически 70...80%). А обрабатывающие, наукоемкие сектора остаются низкодоходными и очень высокорискованными. Эта структурная вилка определяет пропорции экономического развития, в том числе и его темпы. Интенсификация темпа — это реанимация и активизация той структуры, которая вогнала экономику в рецессию с исчерпанием динамики цен на энергоносители и сырьевой компоненты. Мы считаем неверным мнение, что структурные изменения (или «структурный маневр») совместимы с высоким темпом роста. Это ошибка. Структурный маневр структурному маневру — рознь! Любое изменение в соотношении элементов будет влиять на скорость развития системы [6, 7], т. е. на темп роста, более того, как известно из теории систем, реорганизация системы всегда порождает некоторую ее дезорганизацию. К тому же «промышленные перевороты» — это события эпохального порядка, охватывающие не одно десятилетие. На длинных периодах темпы роста всегда различны и не являются константой. Поэтому подобное обоснование довольно условное и слабое. Изменение структуры и высокий темп роста совместимы, только когда сам рост обеспечен таким изменением структуры, однако и в этом случае возможности данной структуры определяют темп роста. Сложившаяся производственно-техническая основа российской экономики в ближайшее время не даст ошеломительного роста за счет «реальных факторов» — это «структурное ограничение» политики роста и индустриальной политики в России.

Оценка структурной динамики представляется важнейшей научно-практической задачей, поскольку по большому счету стратегические проблемы социально-экономического развития развертываются вокруг двух векторов: население хочет жить комфортно (благоустроенность, доступность важнейших социальных функций), социально-экономическая инфраструктура должна отражать и удовлетворять основные потребности граждан, в том числе в творческом труде. Отсюда определяющими условиями развития выступают укрепление промышленной базы, занятость и стимулирование роста доходов населения, создание дохода посредством продуктивной деятельности. Такая задача автоматически порождает проблему инструментов управления, которыми располагают органы управления на всех уровнях. Решение подобной управленческой задачи возможно в рамках реализации принципа Я. Тинбергена — соответствия целей и инструментов экономической политики, а также институционального расширения этого принципа [5]. Постановка стратегических целей и подбор методов для их достижения должны осуществляться на основе выявления долгосрочных предпочтений. При этом следует определить структуру экономики: какие пропорции наиболее целесообразны и обеспечат рост и развитие хозяйства. При формировании таких пропорций некими рынками процесс развития становится стохастическим, с высокой вероятностью крушения планов, пересмотра предпочтений, растраты ресурсов, которая может превзойти потери от неверного планирования экономической политики. Осознанная постановка целей, функциональное обеспечение развивающейся системы управления, оптимизация затрат, повышение устойчивости (адекватности и адаптивности при принятии решений), обоснованность мероприятий (опора на расчеты, включая расчет и оценку различных видов эффективности), точность в формировании области приложения усилий, учет времени принятия решений и синхронизации действий, снятие факторов сопротивления и учет вероятности отторжения отдельных решений и векторов движения (экзогенная и эндогенная устойчивость), оценка прогнозных сценариев развития — вот необходимые элементы страте-

гического планирования. Для реализации перечисленных функций требуется систематическая работа в рамках координирующей правительственной планирующей структуры [6].

Сегодня в России появилось множество исследователей, фондов, организаций, центров, институтов, занимающихся разработкой стратегии инновационного развития России и модернизации экономики. Созданы различные группы по направлениям приложения усилий, секторам экономики (разрабатываются энергетическая стратегия-2030, оборонная, научно-техническая и т. п.). Все предложения имеют исключительно «бумажную основу», но создают завышенные ожидания «инновационного прорыва», успешности модернизации. При этом абсолютно игнорируются структурные проблемы, задачи изменения структуры экономики и структуры затрат, распределения совокупного дохода по агентским группам и в региональном разрезе, многие другие факторы. Иными словами, абсолютно не учитываются процессы формирования структуры, реакции агентов микроуровня, аспекты взаимодействия элементов системы, синхронизации процессов управления и реализации подобного прорыва и модернизации.

Логика «прорыва» вообще представляется ущербной. Прежде всего нужно определить, что понимается под прорывом, каковы его параметры, за счет чего они будут достигаться, ведь ограничением такого прорыва является текущий ВВП плюс элементы национального богатства, которые можно задействовать в рамках той структуры затрат, которая сформировалась к текущему моменту, и т. д. Системная модернизация, преодоление дисфункции экономической системы России требуют особого порядка конструирования программы структурных изменений. Недостаточно выполнить планирование по направлениям, секторам экономики или сферам деятельности, а затем условно сложить результаты работы отдельных групп. Таким образом, прорывная логика означает ускорение решения задач, которые по своей сути и природе не могут решаться в спешке, несмотря на мировую «технологическую гонку» как новый вид конкуренции и соперничества.

Основой хозяйственного развития России должен стать экономический рост за счет применения и совершенствования исключительно отечественных технологий без подчинения задачам догоняющей модернизации либо массированного заимствования. Национальный приоритет — отечественное производство. Для реализации данного направления необходимы инфраструктурные проекты, охватывающие всю территорию страны, например строительство скоростных железных и автомобильных дорог большой протяженности. Это придаст импульс отечественному производству и развитию отечественных технологий. При этом не исключается заимствование отдельных технологий, включая технологии широкого применения, для удовлетворения потребностей внутреннего рынка. Подчеркнем, что такое заимствование должно иметь вспомогательное значение и служить развитию отечественной технологической базы.

Потребуется макроэкономическая политика наращивания инвестиций, государственных расходов и повышения уровня монетизации экономики при сокращении процентных ставок и стимулировании перетекания различных видов ресурсов (включая трудовой потенциал) из сырьевых и транзакционных секторов в производственные.

Следует «замкнуть» производство средств производства на потребительские сектора и создание перспективных конкурентоспособных продуктов. Здесь уместен пример с развитием микроэлектроники, организацией производства полукристаллического кремния, предназначенного для создания фотоэлектрических преобразователей с высоким КПД, энергоэффективных приборов и т. д.

Необходимо:

- воссоздать государственный сектор России, включающий сектора государственной промышленности, осуществляющей производство фундаментальных продуктов и изделий военного и гражданского применения, располагающих самыми передовыми техническими решениями и технологиями, конкурирующих с частным сектором (электроника, атомная от-

расль, авиация и судостроение, радиоэлектроника, добыча и переработка сырья, энергосбережение и экология, образование, здравоохранение, культура, оборона);

- стимулировать развитие фондовой и кадровой базы промышленности напрямую в государственном секторе (включая госкорпорации, которые требуется укрепить, а не преобразовывать якобы по причине их неэффективности) и с использованием регулирующих воздействий и налоговой системы в частном секторе; сохранять «наукоемкий профиль фирм», стимулируя разработку соответствующей продукции на внутренний рынок (не по «отверточной технологии»); активизировать экспортную политику, в том числе экспорт интеллектуального капитала, которым надо научиться торговать, получая приемлемо высокий доход;

- осуществлять крупные государственные инвестиции и при возможности привлекать частные внутренние инвестиции на развитие инфраструктуры, повышение эффективности систем управления;

- повышать эффективность институциональных ограничений и изменений, контролируя их скорость, предоставляя агентам адаптационный лаг и подчинив эти изменения задаче развития промышленного производства; упорядочить систему контроля и отчетности, выводя работающие промышленные предприятия из губительного для них «бумагооборота».

Для стимулирования денежно-кредитного потока в реальные сектора экономики, выправления «структурной вилки» (это основная задача модернизации), когда продуктивные виды деятельности низкодоходны и высокорискованны, а спекулятивные (сырьевой сектор) — высокодоходны и менее рискованны, можно использовать принцип «процентного портфеля» и «плохого баланса» банков.

Это означает следующее: исходя из средней рентабельности различных секторов экономики установить процентный портфель, т. е. процентные ставки по кредиту для каждого сектора избирательно. Этот инструмент (или похожий вариант) должен нивелировать разницу между секторами по доходности и рискам. Подобные воздействия на уровне макроэкономики будут выполнять роль инструмента выравнивания доходов и привяжут процесс создания дохода к созданию материальных благ и услуг в экономике. Цель — отойти от сырьевой модели, увеличивая долю добавленной стоимости по высокотехнологичной компоненте отечественного производства.

Кредитный портфель банка можно представить состоящим из четырех блоков: финансово-банковских операций, сырьевого сектора, коммерческо-торговых операций и реального сектора. Плохим можно считать баланс портфеля, когда четвертая компонента незначительна, а доминирует доля первых трех (особенно второй и третьей). Исправить «плохой баланс» можно, установив своеобразную шкалу ставок за кредит сырьевым секторам, скажем, $b\%$, если их доля в кредитном портфеле данного банка превышает $x\%$, а для реальных секторов — $a\%$.

Главная задача государства — проведение экономической политики, порождающей и стимулирующей такие виды деятельности, которые слабо развиты или вообще не развиты; связаны с новыми комбинациями, открытыми в ходе научно-исследовательской деятельности и приводящими к положительной динамике социальных показателей по реальному доходу и доступности социальных функций (образование, здравоохранение, культура, наука, социальные гарантии) и достаточности благ.

Инструментарий, имеющийся в распоряжении государства, необходимо подчинить достижению следующей цели: совпадение профиля доходности, риска, инвестиций, функций и полезности видов деятельности и благ. Иными словами, следует не только планировать изменения структуры национальной экономики, но и управлять ими.

Макроэкономическим «рецептом» инновационного развития российской экономики может стать набор следующих действий:

- повышение стоимости и качества труда;
- создание институтов, обеспечивающих восприятие инноваций всеми элементами системы;
- перелив ресурсов из транзакционных секторов в производственные с расширением потребностей внутреннего рынка (для этого понадобятся национализация базовых ресурсных секторов хозяйства и формирование отдельных наукоемких секторов промышленности).

Для проектирования стратегии развития российской экономики необходим соответствующий подход (по аналогии с созданием новых технических систем), содержание которого может быть задано следующим алгоритмом:

- 1) выявить коренные недостатки существующей системы;
- 2) установить причины этих недостатков, обосновав их достоверность;
- 3) определить новые типы элементов системы, способных устранить эти недостатки;
- 4) определить последовательность изменений (траекторию трансформации, эволюционную траекторию), которая позволит перевести существующие элементы в качественно новое состояние или заменить их новыми элементами.

Анализ проектной ситуации позволяет получить материал о параметрах системы, которые должны быть достигнуты к некоторому моменту времени, и определить инструменты, с помощью которых это можно сделать. Поиск компромисса между ожидаемым и потенциально (а также реально) возможным составляет суть проектирования.

При исчезнувших промежуточных переделах в промышленности, наличии «структурной вилки», сформированном сырьевом ядре и финансово-спекулятивном секторе; при ликвидации организационных структур в цепи создания нового результата и даже при свертывании непрерывного цикла воспроизводства многих изделий (за редким исключением) на отечественных промышленных предприятиях утверждение о возможности некоего прорыва является необоснованным и научно безответственным. Необходимо планомерно, без «прорывов» изменять структуру экономики, взаимодействия агентов и институциональную базу, добиваясь адекватно заданных проектировок. Процесс должен быть управляемым, а значит, перманентным и последовательным: от цели к цели, от задачи к задаче, исходя из целостности системы и взаимосвязи всех ее параметров.

Список литературы

1. *Ансофф, И.* Новая корпоративная стратегия/И. Ансофф. — СПб.: Питер, 1997.
2. *Бенвенисте, Г.* Овладение политикой планирования/Г. Бенвенисте. — М.: Прогресс, 1994.
3. *Норт, Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт. — М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.
4. *Перес, К.* Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания/К. Перес. — М.: Дело, 2011.
5. *Сухарев, О. С.* Институциональная теория и экономическая политика / О. С. Сухарев. — М.: Экономика, 2007. — Т. 2.
6. *Сухарев, О. С.* Приватизация, национализация и экономическая реформа / О. С. Сухарев. — М.: Финансы и статистика, 2013.
7. *Сухарев, О. С.* Экономический рост, институты и технологии / О. С. Сухарев. — М.: Финансы и статистика, 2014.

С. А. Владимиров¹

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ И КАЧЕСТВА МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Пусть только наша идея² будет правильной, и тогда, несмотря на наличие препятствий, стоящих на пути к ее осуществлению, она не будет невозможной.

И. Кант [1]

Общественное развитие находит свое конкретное выражение в статистических (в том числе макроэкономических) показателях, без установления и измерения численных значений которых невозможно управление. Устойчивое развитие — без разрушения в течение неограниченно длительного периода единой системы «природа — человек» — должно гарантировать будущим поколениям возможность удовлетворять свои потребности. Такое развитие определяется тремя переменными: а) эффективностью экономики, б) экологической стабильностью, в) социальной справедливостью [2].

Показатели уровня и темпов экономического и социального развития, в частности уровня жизни, являются важнейшими для оценки эффективности проводимой в стране экономической политики и в конечном счете — существующего общественного строя. В то же время высокие темпы экономического развития не всегда являются критерием соответствующего роста уровня жизни населения. Например, при высоких темпах роста советской экономики жизненный уровень населения был достаточно низким. При этом экономический рост возможен за счет роста цен, а постоянное стремление к повышению темпов роста сдерживает структурные преобразования и тормозит использование принципиально новых ресурсов и выполнение экологических требований. В ходе подлинного экономического роста происходит инновационное обновление производственного капитала страны, замена устаревшего оборудования новым, с лучшими качественными характеристиками [3].

Стратегия эффективного социально-экономического развития и соответствующих преобразований должна базироваться на понимании целостности материально-вещественных, социально-психологических, социально-экономических, денежно-финансовых, информационных и других процессов, составляющих общественное воспроизводство; исследовании общих принципов построения механизма оценки и анализе рационального функционирования экономики. Недопустимо выделение какого-то одного регулятора, например, монетарного [4].

В экономической науке и преподавании более шестидесяти лет доминирует модель экономического выбора «экономиста всех времен и всех народов» П. Самуэльсона [5]. Он утверждал, что язык математики является единственно пригодным для изложения современной экономической теории. П. Самуэльсон был убежденным центристом, либералом «золотой середины», избегал крайних идеологических позиций (рынок или бюрократия, частное или государственное,

¹ Сергей Арсеньевич Владимиров, профессор кафедры экономики и финансов Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, д-р экон. наук, e-mail: ideal_ideal@mail.ru

² Идея совершенного, справедливо управляемого государства, сбалансированной, открытой, эффективной экономики (С. В.).

кейнсианство или монетаризм) и тяготеет к институционализму [6]. Его учебник «Экономика. Вводный курс» [5] с 1948 г. широко известен всему капиталистическому миру, выдержал более 20 изданий на двенадцати языках общим тиражом более пяти миллионов экземпляров, сыграл решающую роль в распространении кейнсианства после Второй мировой войны, а в 1964 г. был признан в СССР.

Из модели П. Самуэльсона якобы выводятся прямая (жесткая) связь между большими объемами накоплений и соответствующим уровнем потребления, экономические законы возрастания дополнительных затрат, убывающих эффективности и производительности/доходности, экономии на масштабе производства и др. Опыт современных развивающихся и развитых экономик зачастую противоречит этой модели экономического выбора.

Рассмотрим общепринятую математическую модель сбалансированной открытой экономики (СОЭ) и взаимосвязи между абсолютными значениями основных макроэкономических показателей: планируемой (прогнозируемой) госорганами величиной ВВП, государственными расходами, инвестициями, потреблением, налоговым бременем, сальдо платежного баланса страны и их нормами, общественной эффективностью, темпом экономического роста СОЭ, ставкой ссудного процента Центробанка страны и инфляцией.

Введем понятие *показатель эффективности и качества* макроэкономической политики государства Ω :

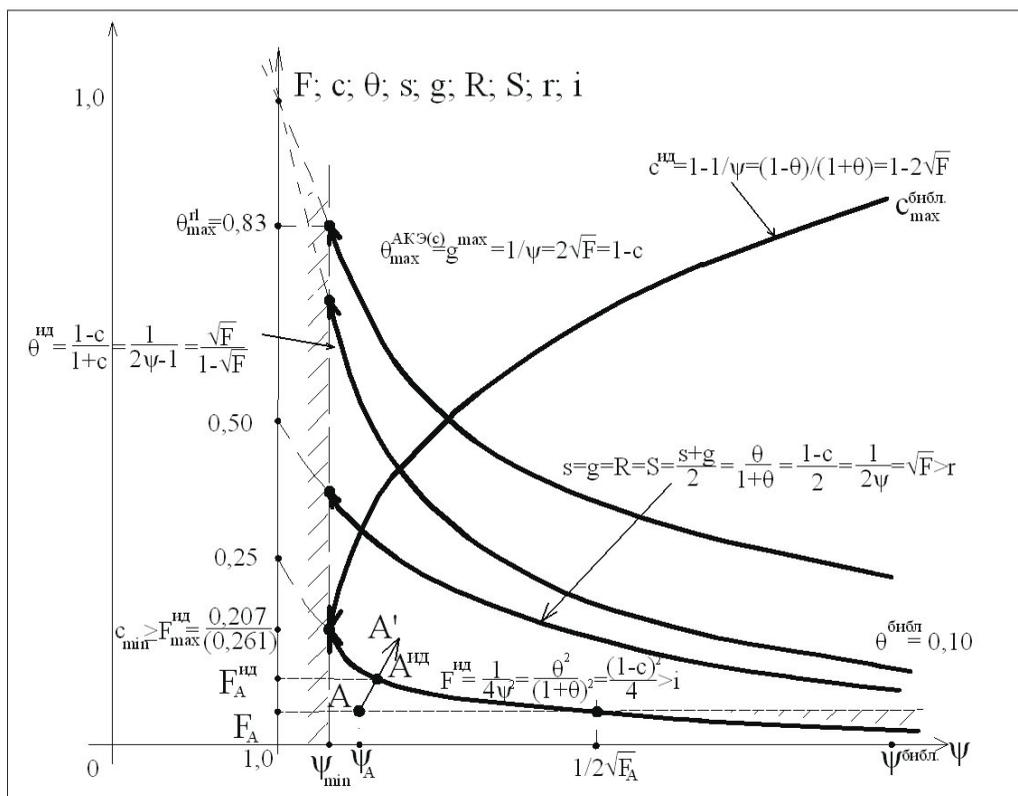
$$\Omega = 1 - (\psi^{\text{гос}} + F^{\text{гос}}) / (\psi^{\text{идеал}} + F^{\text{идеал}}),$$

где $\psi^{\text{гос}} = 1 / (s^{\text{гос}} + g^{\text{гос}})$ — обобщенный показатель структурной эффективности (ОПСЭ) ВВП (бюджета); $s^{\text{гос}}$ и $g^{\text{гос}}$ — нормы инвестирования и государственных расходов в утвержденном прогнозе; $F^{\text{гос}}$ — темп экономического роста, предусмотренный прогнозом региона; $\psi^{\text{идеал}} = 1 / 2 \sqrt{F^{\text{гос}}}$ — значение ОПСЭ при утвержденном государством темпе экономического роста; $F^{\text{идеал}} = 1 / 4 (s^{\text{гос}} + g^{\text{гос}})^2$ — максимальное значение темпа экономического роста, достижимое при утвержденных (прогнозируемых) нормах государственных расходов и инвестиций.

Этот показатель характеризует степень отклонения реальной сбалансированной экономики от ее наилучшего теоретически возможного состояния, количественно определяемого нулем (т. е. минимальным расхождением между реальным и идеальным состояниями макроэкономической эффективности). Например, состояние эффективности и качества макроэкономической политики конкретного государства, определяемое совокупностью утвержденных государством (в том числе в бюджете) МЭП, может быть отражено на графике (см. рисунок) точкой $A [\psi_A, F_A]$, что эквивалентно Ω_A . Для японской экономики значение показателя эффективности и качества макроэкономической политики равно 33 %, т. е. $\Omega_{\text{япон}} = 0,33$, что может считаться «эталонном» для всех развитых стран [10]. Математические соотношения между важнейшими макроэкономическими показателями представлены графически (см. рисунок).

Из предлагаемой нами модели видно, что разделяемое большинством экономистов утверждение о прямой зависимости между объемами накоплений и ростом потребления, вытекающее из модели П. Самуэльсона, заведомо неточно. Как показала мировая практика (в том числе в РФ в 2001–2009 гг.), значительные объемы накоплений не всегда приводят к высокому приросту потребления, иногда вплоть до «проедания» накопленных стратегических резервов (см. рисунок). Показательно также, что в случае зеркального отражения на рисунке легко прослеживается график П. Самуэльсона: линия $c^{\text{ид}} = 1 - 1/\psi$ эквивалентна его кривой производственных возможностей (кривой потребления).

Автор полагает, что *модель П. Самуэльсона является частным случаем предложенной им обобщенной (целостной) макроэкономической модели* с более строгими требованиями к определению терминов интенсивного/экстенсивного путей экономического развития, определяемых



Взаимосвязь основных макроэкономических показателей СОЭ с нулевым сальдо платежного баланса (заштрихованы области невозможных значений — меньших Ψ_{\min} и больших $\Psi = 1/2\sqrt{F_A}$)

конкретными соотношениями численных значений МЭП, находящихся в строгой взаимной зависимости, к тому же имеющей «прозрачный геометрический смысл» [9].

В соответствии с историческим опытом и культурными традициями средняя норма налогового бремени в макроэкономических системах не должна быть ниже 10% («библейская десятая», близкая, по мнению автора, к анархии). В то же время ни при каких обстоятельствах средняя налоговая нагрузка не может превышать своего максимального значения, отраженного на графике кривой $\theta_{s=0}^{\max} = g^{\max} = 1/\psi$. Эта кривая соответствует административно-командной экономике АКЭ (С) (системе), в которой инвестиции (капитальные вложения) являются «перераспределенными» государственными расходами, как, например, в СССР, где государственная собственность была преобладающей (более 98%). Характер этой кривой позволяет сделать теоретически корректный вывод, что в АКЭ (С) нет никаких оснований заведомо идеологически ограничивать $F^{\text{АКЭ}}(С) \leq F^{\text{РЫН}} = F^{\text{ИД}} = 1/4 \psi^2$, поскольку не форма собственности, а качество организации, управления и перераспределения валового продукта — суть экономического потенциала любого общества [8].

Известно, что в СССР до 1980-х гг. не менее 40% ВВП составляли государственные расходы в капитальные вложения, что весьма близко к идеальным нормам инвестиций и темпам экономического роста с нулевым сальдо платежного баланса. Действительно, в СССР, в значительной степени экономически изолированном (особенно в 1930–1939 и 1950–1970 гг.), темпы

экономического роста намного превышали соответствующие показатели во всех развитых капиталистических странах. Другое дело, что потребление советских людей было на уровне прожиточного минимума, а в конце 1970-х гг. из-за прогрессирующего отставания в высокотехнологичной сфере (в значительной степени по идеологическим причинам) стали развиваться застойные явления, «подкрепленные теориями» падающей экономической эффективности. В то же время, несмотря на заклинания о грядущем глобальном процветании, кризисы чуть ли не ежегодно поражают капиталистические страны, следующие в фарватере идей рыночного фундаментализма (вспомним мировой финансовый кризис 2008 г., эквивалентный Великой депрессии 1929 г.).

Важно также иметь в виду, что средняя налоговая нагрузка в идеальной СОЭ — не минимальная для любых соотношений основных МЭП, но именно сбалансированная относительно соответствующих максимальному теоретически возможному экономическому росту показателей норм государственных расходов, инвестиций и их общественной эффективности, одновременно равных корню квадратному из численного значения экономического роста.

Бесконечное множество реальных состояний СОЭ располагается на площади ниже кривой максимально возможного темпа экономического роста — $F^{ид} = 1/4 \psi^2$. Эти состояния определяются соответствующими точками, например, на графике — точкой A с координатами: $A [\psi_A, F_A, \Omega_A]$. Из этой точки возможны следующие очевидные направления развития (повышения эффективности) макросистемы:

а) идеальное (единственное, стратегическое) — по кратчайшему направлению к кривой максимально возможного темпа экономического роста (т. е. в направлении перпендикуляра AA^1 к касательной из точки A). Более подробно: выбранное государственными органами направление развития реальной экономики близко к идеальному (наилучшему теоретически возможному), если оно сопровождается повышением экономического роста при снижении суммы норм государственных расходов и инвестиций, а также средней налоговой нагрузки при одновременном повышении нормы потребления (в том числе за счет положительного сальдо платежного баланса страны, вызванного прежде всего экспортом высокотехнологичной продукции) и сбалансированностью основных макроэкономических параметров;

б) неидеальные — стремящиеся (близкие) к идеальному;

в) заведомо неэффективные для общества — сопровождающиеся снижением экономического роста и нормы потребления при одновременном росте суммы норм государственных расходов и инвестиций, средней налоговой нагрузки несбалансированностью всех или большей части основных макроэкономических параметров (коррупционные или заведомо некомпетентные направления экономического развития вплоть до умышленного развала, деградации собственной экономики по советам «экономических убийц» — общеизвестна проблема «псевдоинвестиций» западных инвесторов в предприятия российского высокотехнологичного комплекса, которые зачастую приводят к ликвидации этих предприятий (например, уничтожение конкурентов, скупка земли под предприятиями и др.).

По результатам исследований можно сделать некоторые выводы:

1. *В авторской модели преодолен барьер мнимого отсутствия в экономической системе количественных констант, так разительно отличающих ее от физических систем.* Например, корень квадратный из прогнозируемого государственными органами и экспертами темпа экономического роста является фундаментальной величиной при анализе сбалансированности и близости к идеальным значениям основных МЭП. Модель естественно, «геометрически прозрачно» объясняет взлеты и падения соответствующих моделей реальной экономики, необъяснимых с точки зрения идеологизированных экономистов — теоретиков и практиков.

Интересным и близким к «экономико-физическому» направлению в современной экономической теории может быть сравнение авторской модели идеального состояния макроэкономической системы с циклом Карно в термодинамике, сущностью которого является определение

максимального теоретически возможного КПД тепловой машины η_i (в идеальном случае $\eta=1,0$, а в действительности всегда меньше). В авторской интерпретации полученная экономическая системой сумма государственных расходов и инвестиций всегда может привести в идеальном случае («нулевых потерь» максимально возможной общественной эффективности государственных расходов и инвестиций) к максимально возможному темпу экономического роста, соответственно к максимальному теоретически возможному обобщенному показателю макроэкономической политики: $\Omega_{идеал} = 0,0$ (при положительных темпах экономического роста Ω заметно превышает это значение, а при отрицательных — падает ниже нуля). Например, для Японии $\Omega_{япон} = 0,33$; этот показатель может быть взят за ориентир для стран, стремящихся к максимальному значению качества своей макроэкономической политики [7].

2. Автор осознает основные ограничения своей модели, которая не может быть полностью адекватна реальности, поскольку речь идет о человеческой деятельности, развивающейся в необратимом времени, несводимости общественного прогресса, стремлении человека к увеличению денежных доходов или приумножению материального богатства, темпов экономического роста. Кроме того, трудности соизмерения народно-хозяйственной эффективности затрат связаны с наличием в ее структуре разнородных — измеримых, несоизмеримых или вовсе неизмеримых элементов, препятствующих ее выражению одним числом; с наличием прямых и обратных зависимостей между затратами на различные производства, совмещением проектных вариантов, дающих минимумы затрат по каждому объекту в отдельности, но не обеспечивающих общий минимум всех затрат в народном хозяйстве; при этом денежные затраты (особенно связанные с природопользованием) не являются точным отражением затрат общественного труда [11]. Несовершенство людей и их отношений делает значимым фактор случайности, неопределенности.

Следовательно, количественные оценки эффективности макроэкономической политики никогда не могут дать абсолютно точной информации для безошибочного принятия решений, но могут служить материалом для содержательного анализа в процессе принятия решений государственными органами и общественными организациями.

3. Аналитические методы, назначением которых должно служить преодоление субъективизма в принятии решений, нередко используются в качестве одного из инструментов политической борьбы. Следовательно, экономисты в любых обстоятельствах не должны слепо копировать политический процесс. Они должны проявлять дальновидность в экономических вопросах, давать четкие рекомендации государственным структурам по разработке экономической политики страны и понятные предприятиям ориентиры стратегического планирования (в том числе смелые альтернативные планы по дальнейшему развитию общества, реформированию и отрицанию капитализма с учетом природы человека, современного состояния технологий и без идеологической составляющей).

Несомненно, авторская модель экономики (несмотря на кажущуюся парадоксальность) имела место в период 1879–1897 гг. в реальной экономике США («Золотая эпоха» золотого стандарта, введенного в 1879 г.). В результате США вышли на первое место в мире по объему ВВП и промышленного производства, а также на лидирующие позиции в мировой экономике [12]. Модель хорошо отражает известные периоды парадоксальных взлетов экономических систем в СССР и Германии, Японии, Южной Корее, Китае.

Анализ представленной модели предполагает решение проблем сбалансированности/ несбалансированности макроэкономических состояний, описываемых основными МЭП, а также условий достижения сбалансированности и причин несбалансированности соответствующей макроэкономической системы. При этом несбалансированность экономической системы может быть объективной (войны, периоды крупных социально-экономических реформ, катаклизмы), случайной и преднамеренной, выгодной определенным (как правило, властным или оппози-

ционным, в том числе теневым, структурам) «группам влияния», но, безусловно, невыгодной обществу в целом.

Достижение равновесия в реальной макроэкономической системе является труднейшей финансово-политической задачей (в том числе государственного долга), включающей выпуск госзаймов, ужесточение налогообложения, печатание денег. В одних странах (например, скандинавских) высокий уровень налогов уживается с низким уровнем коррупции, а в других, со значительно более низким уровнем налогообложения, уровень коррупции относительно высок.

Безусловно, размер, знак и структура сальдо платежного баланса страны сильно влияют на качество макроэкономического состояния. Например, положительное сальдо соответствующей экономики в денежном (количественном) отношении повышает ее эффективность. И наоборот, отрицательное сальдо платежного баланса снижает качество макроэкономической политики. При этом особое значение приобретает товарная структура экспорта и импорта. Очевидна неперспективность преобладания в структуре экспорта ограниченных природных ресурсов в обмен на продовольствие и невысокотехнологичную (заведомо отстающую от передового мирового уровня) продукцию. Соответствующие зависимости приведены в работе [7].

Список литературы

1. Краткая философская энциклопедия. — М.: Энциклопедия, 1994. — 576 с.
2. Устойчивое развитие: концепция и стратегические ориентиры / Ю. В. Овсиенко [и др.] // Экономика и математические методы. — 2007. — Т. 43, № 4. — С. 57–71.
3. Губанов, С. Рост без развития и его пределы / С. Губанов // Экономист. — 2006. — № 4. — С. 5–19.
4. Федоренко, Н. П. Россия на рубеже веков / Н. П. Федоренко. — М.: ИНФРА-М, 2003. — 727 с.
5. Самуэльсон, П. Экономика. Вводный курс / П. Самуэльсон. — М.: Экономика, 1964. — 843 с.
6. Блауг, М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют / М. Блауг; пер. с англ. — М.: НП «Журнал Вопросы экономики», 2004. — С. 30–41.
7. Владимиров, С. А. Онаивысшей структурной эффективности ВВП (госбюджета) сбалансированной открытой экономики / С. А. Владимиров // Финансы и кредит. — 2001. — № 16 (88). — С. 65–71.
8. Владимиров, С. А. Структурная эффективность сбалансированной макроэкономической системы и направления ее развития / С. А. Владимиров // http://www.rusnauka.com/7_NITSB_2012/Economics/14_103035.doc.htm
9. Владимиров, С. А. О структурной эффективности макроэкономики и величине налогового бремени / С. А. Владимиров // Проблемы современной экономики. — 2010. — № 3.
10. Форд, Г. Моя жизнь, мои достижения / Г. Форд. — М.: Госиздат, 1924. — 223 с.
11. Экономико-математический энциклопедический словарь/под ред. В. И. Данилова-Данильяна. — М.: ИНФРА-М, 2003. — 688 с.
12. Иноземцев, В. Л. «Постамериканский мир»: мечта дилетантов и непростая реальность / В. Л. Иноземцев // Мировая экономика и международные отношения. — 2008. — № 5. — С. 27–36.

А. Г. Чернышов¹

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ: ПОДХОДЫ К ФОРМИРОВАНИЮ СТРАТЕГИЙ РАЗВИТИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Сегодня конкретное производство и целые сферы бизнеса и управления все сильнее зависят от текущей экономической конъюнктуры, должны учитывать множество политических, геополитических и социальных факторов. Изменения в одних сферах неизбежно распространяются на смежные сферы, самым неожиданным образом и порой достаточно кардинально меняя сложившуюся конфигурацию у «соседей», имевших практически автономную систему существования и жизнедеятельности. Это касается и экономики, и социальной сферы, и политики, и управления в целом.

В современном коммуникационном, быстро меняющемся, сложном обществе вся система управления должна быть направлена на построение целостной модели существования, выживания и развития в условиях непредсказуемости (неопределенности). Какова же цена, которую мы должны заплатить за то, чтобы жить, а не выживать, выстроив для этого оптимальные экономические и социальные модели управления [1]?

Пока далеко не все государственные и негосударственные субъекты имеют в своем арсенале программы, которые призваны *справиться с масштабом изменений* (об этом говорят многие проводимые сегодня мероприятия как в России, так и за рубежом) и задать ту скорость, с которой можно и нужно их осуществить.

Развитие в условиях неопределенности форматов и практик будущего требует ясного и адекватного целеполагания действий на перспективу. Чего же в этой связи мы хотим: двигаться в фарватере изменений, участвовать в реальном управлении изменениями, влиять на процесс принятия решений и складывающихся практик или оставаться статистами и воспринимать все в режиме тотальной неизбежности?

В условиях невнятности, лакированности и неадекватности стратегий, которые порой формируются властными управленческими «штабами» на национальном и региональном уровнях, предприятиям приходится выстраивать управление будущим самостоятельно с учетом перманентных изменений: искать основания, базовые параметры, интеллектуальные и информационные возможности, чтобы оперативно и адекватно отвечать на возникающие вызовы, моделировать бизнес-процессы в краткосрочной и среднесрочной перспективе. При этом важно вовремя уловить новые тенденции развития бизнеса, встроиться в новые реалии и предложить инновационные решения, востребованные различными потребителями.

Эксперты все чаще обращают внимание управленцев на то, что *Россия и мир вступили в новую эпоху*. Но каковы параметры этого «нового» состояния «постиндустриальности» и глобальности? Только поняв это, мы сможем перевести всю систему жизнеустройства, управления, в том числе и в бизнес-среде, на новые рельсы: провести новую, прежде всего технологическую, индустриализацию, внедрить «зеленые стандарты», оценить реальные параметры устойчивого развития существующего социума. Однако инерция (прежде всего бюрократиче-

¹ Алексей Геннадиевич Чернышов, профессор кафедры государственного и муниципального управления Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, д-р политических наук.

ского аппарата), вольготное существование «государственного» бизнеса не позволяют приступить к выполнению насущной задачи по поиску *новых точек роста*.

И как бы мы сегодня не уповали на то, что такие преобразования пойдут по известному для России сценарию «сверху», готовиться эти масштабные изменения должны «снизу», в сохранившихся оазисах и новых *островках* инновационного и интеллектуального развития. Поэтому все более выразительным становится вариант движения, при котором каждый индивид может внести свою лепту в формирование этого *нового*, постараться протестировать вероятность участия *коллективного разума* в принятии тех или иных решений с использованием индивидуальных траекторий и инновационных идей для построения реальной синергетической системы. Сегодня это особенно важно учитывать, поскольку наша общественная жизнь и бизнес-практика становятся все более парадоксальными, не подчиненными какой-то одной статической прямой. Мы же, по старинке, порой стараемся задать «генеральную линию партии и правительства», линейный и запрограммированный, «единственно верный» сценарий развития.

К сожалению, многие экономические программы и создающиеся бизнес-практики оказываются изначально ущербными и трудно реализуемыми, потому что не учитывают всю палитру происходящих трансформаций, *не имеют в своей основе образа будущего*, для которого выстраивается вся текущая работа.

Остановились институциональные реформы для качественного рывка [2], не видно на горизонте новых источников роста экономики, потому что в основе, как и несколько десятилетий назад, ресурсная составляющая движения. Но сырьевая экономика уже не работает. Нужно выстраивать новые алгоритмы движения с учетом несырьевого пути развития страны [3]. При этом акцент должен быть сделан на перестройке системы управления с учетом новых условий. Джон Кеннеди в свое время назвал *XX век веком управления* [4], что в целом соответствовало основной тенденции повышения эффективности за счет разделения труда и профессионализации управления. Отсюда устойчивый интерес к реформе менеджмента и публичного управления. В основе *идеологии управления* лежало представление о том, что системная определенность и ритмичный порядок соответствуют природе управленческого объекта. *Механизм управления* строился так, чтобы приводить систему к параметрам, соответствующим ее целостности и равновесию с окружающей средой. Сегодня при условии современного развития социальных и бизнес-процессов с уверенностью можно констатировать, что *XXI век — это век интеграторов!*

В такой ситуации особая, важнейшая роль отводится не только и даже не столько *управлению человеческим капиталом* и человеческими ресурсами, сколько сбережению человеческого «материала», развитию индивидуальных свойств и уникальных способностей человека, особенно с учетом вынужденной или искусственной унификации некоторых сторон нашей жизнедеятельности и бизнес-практики. Необходимы инвестиции в будущее — в развитие человеческого капитала. Однако стратегические проблемы зачастую отступают на задний план перед необходимостью решения сиюминутных тактических задач [5].

Усложненность и парадоксальность развития социальных и бизнес-процессов требуют постоянного обновления знаний, совершенствования навыков, накопления опыта на протяжении всей жизни. Отсюда неизбежно встают вопросы управления качеством и формирования единой *политики качества* [6], разработки системы реальных *стимулов и мотиваций*.

Таким образом, роль государственных структур управления в условиях неопределенности вновь усиливается. Для бизнеса это становится фактором новых вызовов, ограничения маневров для формирования собственных экономических стратегий, а также подстраивания их под современные реалии. Вероятно, бизнесу стоит освоить некоторые *технологии «лего-бизнеса»*, в основе которого лежит соединение разных конструкций и решений в зависимости от внешних факторов, в том числе от смены управленческих и технологических парадигм; научиться вы-

страивать программы стратегического управления с учетом применения элементов компаний-трансформеров [7], позволяющих оперативно перестраивать систему стратегического управления под изменившиеся условия существования.

Нужно учитывать *новые вызовы управлению* с точки зрения развития бизнеса при выстраивании собственного производственного сектора и предлагаемых на внешний рынок бизнес-услуг. Управление фактически становится ситуационным. Это не означает, что оно будет спорадически реагировать на происходящее вокруг, подстраиваясь под объективные изменения или субъективные внеэкономические директивы. Управление будущим должно само формировать повестку дня на перспективу. Сегодня российское законодательство во многом стало ситуационным, работающим в «пожарном порядке». Что-то где-то случилось, тут же законодательный акт. Или же попытка загнать в прокрустово ложе *регламентации* все и вся. Ручное управление, кажущееся некоторым идеальным средством корректировки действительности, может дать лишь временный эффект и плохо стыкуется с понятием «стабильность». Оно допустимо лишь как временная мера, длительное пользование таким ресурсом обрекает систему управления и бизнес на стагнацию и депрессию, а в итоге — деградацию.

Таким образом фактически формируются *технология и философия быстрых односложных решений*. Но как в усложняющемся многомерном мире можно применять «простые» подходы? Другое дело, когда, например, выстраивается стройная логистическая и технологическая схема движения как цельная макросистема, куда входят анализ транспортных «коридоров», строительство скоростных магистралей, возрождение отечественного самолетостроения и т.д. То же самое должно происходить на уровне движения товаров и услуг. Тогда заявленное движение России в азиатском направлении будет восприниматься не как краткосрочная смена приоритетов ввиду политической целесообразности, а как осознание важности развития Дальнего Востока [8]; не формировать для национальной экономики модель «колеблющегося маятника» между политическими и экономическими интересами западных и восточных бизнес-групп, а четко формулировать собственно российскую потребность: стать реальным «мостом» и связующим звеном между Западом и Востоком, транзитом, обеспечивающим скоростную доставку грузов сухопутным путем; создавать новые интегративные модели развития инновационных промышленных практик.

Еще раз подчеркнем, что сегодня мало просто учитывать (закладывать в разрабатываемые стратегии развития бизнеса) позиции, связанные с возможными политическими рисками, важно выполнить глубокий анализ всех факторов, влияющих на экономическую сферу. По сути дела, в сугубо экономической сфере нужно учитывать, какие ценностные внутрисущностные изменения происходят и почему. Значит, для анализа требуются оценка и учет миграционных, демографических, климатических и иных характеристик, а также продовольственных, идеологических и иных предпочтений граждан — потребителей услуг и товаров. Некоторым управленцам и руководителям бизнес-структур подобная постановка проблемы кажется неактуальной ввиду ее явной неочевидности и труднопросчитываемости. Но факты, как говорится, упрямая вещь. Уже невооруженным взглядом видно, как маргинализируется российская экономика. И обусловлено это в том числе все более мощным накатом «миграционных волн». Сегодня эксперты формулируют перед властью дилемму: «Без миграции население России с высокой вероятностью сократится до 60...70 миллионов человек. А при миграции, способной стабилизировать численность населения, мигранты и их потомки с высокой степенью вероятности могут превысить половину населения России» [9]. Какой вариант будет выбран? Многие ученые справедливо считают, что существующие государственные программы направлены на *замещение россиян* приезжими рабочими [10]. Иными словами, вместо целенаправленной деятельности по повышению рождаемости среди граждан Российской Федерации акцент сделан на приглашение масс мигрантов. Еще раз подчеркнем — они *не восполняют население, а замещают его*.

Институт национальной стратегии провел исследование по теме: «Иммиграция населения в современной России. Экономика, социальная сфера, национальная безопасность» [11]. Согласно выводам авторов, в России нет острой нужды в мигрантах. По состоянию на 2013 г. трудоспособное население страны составляет примерно 86 млн человек. Для сравнения: в 1989 г. в РСФСР, где была сосредоточена масштабная промышленность, трудоспособное население составляло 83 млн человек. Если уподобить работающую часть населения трудовой армии, то сегодня около 36 млн россиян находятся «в запасе», будучи заняты в теневом секторе (и, видимо, в непомерно разросшемся бюрократическом аппарате государственных и муниципальных учреждений — А. Ч.). Приток дешевой рабочей силы — не в интересах граждан и не в интересах страны, если она стремится к модернизации.

Система управления и бизнес должны провести серьезный анализ последствий таких шагов и построения возможных бизнес-моделей [12]. Это чрезвычайно важно сделать именно сейчас, потому что за десять последних лет мигрант в России постепенно и со всей неизбежностью превращается из чисто наемной зависимой силы в автономный и даже самостоятельный субъект экономики. Мигранты уже завоевывают определенные сегменты бизнес-экономики, сами открывают предприятия торговли, сферы услуг и т.д. При этом происходит их включение в социальную жизнь коренного населения. Обрастая связями и получая финансовые возможности, они уже сегодня готовы к вхождению в управленческие сферы и уже вошли не на самые последние должности в здравоохранении, образовании, правоохранительных органах. При этом порой далеко не все из них хотят адаптироваться в новом социуме, продолжая жить полузакрытыми анклавами.

И это только часть проблемы. Что приносят с собой приезжие на ментальном уровне? Клановость, семейственность и т.д. Важно понимать, что мигрант в современном его виде — это носитель низкоквалифицированного начала и лишь потребитель высокотехнологичного варианта экономики, но никак не творец, не создатель ноу-хау. А это уже серьезнейшие вызовы как для развития инновационной промышленности, так и экономики в целом. Приехавший потребитель требует определенного качества услуг. Он объективно не может быть заинтересован в формировании новых технологических секторов экономики. Основная задача приезжающих из других стран — выжить, закрепиться и укорениться в новой и «агрессивной» для него среде, сформировать возможности для маневра и заработка даже путем откровенного демпинга и предоставления низкокачественных услуг. Да к тому еще изъять значительную часть заработанных средств (по неофициальной информации, примерно 30 млрд долларов ежегодно) из российской экономики для перечислений родственникам на исторической родине. Все это ухудшает возможности для формирования полноценного внутреннего рынка, не говоря уж о внутреннем спросе на инновации. Поэтому, как отмечают исследователи, в России чаще всего ищут продавцов, в то время как в странах Европы и Америки наибольшим спросом пользуются IT-специалисты [13].

В этом смысле происходит замещение высокопрофессиональных кадров, мигрирующих в западном направлении, неквалифицированной рабочей силой. Приехавшие, занимая «освобождающиеся» экономические ниши, заменить профессионала никак не могут. В результате производственно-технический сектор «съеживается» и одновременно, словно на дрожжах, разбухает торгово-посредническая деятельность, т.е. понятное всем без слов и особых навыков «купи-продай». А это прямо ведет к деградации современного технологического уровня производства и дальнейшей переориентации на низкоквалифицированный и массовый труд. И это при наличии явных тенденций развития, направленных на новый, шестой, технологический уклад.

Очень показателен сам факт процентного соотношения доли технологических и нетехнологических рабочих мест. Как отмечают эксперты: «... динамика движения рабочих мест — важнейший критерий состояния экономики. Он отражает процесс «созидательного разрушения»,

замены нерентабельных компаний на более эффективные, развитие или стагнацию экономики и ее отдельных отраслей». Вымывание неэффективных компаний и переток рабочих мест в более востребованные сферы хозяйства происходят постоянно исходя из реальных и объективных потребностей самой экономики и конкретного производства. Проблема в другом: «... число рабочих мест на крупных и средних предприятиях в 2008—2012 гг. сократилось на 3 млн, из них в промышленности — на 1,3 млн. Значительная часть занятых на них ушли на малые предприятия и в «серую» зону. А значит, «созидательное разрушение» не обязательно привело к повышению производительности труда и эффективности экономики» [14].

Еще раз подчеркнем, что именно для экономики, а не просто для социальной сферы как таковой, важна стратегически выверенная демографическая политика, направленная на максимальное стимулирование рождаемости среди коренного населения. Вот и на Петербургском международном экономическом форуме (2014 г.) вновь поставлен вопрос о грамотной миграционной политике как факторе развития мировой экономики [15], а о роли демографического фактора ни слова. А ведь за этим должен последовать комплекс мер по формированию принципиально иного подхода к системе образования и воспитания: создание системы взращивания и поддержки инноваторов, особенно в сфере развития промышленного сектора, которая в настоящее время фактически отсутствует.

Этим в полной мере должно заниматься государство, создавая задел для экономики будущего. А какова же в этих условиях роль бизнеса? Уже сегодня, как отмечают эксперты-практики, становится все более очевидным, что компании должны заниматься тем, что ранее входило в зону ответственности церкви и государства: *создавать смыслы в жизни сотрудников*.

Соответственно, чтобы перейти в качественную плоскость, следует *наладить сетевое управление с возможностью создания мультипликативного эффекта*. Для этого нужны интеграторы, а не «чистые» управленцы, следовательно, будут востребованы интегративные системы и программные продукты, заточенные на человека. Это технологии, которые помогут человеку не просто освоить новую информацию и знания, но и получить реальный опыт и квалификацию (обучение действием), а потом поделиться полученным опытом и навыками с другими. Возрастает роль инновационных компаний, которые могут предложить экономическим акторам эти возможности, в том числе формирование объединений — интеграцию разных программ нескольких компаний в одну технологическую и управленческую цепочку, нужную конкретному сегменту потребителей.

Программы и технологические разработки, несмотря на их унифицированность, должны учитывать нарастание изменчивости мира в целом, т.е. факторы неопределенности. Для этого необходимы технологические возможности, позволяющие вносить в программный продукт оперативные изменения, используя «творческую» компоненту, связанную с конкретным человеком.

Важно оценить и использовать для экономического роста стойкую тенденцию, связанную с повышением значения *самоорганизации — управления через сообщества*. Необходимо не просто говорить об интенсификации отношений между обществом и государством, а создавать прочные основания для эффективного государственно-частного партнерства. Известная всем магическая *вертикаль управления* подвергается серьезным испытаниям, утрачивая свои «сказочно-былинные» свойства в процессе развития и усложнения общественных и бизнес-процессов.

Очередная попытка решить современные сложные задачи бюрократическим путем кажется бессмысленной. Можно согласиться с экспертами, считающими, что «... возвращение бюрократии стало неадекватной реакцией системы государственного управления (и отчасти — бизнеса, наученного и действующего по тем же лекалам — А. Ч.) на возрастание неопределенности». Парадоксальный факт: чем шире сфера жесткого нормирования, тем больше беспорядка. Возникает вопрос: а есть ли что-то, что может обеспечить порядок в новых условиях? Ответ: стандартизация, унификация программ, т.е. формализация определенных принципов и подхо-

дов, а также вариативная, «творческая» часть, учитывающая настоящие и будущие изменения в технологической цепочке.

В условиях переизбытка информации необходимо сформировать на качественно новом уровне независимую оценку знаний и компетенций. Такая оценка нужна и системе управления, и производственным процессам. Важнейшей составляющей развития в условиях информационного общества становится не просто множественность информации, а знания. «Пусковым механизмом публичного управления становятся не сигналы и данные, а смыслы и идеи». (В глубоком смысле — ценности.) Почему же так много людей рассматривают современную систему управления (форматы существования того или иного бизнеса) как бессмысленную и направленную исключительно на извлечение прибыли любым путем? — Потому что знания часто не привязаны к мотивациям конкретных людей, участвующих в бизнес-процессе. Знания, не порождающие реальный опыт, а несущие лишь определенный набор информации, в быстро изменяющемся мире устаревают раньше, чем их можно реализовать на практике, и не служат прочной опорой для овладения сложными процессами. Человек зачастую не имеет возможности почувствовать, а значит, адекватно отреагировать на глубину происходящих процессов. Он становится заложником изначально предложенных конструкций и трафаретов. «Кроссвордно-статическое, ЕГЭшное мышление» напрочь отбивает охоту искать истину.

А ведь именно интеллектуальная и этическая мотивация поведения в управлении становится все более важным фактором развития. И, наоборот, игнорирование данных моментов ведет к депрофессионализации управления, ее примитивизации и «варваризации». В бизнесе значимым фактором становится понимание сути «поведенческой экономики» [16]. Но сегодня *управление поведением* — это часто лишь *манипуляция сознанием*, прикрытая красивой оболочкой. Как избежать порабощения сознания при формировании шаблонов и трафаретных практик? Рецепт не нов — высокий уровень развития образования, а значит, и критического мышления, плюс доминирование в обществе нравственных норм, а не денежных императивов. К тому же при наличии стойкой тенденции к выстраиванию поведенческой экономики важную роль играет учет разнофакторных составляющих (психологических, геополитических, социальных). Для российских граждан большое значение имеет участие в интересных, творческих, «глобальных» с точки зрения отдельной компании проектах [17], чтобы увидеть результаты своего труда, почувствовать личную значимость, прикоснуться к чему-то важному и новому. Бизнес в своих программах долгосрочного развития должен ориентироваться на то, что приносит не только конкретную прибыль, но и социальные дивиденды — это важно понимать и руководителям, и сотрудникам. Сегодня многие программы стратегического развития и для государства в целом, и для крупных бизнес-структур пишутся под копирку по одному банальному алгоритму, предложенному западными консалтинговыми компаниями типа McKenzie и др.

Особое внимание следует уделять новым форматам и практикам, которые возникают как в молодежной и бизнес-среде в целом, так и на стыке новых направлений и тенденций в социальном и бизнес-сообществах типа «коворкингов», «коучинга», использования системы полевых мобильных работников², дистанционного использования специалистов и т.д.

Актуально участие бизнес-групп в многоуровневом глобальном управлении. Оно становится ресурсом конкурентоспособности (правильнее — соревновательности) как самого госу-

² По прогнозу International Data Corporation, к 2015 г. количество полевых сотрудников во всем мире достигнет 1,3 млрд человек, т.е. 37,2% трудоспособного населения. В России, согласно исследованию Vanson Bourne по заказу Citrix, к 2020 г. треть персонала не будет проводить все рабочее время в офисе. Сотрудники компаний смогут работать дома (38,4%), на площадках, где ведутся проекты (26%), или на территории клиентов и партнеров (31%). Основная причина — растущая популярность смартфонов и планшетов в корпоративном секторе, которые позволяют сотрудникам эффективно выполнять свою работу из любой точки, нужно лишь правильно выстроить систему управления и коммуникации.

дарства, так и конкретного бизнеса. Одновременно с этим повышается значение *глобального гражданского и бизнес-сообществ*. Парадоксально, но бизнесы, социальные институты и отдельные граждане оказываются значительно ближе друг к другу по «горизонтали», вне собственных национальных границ и даже вне конкретных политических решений. Эта тенденция набирает обороты и показывает, что даже приверженцы либеральных взглядов начинают говорить о необходимости и важности солидарного развития [18]. Классическая конкуренция, выступающая как определенная философия развития бизнеса и являющаяся аксиомой для традиционного и банально-упрощенного взгляда на экономические процессы, перестает действовать. Дело в том, что порой за конкуренцией как таковой нет ничего, кроме того, что один экономический субъект должен «убрать» со своего пути противника, обеспечив себе на долгие годы безраздельное и монопольное правление. На самом деле варианты бескровной соревновательной и творческой деятельности никто не отменял. Просто их нужно поставить (вместе с моральными и интеллектуальными стимулами) на главное место в формировании стратегии будущего движения.

При сегодняшних кардинальных трансформациях важно как учитывать текущие реалии, так и чувствовать наиболее стойкие тенденции в развитии, которые определяют будущее. К наиболее явным факторам, все еще активно формирующим современный управленческий и бизнес-ландшафт, относятся *злоупотребление монопольным положением, коррупция, миграционные процессы, существенные изменения в сфере образования, борьба за ресурсы, новые технологии и рынки сбыта, санкции*. Причем на какое-то время разрастание подобных вещей будет доминировать над всеми остальными процессами. Важно так выстроить собственные векторы движения, чтобы с минимальными потерями и максимальным приращением преодолеть этап бифуркаций, сконцентрировать основные усилия на внутреннем экономическом росте. Это особенно актуально в условиях всевозможных официальных и неофициальных санкций со стороны западных государств.

Идея «неоизоляционизма» [19], высказанная несколько лет назад В. Цымбурским, сегодня имеет все шансы и смысл быть реализованной в России. Речь не идет о ситуации осажденной крепости и полной изоляции от внешнего мира. России нужно временно «призакрыться», чтобы провести полную ревизию имеющегося хозяйства, анализ всех технологических и производственных мощностей; оценить кадровый потенциал для решения текущих и перспективных задач; обеспечить возможности для использования объективной статистической информации [20] и на этой основе выработать наиболее эффективную модель развития на перспективу.

Список литературы

1. Чернышов, А. Г. Цена будущего / А. Г. Чернышов. — М.: Алгоритм, 2013. — 352 с. <http://algorithm-izdat.ru/2013/09/chernyshov-zena-buduschego/>
2. Оверченко, М. Инвестфорумы больше не нужны / М. Оверченко. — http://www.vedomosti.ru/opinion/news/23959131/bejdzh-investora?from=newsletter-editor-choice&utm_source=newsletter&utm_medium=content&utm_campaign=editor-choice&utm_term=news7
3. <http://me-forum.ru>
4. Сморгунов, Л. В. Управляемость в условиях неопределенности / Л. В. Сморгунов. — http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2560#top
5. Сеницын, А. Зачем России человеческий капитал? / А. Сеницын. — <http://www.vedomosti.ru/opinion/news/25602931/nash-arshin#ixzz2zVLgs78Z>
6. <http://www.safety.ru/about/quality>

7. Стратегическое управление в условиях изменений — http://sbs.edu.ru/portal/seminar/211?utm_campaign=bs0314&utm_source=maillist&utm_medium=email&utm_term=regular&utm_content=stratupr
8. *Марков, Я.* Неакцентированный приоритет / Я. Марков // Эксперт. — 2014. — № 9 (888). — 24 февраля.
9. Центр демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН. — <http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0151/tema05.php>
10. По данным Центра социологии экономики Института социально-политических исследований РАН — <http://www.newizv.ru/society/2014-04-16/200262-trevozhnaja-dolja.html>
11. <http://pvros.ru/2014/02/24/1709>
12. Управление изменениями: развитие в условиях неопределенности. — М.: ИКАР, 2013. — 192 с.
13. *Малыхин, М.* Какие специалисты пользуются спросом в России и на Западе? / М. Малыхин. — <http://www.vedomosti.ru/career/news/25654001/rossijskie-zaprosy-otlichayutsya-ot-ukrainskih#ixzz2zaxf3qoO>
14. *Аптекарь, П.* Особенности российского «созидательного разрушения» / П. Аптекарь. — <http://www.vedomosti.ru/opinion/news/25536691/sozidanie-i-razrushenie#ixzz2zKcdqgN3>
15. Петербургский международный экономический форум. — 22–24 мая 2014 г. — <http://www.forumspb.com/ru/2014/sections/30/materials/229/sessions/695>
16. *Фрэнк, Р.* Дарвиновская экономика: Свобода, конкуренция и общее благо / Р. Фрэнк. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2013. — 352 с.
17. Таланты и поклонники — <http://www.vedomosti.ru/feature/business-on-hand/news/9831/talanty-i-poklonniki>
18. *Сакс, Дж.* Цена цивилизации / Дж. Сакс. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2012. — 352 с.
19. *Цымбурский, В. Л.* Остров Россия / В. Л. Цымбурский. — М.: РОССПЭН, 2007. — 544 с.
20. *Симчера, В. М.* Как нам быть с реальными цифрами? / В. М. Симчера. — <http://me-forum.ru/media/publications/>

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

В. Б. Сироткин¹

ИЗМЕНЕНИЯ КООПЕРАТИВНЫХ ДЕЙСТВИЙ: ВЗАИМОУСЛОВЛЕННОСТЬ ЭФФЕКТИВНОСТИ И РАЦИОНАЛЬНОСТИ

В настоящей работе предпринята попытка ответить на вопрос, что происходит в кооперативных системах. Описание системы проведено не на основе классической экономической теории, а с использованием теории организации. Мы стремились показать, что динамика взаимодействия формальной и неформальной организации содержит изменения как эффективности, так и рациональности действий — двух главных условий, необходимых для выживания кооперативных систем.

Существует достаточное количество интересных дискурсов об организации. Например, канадский исследователь Гэрет Морган предлагает восемь инструментов для понимания и описания различных аспектов деятельности организации с использованием следующих метафор: машина, организм, мозг, культура, политическая система, психическая тюрьма, трансформация, господство [2]. Наиболее влиятельные школы западной организационной мысли второй половины Х — начала ХХI в. представлены в хрестоматии [3]. Американский экономист Элинор Остром (лауреат Нобелевской премии по экономике за 2009 г.) обосновывает идеи самоорганизации и добровольных организаций без применения государственного принуждения [4].

Для ответа на вопрос, поставленный в начале статьи, воспользуемся определениями и положениями американского исследователя Честера Барнарда (1886–1961), который ввел понятия *формальной* и *неформальной* организации и предложил теорию власти и теорию стимулов в организации [1].

Кооперация — это деятельность по упорядочиванию совместных личных усилий людей, которая является эффективным способом преодоления физических и биологических ограничений отдельного человека. Преодоление ограничений выступает как способ достижения какой-то цели; если ограничения преодолеть невозможно, от цели следует отказаться. Одновременные действия требуют контроля и обеспечения надежности. Отдельный человек достаточно удален от цели деятельности, поэтому возникает необходимость распределения выгод. Большинство людей имеют ограниченную, но значимую способность к выбору и им сложно сформулировать общую цель неличного характера. Изменение целей в связи с изменившейся ситуацией, неопределенность процессов корректировки требуют управления внутри системы. Для поддержания кооперации предназначены управленческие процессы и специализированные органы: руководители и их организации. Эти процессы и органы не только обеспечивают кооперацию, но и становятся ограничениями на кооперацию.

Стабильность кооперации зависит от эффективности и рациональности действий ее участников. Критерием эффективности кооперативных действий является достижение общей

¹ Владислав Борисович Сироткин, заведующий кафедрой менеджмента Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, д-р экон. наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ.

(неличной) цели, а критерием рациональности выступает количество людей, которых удалось привлечь к кооперации. Как правило, эффективной становится высокоразвитая кооперация. Рациональность — это итог удовлетворения личных мотивов участников системы. Рациональность можно обеспечить либо изменив/заменяя мотивы участников, либо за счет распределения между ними полученных результатов материального, социального или смешанного характера. Удовлетворенность кооперативными действиями зависит не только от того, сколько получено системой, но и от способа распределения: те, кому не досталось выгод, не будут удовлетворены своим положением в системе и будут считать такую деятельность нерациональной.

Выживание кооперации зависит от ее отношения к внешней ситуации и от создания стимулов и их распределения между участниками системы. Кооперация извлекает выгоды из изменений ситуации. Распределение этих выгод воздействует на общую ситуацию физических, биологических и социальных сил и одновременно удовлетворяет потребности участников: для получения рациональности требуется изменить среду и, наоборот, удовлетворенность участников определяет изменение внешней среды. Нестабильность и неудачи кооперации — это следствие пороков каждого из указанных типов процессов. Функции руководителя заключаются в том, чтобы обеспечить эффективное согласование этих двух процессов.

Кооперативная система — комплекс, состоящий из физических, биологических, психологических (индивидуальных) и социальных компонентов, которые систематически соединяются друг с другом в процессе кооперации, как минимум, двух людей ради, как минимум, одной цели². В состав кооперативной системы входят люди, физические и социальные системы, а также организации.

Организация — это: 1) группа людей; 2) совместная деятельность людей. В концепции Ч. Барнарда организации выступают частью кооперативных систем и состоят исключительно из скоординированных человеческих действий³. Формальная организация — это структура распределения усилий и функциональной специализации. Организация представляет собой то, что является общим для всех кооперативных систем (общий элемент); люди могут одновременно принадлежать к нескольким организациям (семья, церковь, государство и др.) и сменять друг друга в качестве участников организации. Люди являются объективным источником сил организации, которые возникают из энергии людей, заполняющей поле организации — область, где возникают результаты кооперации. Вместе с тем ни результаты, ни люди не рассматриваются как часть формальной организации. Люди находятся за пределами организаций и вступают с ними во множественные отношения.

Большинство завершенных формальных организаций являются вспомогательными компонентами более крупной неформальной, неопределенной, невнятной и неуправляемой системы, которую обычно называют обществом. На совокупность неформальных организаций (народы,

² Определение кооперативной системы Ч. Барнарда включает компоненты, которые изучают как естественные, так и гуманитарные науки. В процессе творческого синтеза несопоставимых категорий (вещей, действий, образов, явлений и др.) «неразложимый остаток» описаний и объяснений исследователи обычно списывают на какую-либо внешнюю независимую силу: Случай, Судьба, Мораль, Дух и др. В теориях Барнарда, который рассматривает синтез наук об организациях и кооперативных системах и искусства управления, руководителю организации следует принимать решения, примиряющие несоизмеримые этические, эстетические, социальные и материальные блага. Если исключить эклектику и синтетический подход, то «изолированные научные ясли» оказываются слишком тесными, чтобы вместить «коров», олицетворяющих реальность.

³ Если включить в определение организации индивидуумов или их группы, то мы не сможем сформулировать требования к безличному организационному порядку, необходимому для выполнения целей, стоящих перед организацией. Проиллюстрировать это положение можно высказыванием бывшего заместителя председателя КГБ СССР Ф. Бобкова о том, что спецслужбы допустили серьезную ошибку, обеспечивая безопасность для руководителей КПСС, вместо того чтобы сосредоточиться на охране принципов доктринального порядка в СССР [10].

общества) наложена густая сеть формальных организаций. Среди последних явно доминируют относительно завершённые типы организованных интересов — государства, церкви, которые контролируют другие формальные организации. Подчинение (ограничение на цели или способы действия) верховным организациям может быть прямым, косвенным или одновременно прямым и косвенным.

Формальная организация — это система сознательно скоординированных между собой действий или сил (по крайней мере двух человек). Необходимыми и достаточными условиями возникновения формальной организации выступают люди, способные установить коммуникацию друг с другом; их согласие участвовать в совместной деятельности и общая цель⁴.

Для продолжительного существования организации необходимы либо эффективность, либо рациональность. Источником жизнеспособности организации являются: а) не рациональное понимание цели⁵, а вера в то, что цель достижима; б) степень удовлетворенности отдельных участников процессом достижения цели.

*Специализация*⁶ на совместной деятельности внутри системы — непрерывное приспособление друг к другу участников кооперативных усилий и согласование своих действий — достигается тем, что цель организации делится на части и детализированные задачи, которые распределяются между организационными подразделениями. Формальные организации развиваются и состоят из действий мелких организаций: у каждого организационного подразделения своя цель, от которой зависит отбор участников для подразделения.

Размер организационного подразделения как группы людей ограничен требованиями коммуникации, основным способом которой является обмен мнениями. Определение формальной организации как безличной системы усилий предполагает наличие руководящих организационных подразделений, которые накладываются на сеть множества рабочих подразделений.

Руководящая работа — это специализированный вид деятельности по обеспечению функционирования организации. Система сама управляет собой, а ее отдельная часть — руководящая организация — выполняет следующие функции:

- обеспечивает коммуникации внутри организации — отбор людей на позиции руководителей (контроль, отбор, повышение и понижение по службе, увольнение), определяет организационные позиции в организации (штатное расписание, должностные инструкции и др.);
- обеспечивает личное участие людей в организации, привлекая и удерживая конкретных людей методами убеждения и стимулирования;
- определяет и формулирует цели и задачи организации — разбивает на фрагменты множество одновременных и последовательных действий, синтез которых образует цель или действие; распределяет ответственность (сверху вниз и снизу вверх); убеждает тех, кто внизу, дать согласие на ключевые решения, чтобы «конечные» участники оставались сплоченными и способными принимать конечные детализированные решения.

Процесс руководства направлен на результативность деятельности организации. Смысл целого не всегда очевиден, научный анализ ситуации содержит абстрактные единицы, которые мы принимаем за нечто конкретное. Вместе с тем принятое практическое решение всегда является систематическим. Кооперативные системы производят то, что они же

⁴ Цель — это то, что имеет отношение к будущему. Примитивные организации живут исключительно настоящим.

⁵ Рациональное (логическое) понимание цели во многих случаях ведет к разрушению организации, поскольку содержит неразрешимые противоречия.

⁶ Уровень специализации представляет элемент организационного капитала. Особенностью западной цивилизации выступает высочайший уровень разделения труда и узкая специализация.

и потребляют — полезности, но результат не равен совокупности их составных элементов или того, что в них вложено. Если цели достигаются, то это происходит потому, что использованные средства были эффективными, а деятельность — рациональной. Контроль эффективности организации имеет ключевое значение, однако рациональность в конечном счете включает в себе эффективность⁷. Контроль эффективности всегда рассматривает один конкретный аспект целого (экономику, политику, науку, технологию), поэтому, если не обеспечивается рациональность — поддержание равновесия организационных действий за счет удовлетворения мотивов отдельных людей, чтобы побудить их участвовать в этих действиях, возникает перманентная угроза распада целого.

Чтобы организация существовала в равновесии, она должна контролировать и обменивать достаточное количество разнообразных полезностей — непрерывное поступление полезностей от деятельности распределяется между участниками организации в качестве стимулов к деятельности. Эту экономику можно оценивать очень приблизительно, так как измерить абсолютный вклад в систему отдельно взятого фактора с точки зрения цели не представляется возможным. Неудовлетворительные по экономическим критериям организации продолжают свое существование, только если производят такие полезности неэкономической природы, которые компенсируют дефицит коммерческих благ.

Организация обретает рациональность при наличии: а) координации деятельности — козидательного внутриорганизационного фактора, обеспечивающего избыток полезностей; б) распределения полезностей — контроля прихода и расхода в момент обмена на периферии организации⁸.

Неформальная организация — это совокупность индивидуальных контактов, взаимодействий и возникающих в силу этого групп людей, не имеющих общих осознанных целей. Формальные организации относительно логичны по сравнению с неформальными. Неформальная организация не обладает определенной структурой и внутренним делением. Вместе с тем наличие такой бесформенной массы различной плотности приводит к важным общим результатам: а) складываются определенные установки, социальные нормы и идеалы, привычки, представления, обычаи, институты; б) возникают условия для возникновения формальных организаций.

Неформальное объединение людей всегда предшествует формальной организации. У любой группы людей существует неодолимая потребность в действии, а у отдельного человека — базовая потребность в объединении с другими людьми. Формальные организации возникают из неформальных и необходимы им. Отсутствие формальных организаций ведет к разобщенности и хаосу. Можно сказать, что общество структурировано с помощью формальных организаций, а последние находятся под воздействием неформальных.

Для функционирования формальные организации сами создают неформальные организации, допуская настроения и действия, не поддающиеся регламентации, формализации и описанию. Существуют три главные функции неформальных организаций: а) коммуникация (обмен личными мнениями); б) поддержание связанности формальной организации через обеспечение согласия в кооперации и стабильности объективной власти; в) сохранение у людей чувства собственной значимости, самоуважения и автономности выбора как способа защитить личность от разрушительных последствий влияния формальных организаций.

⁷ Нам представляется, что Ч. Барнард понимал под эффективностью то, что называют инструментальной рациональностью, а под рациональностью — сущностную рациональность. Вопросы совмещения сущностной и инструментальной рациональности более подробно изложены в статье [13].

⁸ При распределении или обмене каждая из сторон сделки не измеряет полезность исключительно в деньгах; сопоставляет прошлое, настоящее и будущее; стремится предоставить то, что ей обходится дешево, но другой стороной ценится высоко. В результате рациональность не отображается в существующих научных теориях обществоведения, несмотря на то что жизнеспособность организаций зависит от преданности и веры ее участников в цели кооперации.

Фундаментальной проблемой формальных организаций и сознательных организационных усилий выступает стимулирование вовлечения и удержания членов кооперации. К участию в организации побуждает чистая удовлетворенность, равная количеству преимуществ участия в организации минус негативные факторы удовлетворенности.

Различают методы стимулирования двух видов: направленные на количество и силу позитивных элементов удовлетворенностей и те, которые действуют на негативные факторы удовлетворенности.

Способность предлагать материальные стимулы в течение продолжительного времени определяется уравнением экономного использования стимулов: брутто продукт, созданный организацией, минус часть продукта, израсходованная на стимулы, должна быть больше нуля. Организация прекратит свое существование, если она не сможет предложить стимулы. Можно выделить группы взаимодействующих ограничений, определяющих объем стимулирования: а) условия внешней среды организации; б) эффективность организационных усилий; в) внутренняя рациональность организации.

Когда организация не в состоянии предложить привлекательные объективные стимулы для своих членов, ей остается применить метод убеждения: изменить установки, настроения и мотивы так, чтобы доступные для организации объективные стимулы обрели действенность. Метод убеждения может включать принуждение, логическое обоснование и внушение. Реализация перечисленных методов убеждения требует издержек, которые могут превышать пользу от их использования.

Сформулированные более 75 лет тому назад теории Ч. Барнарда выбраны нами как инструмент анализа по следующим основаниям. Во-первых, эти теории созданы (1938 г.) руководителем — президентом отделения компании «Bell Telephone System» в Нью Джерси, и они были доступны для практиков, вынужденных действовать независимо от того, предложила или не предложила им наука удовлетворительные описания и объяснения организационных процессов. Во-вторых, предлагаемые принципы не игнорируют сущностное (ценностно-рациональное) действие, в то время как модели специализированных общественных наук (экономика, социология и политология) стремятся исследовать исключительно то, что они называют целерациональным действием [12]. В-третьих, концепция Ч. Барнарда выделяет организацию как один из элементов кооперативной системы, руководитель которой должен согласовать два процесса, связывающих ее с внешней средой, — эффективности и рациональности. Большинство теорий рассматривают организацию не как безличную систему действий, а как группу людей. При подходе Ч. Барнарда эффективностью и рациональностью могут быть обоснованы такие реально существующие средства коммуникации, как приказы и принуждение к их исполнению, исследования которых избегают современные публичные теории организации. В-четвертых, предлагаемый подход позволяет рассматривать отдельные кооперативные системы как элементы кооперативных систем более высокого порядка, объединенные общей целью.

Нам представляется, что, руководствуясь принципами, сформулированными Ч. Барнардом, можно ответить на вопрос, что происходит в кооперативных системах. Для иллюстрации рассмотрим современную ситуацию в системе высшего образования страны как элемент кооперативной системы более высокого порядка — общества. Приведем следующие факты, характеризующие современное состояние рассматриваемых систем:

1. Количество выпускников школ от года к году снижается: 2006 г. — 1,3 млн человек, 2013 г. — 0,7 млн человек. В целом, дефицит трудовых ресурсов по России составляет около 1 млн человек. Работодателям осложняют жизнь демографическая ситуация; оторванность образования, получаемого в высшей школе, от реальной практики; избыток гуманитарных специальностей; дефицит квалифицированных рабочих и технических кадров; низкая производительность на российских предприятиях и утечка кадров за границу [5]. По способности системы среднего

и высшего образования готовить кадры, квалификация которых отвечает требованиям бизнеса, Россия заняла последнее место среди 30 стран — участниц исследования «Давление на рынок труда» 2013 г. [11]. Нагрузка на руководителей растет из-за дефицита квалифицированных исполнителей и контролеров принимаемых решений.

2. Инновационная политика не достигла заявленных целей. Практически не осталось высокотехнологичной промышленности, которая предъявляла спрос на профессионалов; на ключевые должности, требующие высокого профессионализма, назначаются случайные некомпетентные люди. В деградирующей системе каждый следующий назначенец менее компетентен, чем предыдущий [9]. Разрыв между спросом и предложением на высшее образование продолжает расти: подавляющее большинство выпускников вузов работает не по специальности. Около 30% студентов изъявляют желание работать за рубежом. В выборе профессии превалирует сфера экономического обмена, а не экономического производства. Рабочие специальности и профессии, связанные с разработками и высокотехнологичным производством, долгое время выступавшие архетипами массового сознания, ушли в прошлое [6]. Работа высшей школы оторвана от нужд отечественной экономики.

3. Существенное расширение доступа к высшему образованию для заурядных троечников: около 85% закончивших среднюю школу против 20% выпускников школ до 1990-х гг. [7]. Число вузов (с учетом негосударственных) приблизилось к 1,2 тыс., что в два с лишним раза больше, чем в последние годы существования СССР. К этому можно добавить около 2 тыс. филиалов [8]. Предоставление вузам самостоятельности привело к их коммерциализации и снизило стимулы к обеспечению качества образования. Привлекательность отечественного диплома падает не только в мире, но и внутри страны: 66% работодателей предпочитают доучивать и переучивать своих сотрудников на базе собственных образовательных подразделений [8].

Единые требования к профессиональной подготовке студентов существуют только на бумаге. На практике только престижные вузы могут приближаться к уровню мировых стандартов. Большинство вузов не удовлетворяют декларируемым профессиональным требованиям, выполняют функцию социальной адаптации школьников к местной среде и ориентируются на уровень подготовки наименее способных и дисциплинированных студентов.

Попытаемся описать перечисленные факты в терминах принципов, предложенных Ч. Барнардом:

1. Кооперативная система высшего образования плохо соответствует кооперативным системам более высокого уровня, в частности, той, которую можно назвать национальным хозяйством. Цели этих систем не согласованы: ориентация системы высшего образования на получение максимального дохода уничтожает формирование доходов в системе более высокого уровня. Рыночные механизмы координации не могли привести в соответствие обменные и распределительные процессы в этих системах. Большинство высококвалифицированных работников остаются низкооплачиваемыми, продолжается отбор системой не лучших, а посредственных работников; государственный бюджет поддерживает неэффективные кооперативные системы.

2. В системе высшего образования имеет место конфликт между эффективностью и рациональностью: удовлетворяя запросы большей части студентов, их родителей и преподавателей, система теряет способность обучать профессионалов по требованиям системы более высокого уровня. Рыночные механизмы не смогли сформировать для высшей школы удовлетворительные требования к профессионалам системы национального хозяйства.

3. Неформальная организация так преобразовала формальную организацию высшей школы, что последняя все хуже выполняет цели и функции, для которых она предназначена. Не люди, а неформальные правила определяют сегодня действия в формальных организациях вузов.

Предложенная нами картина несогласованности кооперативных систем разных уровней позволяет предположить, что:

- кооперативную систему «высшая школа» невозможно удовлетворительно преобразовать без существенных изменений в системах более высокого уровня — государстве и обществе. Алчность есть постоянная составляющая стимулов частного сектора, поэтому она не способна объяснить динамику подъемов и спадов, злоупотреблений и других свойств системы. Источники неблагополучия следует искать в ослаблении регулирования системы.

В обществах существует связь между уровнем образования и применяемыми технологиями. Низкое качество образования даже при увеличении числа тех, кто имеет дипломы, будет сдерживать развитие и распространение передовых технологий и препятствовать увеличению доходов в национальном хозяйстве. Разрыв между растущим спросом на квалифицированную рабочую силу и ее предложением невозможно сократить, снижая уровень требований к образовательной системе. Указанная асимметрия имеет не только экономические, но и политические причины. Расширением доступа к образованию политики пытаются в краткосрочной перспективе замаскировать растущее имущественное неравенство населения⁹, создать популистскую иллюзию шанса на благополучие для политически значимых слоев населения — у тех, кто стремится иметь диплом. Стимулирование удовлетворенности абитуриентов, студентов и их родителей через снижение требований к высшему образованию будет отрицательно влиять на эффективность рационального хозяйства и способствовать росту неравенства в долгосрочной перспективе. Большинство наблюдателей не обращают внимания на указанную причинно-следственную связь в организациях разных уровней и не учитывают качество высшего образования при сопоставлении организаций. Руководящая механическая бюрократия разрушает профессиональные бюрократии и требования организаций высшей школы к студентам: требования равного доступа к качественному образованию трансформировалось в требование мандата на результат образования — равного обладания дипломом о высшем образовании. Например, в США в вуз идут учиться 70% школьников, но четырехлетнюю программу удастся закончить только 38,6% студентов.

За снижение требований к образованию расплачивается преимущественно средний класс: зарплата на уровне неквалифицированного рабочего, угроза остаться без работы. Издержки на образование выше выгод, которые дают степени бакалавра и магистра;

- выбранный высшей школой способ приспособления к изменениям, происходящим с молодежью, нельзя признать удовлетворительным. Для согласования целей национального хозяйства и высшей школы недостаточно используемых сегодня стимулов и руководящей организации потребуется расширить и усилить принуждение, логическое обоснование и внушение. Использование силы нельзя считать эффективным средством для реализации долгосрочных целей. Если большинство участников организации не мотивировано к намеченной цели, то усилия регуляторов будут носить формальный характер;

- взаимное приспособление траекторий движения неформальной организации к требованиям формальной организации и формальной организации — к обычаям неформальной потребует времени, настойчивости и согласованных действий от руководителей всех формальных кооперативных систем. Использование принуждения может привести к непредсказуемым последствиям. Сокращение предложения образовательных услуг неудовлетворительного уровня и принудительное ограничение доступа к гуманитарным направлениям образования может обострить протестные движения в среде как молодежи, так и профессорско-преподавательского состава вузов. Давление со стороны этой категории населения должно заставить политиков более ответственно отнестись к проблеме неравенства. Разрыв между намерениями реформаторов и результатами их деятельности может оказаться слишком большим;

⁹ Уменьшить неравенство можно прямым перераспределением доходов, облегчением условий получения кредитов для малоимущих и расширением системы образования требуемого уровня.

- сопоставление ущерба и пользы, ожидаемых от изменения соотношения эффективности и рациональности, не может быть достаточно надежным (несопоставимость элементов, проблема наблюдателя, неудовлетворительные инструменты измерения и др.). Радикальные изменения в кооперативных системах увеличивают вероятность крупных конфликтов между эффективностью и рациональностью систем, способных спровоцировать неуправляемый режим, ведущий к распаду целого. Можно привести примеры развала сложных кооперативных систем из-за утраты понимания компаниями, входящими в состав конгломератов (ИТТ, Litton Industries), целей и задач своего развития. Вместе с тем только радикальные решения могут принудить существующие распределительные коалиции уступить какую-то долю захваченного общего блага. Отвоєванная часть привилегий может быть перераспределена между новыми группами интересов и теми, кто их поддерживает. Кооперативные системы, не сумевшие удовлетворить мотивы участников, могут прибегнуть к протекционизму и национализму, чтобы сберечь то, чем они обладают;

- соответствие эффективности и рациональности выступает как условие существования кооперации. Проектируя (*ex ante*) формальную организацию, мы стремимся к тому, чтобы она работала как механизм: действовала безлично, воссоздавала процессы формирования и распределения результатов по заданным настройкам. Чем ближе мы к реализации проектного идеала, тем выше эффективность такой организации и ниже удовлетворенность механическими действиями тех, кто участвует в такой кооперации (*ex ante*). Известный английский историк, автор цивилизационного подхода А. Тойнби утверждал, что после завершения создания универсального государства начинается фаза его надлома и распада;

- люди меняются, а мы продолжаем проектировать системы, которые слабо учитывают эти изменения; мы хотим изменить людей и не менять системы; нам следует научиться существовать в парадоксах: одновременно удовлетворять несовместимым моральным кодексам.

Нам представляется, что не только система высшего образования, но и другие кооперативные системы не выработали удовлетворительного соотношения между эффективностью, рациональностью и внешней средой. Следствием этого является несоответствие фактических результатов таких систем декларируемым целям. Решить отмеченные проблемы экономическими мерами, накачивая такие деструктивные системы дополнительными ресурсами, невозможно. Создание условий принуждения может потребовать непопулярных мер: ограничения бюджетного финансирования неэффективных организаций, увеличения безработицы, снижения зарплат и др.

Для изменения ситуации, потребуется руководство с позиции силы для смены установок, мотивов и ответственности действий внутри систем так, чтобы требуемые действия выполнялись при наличии объема и структуры стимулов, которыми располагает система. Процессы принуждения будут сопровождаться жесткой критикой сторонников либерализма и рыночной координации, а также сопротивлением монополий. Открытым остается вопрос о том, откуда могут появиться новые ответственные руководители, способные осуществить необходимые изменения эффективности и рациональности в кооперативных системах. Руководители, отстаивающие принципы неприкосновенности частной собственности и независимости судов, могут появиться только из неформальной среды.

Список литературы

1. Барнард, Ч. Функции руководителя: власть, стимулы и ценности в организации / Ч. Барнард; пер. с англ. — М.; Челябинск: Социум; ИРИСЭН, 2012.
2. Морган, Г. Образы организации / Г. Морган; пер. с англ. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2008.

3. Теория организации: хрестоматия. — 2-е изд./пер. с англ. — СПб.: Высшая школа менеджмента, 2010.
4. *Остром, Э.* Управляя общим: эволюция институтов коллективной деятельности/Э. Остром; пер. с англ. — М.: ИРИСЭН; Мысль, 2010.
5. *Смирнова, Е.* Битва за умы и таланты/Е. Смирнова//Эксперт. С-3. — 2012. — №37. — С. 22–25.
6. *Стрижов, А.* Школа на перепутье/А. Стрижов//Эксперт. С-3. — 2013. — № 36. — С. 32–34.
7. *Денисенко, Е.* Взбесившиеся лифты/Е. Денисенко//Эксперт. С-3. — 2012. — № 1–2. — С. 28.
8. *Субботин, А.* Обречены на реформы/А. Субботин//Эксперт. С-3. — 2012. — № 1–2. — С. 15.
9. *Кулешов, А.* Профессионалы не требуются / А. Кулешов // Эксперт. С-3. — 2013. — № 21. — С. 68–69.
10. *Бобков, Ф.* КГБ и власть/Ф. Бобков. — М.: ЭКСМО, 2003.
11. *Коротко // Эксперт.* — 2013. — № 43. — С. 4.
12. *Сироткин, В. Б.* Теории организации: принципы, единицы анализа и ключевые атрибуты / В. Б. Сироткин. — СПб.: ГУАП, 2013.
13. *Сироткин, В. Б.* Научное обоснование вариантов модернизации обществ догоняющего развития/В. Б. Сироткин // Экономическое возрождение России. — 2012. — № 4 (34). — С. 31–36.

С. Н. Николаев¹

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ОСНОВЫ УСПЕШНОГО РАЗВИТИЯ ОБРАБАТЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Президент РФ В. В. Путин поставил задачу перехода в короткие сроки к новой модели экономического роста и развития российского общества. Предлагается осуществить глубокую модернизацию экономики. Важная роль в решении этой задачи отводится обрабатывающей промышленности. В экономической и промышленной среде интенсивно дискутируются вопросы выбора наилучших путей развития промышленности, в то же время недостаточное внимание, по нашему мнению, уделяется идеологическим аспектам ее развития. Важным элементом такой идеологии является мировоззрение отдельных людей. Ниже рассмотрим вопросы положительного изменения мировоззрения работников различных организационных формирований (ОФ)², участвующих в развитии промышленности.

В окружающей нас действительности нетрудно обнаружить множество *серьезных нерешаемых проблем*. Например, из-за постоянно снижающейся доли продаж техники собственной разработки на российском рынке закрываются многие предприятия, сокращаются рабочие места, разваливается отраслевая наука, снижается выпуск инженеров и т.д. В состав 50 лучших предприятий мира по строительному машиностроению вошли девять китайских предприятий, одно турецкое и ни одного российского. Практически отсутствуют какие-либо положительные результаты реализации Государственной программы РФ «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности», начатой в 2012 г. Производительность труда на российских машиностроительных предприятиях в 10 и более раз ниже, чем на лучших зарубежных предприятиях. Перечень проблем можно продолжить.

Выполненные нами многолетние исследования показывают, что одной из основных причин упомянутых проблем является *мировоззрение* большинства работников ОФ, не способствующее достижению успеха в условиях рыночной экономики. Оно не базируется на широко распространенных в мировой практике фундаментальных принципах достижения успеха. При этом под мировоззрением понимается система взглядов персонала ОФ на процессы и явления, протекающие в экономике и хозяйственной деятельности, а также обусловленные этими взглядами суждения о том, какие решения следует принимать в тех или иных ситуациях. Необходимость *коренного изменения мировоззрения* также вытекает из известного высказывания лауреата Нобелевской премии Альберта Эйнштейна: «... не изменив способ мышления, мы не сможем решить проблемы, созданные при существующем способе мышления».

Остановимся на наиболее распространенных в передовой зарубежной практике *основополагающих принципах достижения успехов* в рыночной экономике. Как известно, фундаментальные принципы являются естественными законами человеческого бытия. Они проявляются в разных странах и в различных системах. На важность основополагающих принципов достижения успехов указывал в 1911 г. в своей книге «Двенадцать принципов производительности»

¹ Сергей Николаевич Николаев, генеральный директор ООО «Фирма МС Консалтинг», д-р техн. наук, профессор, академик РАПК.

² Здесь и далее под организационным формированием имеются в виду коммерческие и некоммерческие предприятия, а также органы государственного управления и законодательной власти.

сти» известный американский ученый Г. Эмерсон. Выполнив анализ причин военных успехов Чингисхана, Бисмарка, Наполеона и др., Г. Эмерсон пришел к выводу, что все они в своей деятельности использовали одинаковые принципы. Упомянутые принципы, широко применяемые в зарубежной практике, в России находят ограниченное применение. В международных стандартах ИСО 9000:2008 «Системы менеджмента качества», выдержавших с 1984 г. пять изданий, указывается, что нельзя создать действенную систему управления качеством продукции или организационным формированием без использования 8 принципов эффективной деятельности. Однако в России они практически не применяются.

Европейский фонд по управлению качеством (EFQM) разработал в 1991 г. модель делового совершенства (Business Excellence) организационного формирования, основанную на восьми базовых принципах достижения успеха, которые у нас также не используются.

Корпорации — лидеры мирового бизнеса — в своей стратегии приводят принципы достижения успеха, которых в обязательном порядке должны придерживаться их работники. Например, компания Caterpillar (США) с объемом продаж техники в 2012 г. в 66 млрд долларов (в том числе экспорт — 69%) использует в своей деятельности 9 основополагающих принципов [1].

На основании выполненных обобщений мы предлагаем в работе российских ОФ на ближайший период *использовать, как минимум, семь базовых принципов.*

1. *Успеха добивается только то организационное формирование, большая часть персонала и руководство которого знают, что и почему надо делать, а также хотят и могут это выполнить.* Из данной формулировки следует необходимость постановки для ОФ *правильных* целей; трансформации этих целей в задачи для подразделений и работников; ознакомления работников с обоснованием правильности и полезности принятых целей; *максимально возможного стимулирования* работников за успешное выполнение целей; *обеспечения способности персонала* выполнять поставленные задачи наилучшим образом. При этом цели должны быть конкретными, измеримыми, приемлемыми, актуальными, ограниченными во времени и носить стимулирующий характер. В органах государственного управления и законодательной власти часто не выполняется первое из перечисленных условий успешной деятельности. Например, в департаментах Минпромторга РФ, занимающихся развитием отдельных отраслей промышленности, *не устанавливаются измеримые, привязанные ко времени цели* деятельности. Соответственно отсутствует потребность в стимулировании и в необходимой компетенции персонала. Аналогичная ситуация в Комитете по промышленности Государственной Думы РФ.

На большинстве предприятий не устанавливаются «правильные» цели по положению на рынках, эффективности, инновационной активности, развитию человеческих ресурсов и др.; не формулируются требования к стимулированию и повышению возможностей персонала. Отсутствуют «правильные» цели и у некоммерческих объединений предприятий, например, у Союза машиностроителей России, Росагромаша, Спецавтопрома и др.

По нашему мнению, пренебрежение данным принципом объясняет неудачу упомянутой выше федеральной программы по развитию промышленности. В ней отсутствуют «правильно» поставленные цели по отдельным подпрограммам. Кроме того, не предусматриваются: *установление* отдельным предприятиям, охватываемым подпрограммой, *задач по инновационному развитию*; стимулирование предприятий за выполнение этих задач; обучение персонала выполнению поставленных задач наилучшим способом.

2. *Концентрация усилий на достижении максимальной удовлетворенности потребителей.* В мировой практике установлено [2]: если приобретенный товар не соответствует ожиданиям клиента, то клиент находится в *состоянии неудовлетворенности*. В результате он не покупает повторно данный товар и информирует 6...10 потенциальных клиентов о своем отрицательном к нему отношении.

При *удовлетворенности* клиента товаром имеется 50%-ная вероятность того, что он больше его не приобретет. При очень *высокой удовлетворенности* товаром клиент его повторно приобретает, сообщая свое положительное мнение 10...15 потенциальным клиентам; соглашается на повышение цены и приобретает другую продукцию данного производителя.

Длительное сохранение лояльности клиентов благодаря их высокой удовлетворенности гораздо выгоднее привлечения новых клиентов — данный принцип положен в основу деятельности всех преуспевающих формирований. В передовой мировой практике сложилась типовая технология для производителей продукции по достижению максимальной удовлетворенности потребителей от покупки их продукции. Этой технологией не в достаточной мере владеют российские предприятия.

Многие российские предприятия и органы управления часто пренебрегают данным принципом. Результатом является постоянное снижение спроса на российскую технику собственной разработки. Одним из серьезных недостатков федеральной программы по развитию промышленности является то, что в ней неверно отражена *главная причина кризиса* в машиностроении (строительном, сельскохозяйственном, горном, коммунальном и др.). Дело в том, что ежегодное в течение последних десяти лет уменьшение доли продаж на рынке техники российской разработки объясняется неудовлетворенностью потребителей.

Отметим, что в настоящее время в практике всех российских производителей при разработке и производстве продукции производственно-технического назначения собственной разработки используется стандарт ГОСТ Р 15.201—2000 «Порядок разработки и постановки продукции на производство». Использование данного стандарта *не позволяет создать конкурентоспособную продукцию* [3], так как он ориентирован на советский опыт создания техники. Выполнение требований стандарта не обеспечивает максимальную удовлетворенность клиентов от покупки техники. Стандарт не учитывает наличие рынков, конкуренции, ценности продукции, наличие нематериальной части продукции и др. Он не включает меры по снижению вероятности неудач при создании новой продукции.

3. *При принятии важных решений следует ориентироваться на уровень мировых стандартов.* В западных странах работники часто придерживаются философского утверждения: «Следует быть достаточно умным, чтобы признавать: всегда есть кто-то, кто чем-то лучше вас, а также быть достаточно мудрым, чтобы учиться у него, а затем догнать и перегнать учителя». Основываясь на этом утверждении, работники передовых зарубежных компаний стремятся изучать лучший мировой опыт и реализовывать его в повседневной деятельности. Российские компании, чтобы конкурировать с лучшими компаниями, также должны ориентироваться на лучший мировой опыт.

Дополнительно следует иметь в виду, что в мире идет поэтапное развитие в определенных сферах деятельности. Причем эти этапы не различаются в отдельных странах. Можно полагать, что уровень развития большинства сфер деятельности в западных странах значительно выше, чем в России, из-за существующей в них в течение многих десятилетий рыночной экономики с жесточайшей конкуренцией. В этих же странах более интенсивно развиваются идеологические и научные основы успешного ведения бизнеса.

Пренебрежение данным принципом в РФ может привести к значительным потерям в народном хозяйстве. Это следует из приведенных ниже примеров.

У нас нигде не упоминается целесообразность *экспортной направленности* в развитии российского машиностроения — одного из главных источников поступления денежных средств в страну. Такая направленность обеспечивается комплексом типовых мер в США, Японии, Германии, Китае, Турции и др. Она распространяется только на продукцию собственной раз-

работки с конструктивными решениями, защищенными патентами. Согласно данным VDMA³ (Союз машиностроителей Германии), в Германии в 2012 г. объем продаж машин и оборудования собственной разработки равнялся 207 млрд евро (8694 млрд рублей при 42 р./евро). При этом объем экспорта составлял 77%. В России объем продаж машин и оборудования российского производства (за исключением энергетического и транспортного машиностроения) составил 1283 млрд рублей. Из этой суммы на технику собственной разработки приходится около 50%.

В зарубежной практике движущей силой развития машиностроения являются *торговые ассоциации* [4] производителей техники. Они в течение многих десятилетий успешно действуют в США, Германии, Японии и других странах, в том числе в Китае. Их особенностями являются: нацеленность на достижение успеха предприятий (членов ассоциации) в продажах продукции собственной разработки на внутреннем и внешних рынках; предоставление большого комплекса услуг членам ассоциаций; участие в развитии науки и высшего образования на уровне государства; объединение ресурсов и возможностей членов ассоциации под лозунгом «Вместе мы — сила»; участие в разработке стандартов; активное влияние на положительное развитие отраслей; тесное взаимодействие с государственными органами управления и др. Российские некоммерческие объединения предприятий — Союз машиностроителей России, Росагроماش и др., по нашему мнению, положительного влияния на развитие отраслей машиностроения не оказывают.

Используемые в России федеральные программы не предусматривают применения для решения крупных народнохозяйственных задач такого мощного механизма достижения успеха, как *проектный подход* [5], включающий создание проектно-целевых групп (ПЦГ) на основе добровольного объединения представителей государства, бизнеса и экспертного сообщества при главенствующей роли государства; обоснование ПЦГ «правильных» целей и наилучших стратегий их достижения; использование в работе ПЦГ индикативного планирования; ориентацию на косвенные методы управления предприятиями; применение в работе ПЦГ принципа «планируй — действуй — проверяй — корректируй» и др.

В России в 2003 г. отменили *отраслевое деление* народного хозяйства, которое успешно применяется во всех развитых странах. Без такого деления невозможно успешно управлять развитием обрабатывающей промышленности. При восстановлении отраслевого деления следует учитывать опыт развитых стран. Например, в составе экономики США различают 385 отраслей, 10 групп отраслей и 52 подгруппы.

В России на невысоком уровне (по сравнению с развитыми странами) находится официальная *статистика* по процессам и явлениям, происходящим в промышленности. Отсутствует информация о рынках отдельных видов техники; невозможно получить объективную информацию об объемах продаж отдельных видов продукции собственной разработки по отраслям и по России в целом; нет информации о численности и заработной плате персонала по отраслям промышленности; информация по объемам продаж не приводится к сопоставимому виду.

В России в отличие от развитых стран проявляется тенденция к увеличению объемов *производства продукции зарубежной разработки*, собираемой из импортируемых элементов, что отрицательно влияет на экономику страны. Это проявляется в следующем:

- на долю зарубежных компаний приходится высокоинтеллектуальная работа по получению патентов, разработке продукции, организации высокоэффективного производства, использованию IT-технологий, продажам и предоставлению услуг потребителям. Российский персонал выполняет только неквалифицированную работу по сборке машин из готовых агрегатов. Так называемая локализация включает преимущественно изготовление несложных элементов машин. Так, например, для самосвалов Volvo, собираемых на заводе в г. Калуге, изготавлива-

³ См. www.vdma.org/article

ют кузова на заводе в Московской области из шведской стали с помощью зарубежного оборудования по технологии Volvo. В результате в России снижается потребность в развитии науки, высшего образования, отборе и развитии талантливой молодежи;

- увеличивается конкуренция российских предприятий на внутреннем рынке, приводящая к их закрытию;
- улучшается экономика других стран, так как техника из агрегатов на 80...90% изготовлена в этих странах;
- Роскомстат относит объемы производства техники зарубежной разработки к результатам функционирования российской промышленности. Тем самым создается неверное представление о ней.

Отметим, что на многих российских ОФ все еще широко используется низкоэффективный способ принятия решений на основе «проб и ошибок», при этом не осуществляется предварительный анализ данных и информации.

4. *Повышение качества всего (продукции, процессов, людей и др.) и всеми работниками организационных формирований.* Как известно, под качеством объекта (продукции, процесса, предприятия и др.) понимаются присущие ему важные свойства и их характеристики, которые отличают конкретный объект от остальных.

Качество объекта характеризуется его ценностью (полезностью) для потребителя или для заинтересованных сторон. Чем выше качество объекта, тем выше его ценность (ее можно измерить). Под управлением качеством понимается «деятельность, направленная на создание и предоставление определенной ценности потребителю или всем заинтересованным сторонам».

Преуспевающие предприятия нацелены на постоянное повышение качества товара и деятельности. В США, например, широко используется установка «качество — это образ жизни». Повышение качества объекта может проявляться в создании новых полезных свойств, в преобразовании всей системы свойств или в изменении характеристик отдельных свойств. Повышение качества продукции непосредственно влияет на рост производительности труда, снижение затрат на производство продукции, рост удовлетворенности клиентов, рост продаж и прибыли.

В развитых странах существует понятие «мышление, ориентированное на качество». Философия, методы, техника и технологии развития качества различных объектов, разработанные преимущественно американскими и японскими учеными, нашли отражение в международных стандартах ИСО 9001:2008 «Система менеджмента качества» и ИСО 9004:2009 «Система менеджмента для достижения устойчивого успеха организации. Подход на основе менеджмента качества». Первый стандарт используется на российских предприятиях ограниченно, часто в неполном виде. Второй стандарт, имеющий очень важное значение для развития промышленности, в России практически не используется.

На наш взгляд, в России уровень качества функционирования ОФ во всех сферах деятельности (министерства, Дума, предприятия) невысок. Имеются в виду полезные результаты. Невысокое качество важнейших систем России объясняется в статье известного философа И. А. Ильина «Спасение в качестве» [6]. Он отмечает, что в силу объективных причин в России на протяжении всей истории страны осуществлялось количественное, а не качественное развитие. Это привело к существенному отставанию по качеству всех подсистем (экономической, политической и социальной) от уровня развитых стран. Ильин полагает, что эпоха расцвета и величия России начнется, только когда повсеместно распространится убеждение, что спасение — в качестве.

5. *Главным ресурсом организационного формирования являются знания его работников, которые постоянно следует углублять.* В мировой практике установлено, что в конкурентной борьбе побеждают только те предприятия, персонал которых владеет самыми современными знаниями и применяет их на практике. Различают следующие виды знаний: индивидуальные,

групповые и на уровне предприятий в целом; базовые и специфические; новые и существующие; современные и устаревшие; теоретические, профессиональные и практические; явные и неявные. В организационных формированиях создаются системы управления знаниями. Процесс управления включает анализ имеющихся знаний, установление целей по повышению их уровня; формирование оптимального процесса развития и использования знаний.

Во многих российских ОФ вопросам формирования и использования знаний уделяется недостаточно внимания. У многих работников ОФ уровень базовых и специфических знаний сравнительно невысок. В первую очередь имеются в виду базовые знания по экономике, менеджменту, маркетингу, качеству. Работники органов управления и законодательной власти часто имеют недостаточно глубокие знания о составе и характеристиках продукции, охватываемой отдельными отраслями; формировании и функционировании рынков продукции; составе и особенностях функционирования на рынках дилеров, маркетинговых посредников и др.; организации разработки и производства продукции; определении эффективных решений сложных организационных проблем с использованием структурированного мышления и др. Производители продукции имеют неглубокие специфические знания о рынках; рыночных возможностях; потребителях; конкурентах; формировании, предоставлении и продвижении высокой потребительской ценности продукции; рациональной организации работы дистрибьюторов; современных системах обеспечения запасными частями; информационных технологиях с использованием ЭВМ и др.

По нашему мнению, относительно *невысокий уровень знаний* у большинства работников ОФ обусловлен *невысокой потребностью* в них из-за отсутствия в первую очередь «правильных» целей деятельности.

6. *Постоянное улучшение деятельности организационных формирований.* Потребность в постоянном улучшении деятельности предприятий обусловлена непрерывным улучшением работы конкурентов; постоянным ужесточением потребностей клиентов; изменениями во внешней среде; меняющимися потребностями собственников и руководства предприятий; стремительным развитием технологий и др. Улучшения могут касаться мышления, качеств и знаний персонала; продукции; рынков; процессов; корпоративной культуры; методов ведения бизнеса и др.

Непрерывное совершенствование обычно включает *небольшие улучшения* за счет постоянных усилий и *существенные улучшения*, требующие специальных действий. Последние называют *инновациями*. Инновации могут касаться трансформации всего бизнеса, совершенствования его элементов и решения отдельных проблем.

В передовой практике используются специальные методы выявления потребностей в изменениях, одним из которых является бенчмаркинг. Разновидностью метода постоянных улучшений является метод «Кайзен», зародившийся в Японии. В передовой практике используется множество методов определения необходимых инноваций с использованием *проектного подхода*, например, метод шести сигм [7]. Специальные методы используются также при внедрении улучшений (инноваций) в практику работы конкретного формирования.

Российские предприятия и органы управления, как правило, игнорируют данный принцип. Все это отрицательно сказывается на работе.

Интересно, как инновации осуществляются в Германии. Согласно данным VDMA, германское машиностроение включает в себя более 6000 предприятий (без энергетического и транспортного машиностроения), из них с численностью работников более 1000 чел. — 2%; меньше 250 чел. — 87%; меньше 100 чел. — 75%. В 2010–2012 гг. 64% предприятий ввели новые продукты; 38% — новые процессы; 24% улучшили качество; 75% сократили затраты за счет новых процессов. Расходы на инновации в 2012 г. составили 13,3 млрд евро, в том числе расходы на научные исследования — 5,3 млрд евро.

Мы считаем, что намеченная в России *модернизация промышленности* потребует коренной инновационной перестройки основных процессов доведения качества продукции до уровня мировых стандартов. Сегодня на большинстве российских предприятий отставание в сфере развития основных процессов составляет 2,5...15 раз. Проведение изменений потребует преодоления сопротивления изменениям, в первую очередь со стороны владельцев и руководителей предприятий. Это сопротивление носит психологический характер.

Можно утверждать, что без активного участия государства предприятия не будут и не смогут (в силу отсутствия необходимых знаний) осуществить значительные изменения в своей работе с помощью инноваций. В этой части интересен опыт США. В послании президента «О положении в стране» (12.02.2013) была поставлена задача возродить американскую обрабатывающую промышленность. Для этого предлагалось выделить одновременно из бюджета 1 млрд долларов на создание в стране сети из 15 институтов инноваций для обрабатывающей промышленности. Эти институты в партнерстве с бизнесом, университетами и правительством должны создавать и развивать производственные технологии для предприятий, размещенных в США. Дополнительно предусматриваются меры по стимулированию производителей, осуществляющих инновации.

7. *Ответственность руководства и персонала организационных формирований за результаты работы.* Как известно, под ответственностью должностных лиц понимается их обязанность отвечать за последствия своих поступков, действий и решений. Важнейшими из таких последствий являются результаты, представляющие собой конечный итог реализации отдельных процессов, работы подразделений или деятельности формирования в целом.

В зарубежной практике ответственность должностных лиц формулируется в положениях об организационных формированиях, о подразделениях и в должностных инструкциях. Создаются информационные системы, позволяющие оценить достигнутые результаты. При отрицательной оценке результатов к ответственным лицам могут быть *применены санкции* в виде денежных взысканий, наложения дисциплинарных взысканий и др.

В российской практике ОФ ответственность за результаты развита слабо. Например, департаменты Минпромторга РФ не отвечают за результаты выполнения подготовленных ими подпрограмм, за результаты выделения из бюджета денежных средств на НИОКР; производители не отвечают за правильность использования полученных из бюджета средств на НИОКР и т.д. В результате польза от господдержки предприятий сравнительно невелика.

Самостоятельное значение имеет вопрос о *внедрении перечисленных фундаментальных принципов достижения успеха* в повседневную практику ОФ. Без участия государства, по нашему мнению, внедрить рассматриваемые принципы не удастся. Их внедрение в органах государственного управления и законодательной власти может быть выполнено с помощью мер принудительного характера. Для внедрения указанных принципов в коммерческих предприятиях могут использоваться разъяснение их полезности, обучение их применению и стимулирование. Все это целесообразно осуществлять в рамках специальной государственной программы с использованием проектного подхода.

После принятия соответствующего решения высшим руководством ОФ внедрение принципов в практику работы может осуществляться посредством:

- их отражения, приказе по ОФ для постоянного использования;
- отражения в специальном документе с подробными комментариями и распространением этого документа среди работников;
- обучения работников использованию принципов;
- отражения принципов в положениях по подразделениям и в должностных инструкциях;
- учета принципов при разработке всех внутренних документов;

- периодического проведения семинаров («круглых столов») с участием работников ОФ по обмену опытом использования принципов;
- разъяснения руководящим персоналом содержания и значимости принципов работникам ОФ, демонстрации на собственном примере постоянного использования этих принципов в работе;
- учета при оценке деятельности отдельных работников их знаний, понимания и использования принципов.

Отметим, что помимо рассмотренных принципов достижения успеха на мировоззрение персонала ОФ влияют правильно сформулированные *кодекс ценностей, миссия, видение, стратегия*. В этой сфере мы также сильно отстаем.

В передовой практике широкое распространение получила психологическая подготовка персонала ОФ в целях освоения так называемых *индивидуальных навыков высокоэффективных людей* [8], чему в России практически не уделяется внимание.

К методам формирования мировоззрения персонала ОФ можно отнести разработку научно обоснованных (с учетом основополагающих принципов достижения успеха) *концепций решения* сложных народнохозяйственных задач. Каждая концепция должна охватывать все элементы отвечать на вопросы: Кто? Что? Где? Чем? Зачем? Как? Когда? Сколько?

Как следует из изложенного, имеются значительные резервы развития российской промышленности за счет человеческого фактора, в том числе за счет ума, знаний и умений людей. В России — громадный интеллектуальный потенциал, обусловленный в первую очередь высокой одаренностью большинства населения. Этот потенциал ничуть не меньше, чем у Китая, который за короткий срок смог поднять свою слаборазвитую промышленность до уровня мировых стандартов.

Список литературы

1. Николаев, С. Н. О существенном увеличении объемов продаж продукции собственной разработки российских предприятий строительно-дорожного машиностроения / С. Н. Николаев // *Качество и жизнь: сб. тр. Академии проблем качества*. — М., 2014.
2. Котлер, Ф. Маркетинг-менеджмент / Ф. Котлер, К. Л. Келер. — 12-е изд. — СПб.: Питер, 2010.
3. Николаев, С. Н. О создании высококонкурентной продукции на российских предприятиях строительно-дорожного машиностроения / С. Н. Николаев // *Стандарты и качество*. — 2012. — № 4, 5.
4. Николаев, С. Н. Залог успеха. Торговые отраслевые ассоциации / С. Н. Николаев // *Строительная техника и технологии*. — 2002. — № 6.
5. Японские предложения по реформе экономики в Советском Союзе: сб. статей / предисловие акад. Н. Я. Петракова. — М.: Шелковый путь, 1991.
6. Ильин, И. А. Спасение в качестве / И. А. Ильин // *Русский колокол*. — 1928. — № 4.
7. Путь шести сигм: практическое руководство для команды внедрения / П. С. Пэнди [и др.]. — М.: Р. М. Office, 2005.
8. Стивен, Р. Кови. Семь навыков высокоэффективных людей / Р. Кови Стивен. — М.: Альпина паблишер, 2012.

В. В. Спицын¹, Е. А. Монастырный²

ОЦЕНКА КОМПЛЕКСНОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ³

Эффективность как категория играет важную роль в экономических исследованиях. Проблемы оценки эффективности вытекают из сущности экономики, целью которой является наиболее полное удовлетворение безграничных потребностей в условиях ограниченных ресурсов. В экономической науке существуют различные подходы к определению категории «эффективность», однако до настоящего времени отсутствует единая точка зрения на эту категорию.

История формирования и развития понятия «эффективность» рассматривается в работе М. С. Солодкой [1], которая отмечает, что первоначально это понятие использовалось для оценки управления (действий органов власти). Анализ последующих подходов позволил выделить следующие виды эффективности (табл. 1) [1].

Таблица 1

Виды эффективности

По соотношению результата и других категорий	Результативность (целевая эффективность) — отношение результата деятельности к цели
	Экономичность — отношение результата деятельности к затратам
	Потребностная эффективность — степень отображения потребности в цели, выбор наиболее эффективных средств отображения
	Выгодность — отношение результата к потребностям
По наличию альтернативных вариантов	Абсолютная экономическая эффективность — соотношение результатов и затрат по одному объекту
	Сравнительная экономическая эффективность — сравнение эффективности различных вариантов или объектов
Социально-экономическая эффективность	Экономические аспекты эффективности — показатели в денежном выражении (одномерность)
	Прочие аспекты: социально-политические, психологические и др. — многомерность (часто нет измеряемых критериев)

¹ Владислав Владимирович Спицын, доцент Национального исследовательского Томского политехнического университета, канд. экон. наук, e-mail: spitsin_vv@mail.ru

² Евгений Александрович Монастырный, профессор Национального исследовательского Томского политехнического университета, д-р экон. наук, e-mail: eamon@sibmail.com

³ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Разработка и апробация информационной системы комплексной оценки эффективности инновационного развития региона (на примере Ассоциации инновационных регионов России)», проект № 14-02-12015.

В современных зарубежных исследованиях выделяют следующие виды эффективности (табл. 2) [2].

Таблица 2

Зарубежные подходы к определению эффективности

Виды эффективности и их описание
Действенность (<i>effectiveness</i>) — степень достижения поставленных целей по трем основным критериям: качество, количество и своевременность
Экономичность (<i>efficiency</i>) — минимизация затрат и ресурсов, эффективность их использования
Качество (<i>quality</i>) — обеспечение требуемого качества продукции
Прибыльность (<i>profitability</i>) — соотношение между доходами и издержками
Производительность (<i>productivity</i>) — отношение произведенной продукции к любому или ко всем видам затрат

Большой цикл работ, посвященных исследованию эффективности, выполнили В. В. Смирнов и С. Н. Растворцева. В. В. Смирнов описывает отечественные подходы к определению эффективности, однако не формирует их в виде классификации (табл. 3 [3]).

Таблица 3

Виды эффективности для промышленных предприятий

Виды эффективности и их описание
Целевая или функциональная — степень достижения целей
Технологическая или ресурсная — интенсивность использования ресурсов или соотношение продукции и затрат ресурсов
Экономическая — учет спроса на продукцию системы
Внутренняя — внутренняя оценка предприятия на основе ресурсов и затрат
Внешняя — степень удовлетворения общественных потребностей, положение на рынке
Статическая — оценка на коротком отрезке времени
Динамическая — оценка в долгосрочном периоде
Результат и затраты, результат и цели, результат и потребности, результат и ценности
Модели достижения целей организации
Модели выживания в окружающей среде
Модели минимального удовлетворения всех частей организации (баланс интересов)

Ученый подчеркивает, что эффективность — это многогранное, многокритериальное и многоаспектное понятие. При этом эффективность рассматривается как *характеристика системы*.

С. Н. Растворцева предлагает свою классификацию видов эффективности [4], в которой использует следующие критерии:

- по иерархии социально-экономических систем;
- по субъекту управления;
- по месту получения эффекта;
- по степени увеличения эффекта;
- по формам эффективности.

С. Н. Растворцева соглашается с тем, что «... эффективность — это системная категория, формирование которой происходит под влиянием множества факторов, а развитие осуществляется во многих направлениях» [4, с. 11]. Однако затем предлагает существенно сузить понятие эффективности и сводит ее к оптимальности по Парето:

• «... эффективность — это не соотношение, а *состояние* социально-экономической системы»;

• «эффективность — это *состояние* экономики, при котором определенное соотношение результатов деятельности и затрат на достижение этих результатов приводит к получению субъектом максимальных результатов с использованием ресурсов определенной стоимости или производству товаров определенной стоимости при наименьших затратах ресурсов. При этом распределение ресурсов таково, что любое их перераспределение не приводит к получению дополнительных выгод».

О. С. Сухарев при исследовании теории эффективности [5] также рассматривает критерии эффективности, связанные с оптимальностью. Интерес в этом исследовании представляют понятие институциональной эффективности и классификация ее видов. Ученый выделяет, в частности, следующие виды институциональной эффективности:

- целевая эффективность (результативность);
- эффективность по сроку окупаемости;
- эффективность по устойчивости к экзогенным влияниям;
- эффективность по устойчивости к внутренним произвольным изменениям системы.

Отметим также монографию Ш. М. Валитова, в которой исследуется эффективность на уровне макроэкономической системы [6]. Ученый систематизирует зарубежные и отечественные подходы к определению эффективности, предлагает собственное определение и классификацию ее видов. В широком смысле эффективность трактуется как степень достижения показателями системы целевого уровня, в узком смысле — как соотношение результатов и затрат [6, с. 28]. При таком подходе происходит сужение категории «эффективность» до оценки только по отношению к целевым показателям нормативной модели.

Приведенные подходы к определению и классификации *понятия эффективность* говорят о *его сложности и многоаспектности*. Большинство из описанных подходов представляются справедливыми и обоснованными, однако они характеризуют только отдельные аспекты эффективности, ориентированы на решение частных задач и не охватывают эту категорию целиком. Отметим противоречия, содержащиеся в рассмотренных классификациях:

- отсутствие или нарушение основания классификации;
- отсутствие полноты классификации по заданному основанию;
- пересечение видов эффективности в пределах одного основания классификации;
- необоснованное расширение категории «эффективность» путем включения в классификацию понятий, которые не входят в эффективность (устойчивость, надежность, качество);

• необоснованное сужение категории «эффективность» путем отождествления ее с оптимальностью по Парето.

Отметим, что авторы всех представленных подходов в качестве одной из существенных характеристик эффективности рассматривают *результат*. Именно соотношение результата с другими показателями позволяет говорить об эффективности. Используя модель системы «белый ящик» с учетом ее взаимодействия с внешней средой [7], получим схему функционирования системы (рис. 1).

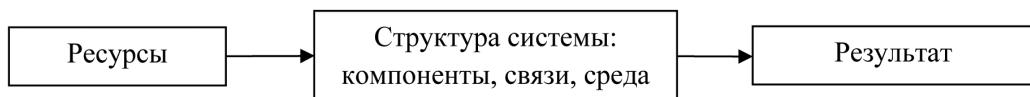


Рис. 1. Модель системы «белый ящик»

Исходя из схемы функционирования модели и того, что результат является ключевой характеристикой эффективности, определим основные (необходимые и достаточные) составляющие комплексной эффективности:

- результативность (оценка результата и его соотношения с целями);
- экономичность (соотношение результата и затрат ресурсов);
- оптимальность (оптимальность структуры системы, позволяющая повышать результативность и экономичность ее функционирования).

Сведем рассмотренные выше классификации в одну, устраняя выявленные выше недостатки отдельных подходов (табл. 4).

Таблица 4

Сводная классификация подходов к определению эффективности

1. По способам оценки эффективности	Абсолютная эффективность — оценка эффективности в пределах одного объекта
	Сравнительная эффективность — сравнение эффективности различных объектов
2. По объекту как системе	Результативность (целевая эффективность) — отношение результата деятельности к целям
	Оптимальность — оптимальное соотношение между компонентами системы, баланс интересов
	Экономичность — отношение результата к затратам
3. По временному периоду	Статическая — оценка текущего состояния объекта, в том числе в сравнении с планом
	Ретроспективная — оценка в сравнении с прошлым периодом
	Перспективная — оценка способности генерировать результаты в будущем
4. По отношению к объекту	Внутренняя — степень удовлетворения внутренних потребностей и достижения внутренних целей
	Внешняя — степень соответствия целям и требованиям внешней среды, положение на рынке
5. По субъектам оценивания	Классификация зависит от конкретного объекта. Исходя из объекта определяется круг заинтересованных субъектов как внутри объекта, так и во внешней среде

6. По объектам оценивания	Классификация зависит от конкретного объекта. Исходя из объекта определяются оцениваемые компоненты, процессы, элементы, связи, институты. Оценивается также эффективность объекта в целом
7. По целям управления	Эффективность текущего функционирования системы
	Эффективность развития системы
8. По сложности оцениваемых объектов	Эффективность отдельных операций или аспектов деятельности (производительность, рентабельность и т. д.)
	Эффективность процессов
	Эффективность институтов
	Эффективность сложных социально-экономических систем
	Эффективность сложных социо-эколого-экономических систем с учетом их взаимодействия с внешней средой

В настоящее время исследователи при оценке эффективности применяют отдельные ее виды или совокупность видов из приведенной классификации. Задача настоящей работы — сформулировать понятие комплексной эффективности, которое можно использовать при оценке сложных социально-экономических объектов.

В авторском подходе к дефиниции комплексной эффективности (рис. 2) принципиальными являются:

- характеристики исследуемого объекта (результативность, экономичность, оптимальность);
- взаимодействие и сравнение его с внешней средой;
- динамика состояния объекта во времени.



Рис. 2. Модель процессов с учетом внешней среды

При этом эффективность мы рассматриваем как *характеристику* (а не состояние) системы. Исходя из такого подхода предлагаем следующее определение эффективности. *Комплексная эффективность* — это динамическая (прошрое, настоящее, будущее) характеристика результативности, оптимальности и экономичности исследуемого объекта или процесса в сравнении:

- с самим собой;
- другими объектами или процессами внешней среды;

• нормативной моделью развития, сформированной исходя из целеполагания, возможностей, ограничений и т. п.

Данное определение комплексной эффективности включает практически все виды эффективности, отраженные в табл. 4.

Получаем следующие принципы (табл. 5) и этапы (рис. 3) формирования оценок комплексной эффективности исследуемых объектов и процессов.

Таблица 5

Принципы оценки эффективности как сравнительной характеристики исследуемого объекта или процесса

Варианты сравнений		Прошрое	Настоящее	Будущее
Исследуемый объект или процесс в настоящем времени	Исследуемый объект или процесс	Р, О, Э*	Р, О, Э	Р, О, Э
	Другой объект или процесс	Р, О, Э	Р, О, Э	Р, О, Э
	Нормативная модель объекта или процесса	Р, О, Э	Р, О, Э	Р, О, Э

*Р, О, Э — результативность, оптимальность и экономичность.



Рис. 3. Этапы формирования оценки комплексной эффективности объекта или процесса

Предложенный подход позволяет:

- рассматривать эффективность как *сравнительную характеристику* системы и использовать широкий перечень вариантов сравнения для оценки эффективности;
- разграничить понятия эффективности, надежности, устойчивости (под эффективностью мы будем понимать прежде всего стремление к *максимизации результатов* системы);
- соотнести понятия эффективность и оптимальность — *оптимальность* структуры системы рассматривается как *частный случай эффективности*⁴;
- учесть при оценке эффективности не только результаты настоящего и прошлого, но и *способность* системы *генерировать результаты в будущем*, а также оценку степени достижения будущих целевых показателей.

⁴ Отметим, что встречается понятие «глобальная оптимальность», которое может включать в себя различные характеристики системы, в том числе и эффективность. Однако в рамках данной работы оно не рассматривается.

Проведенное исследование показало многоаспектность категории эффективности и некорректность ее сведения только к соотношению результатов и затрат или к оптимальности текущего состояния системы. Показано, что при оценке сложных социально-экономических объектов важнейшими сущностными характеристиками эффективности являются результативность, оптимальность и экономичность. Предложено определение комплексной эффективности, позволяющее проводить широкий спектр сравнений и оценок. Сформулированы принципы и этапы оценок эффективности исследуемых объектов и процессов. Представляется целесообразным использование предложенного определения, принципов и этапов в процессе управления развитием сложных социально-экономических явлений.

Список литературы

1. Солодкая, М. С. Надежность, эффективность, качество систем управления / М. С. Солодкая. — URL: <http://quality.eup.ru/MATERIALY10/qsm.htm>
2. Синк, Д. С. Управление производительностью: планирование, измерение и оценка, контроль и повышение / Д. С. Синк; пер. с англ. — М.: Прогресс, 1989. — 528 с.
3. Смирнов, В. В. Исследование проблемы организации теоретической и практической деятельности по повышению эффективности социально-экономического развития региона / В. В. Смирнов // Аудит и финансовый анализ. — 2010. — № 3. — С. 398–409.
4. Социально-экономическая эффективность регионального развития / С. Н. Растворцева [и др.]. — М.: Экон-Информ, 2011. — 131 с. — URL: http://vvfauzer.ru/pub/mon/m_2011_2.pdf
5. Сухарев, О. С. Теория эффективности экономики: системный подход / О. С. Сухарев. — URL: <http://osukharev.com/lectures/124-теория-эффективности-экономики-системный-подход.html>
6. Валитов, Ш. М. Эффективность макроэкономической системы: теория и практика / Ш. М. Валитов. — М.: Экономика, 2011. — 189 с.
7. Бондарев, В. П. Концепции современного естествознания: учеб. пособие для студ. вузов / В. П. Бондарев. — М.: Альфа-М, 2003. — 464 с. — URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Science/bond/index.php
8. Замятина, М. Ф. Теоретико-методологические проблемы управления регионом на принципах эколого-экономической и эколого-социальной сбалансированности / М. Ф. Замятина // Экономика и управление. — 2012. — № 4. — С. 54–59.

В. Е. Чабанов¹

ФИНАНСОВАЯ СИСТЕМА И ОСОБЕННОСТИ ЕЕ ГАРМОНИЗАЦИИ

Деньги — хороший слуга, но плохой хозяин.

Луций Сенека

Деньги представляют собой ключевой элемент всей ныне действующей хозяйственной системы. Именно от них зависит, как работают наука и образование, каково состояние страны и ее инновационный климат. Деньги — самый яркий показатель социального развития общества, наиболее динамичный фактор его эволюции; они постоянно меняются, приспосабливаются к окружающему миру и одновременно сами изменяют этот мир. Тем не менее в настоящее время к ним принято относиться как к некоторой константе, неизменному фактору, который служит эталоном оценки всякого хозяйственного процесса.

Вместе с тем состояние финансов подавляющей части государств мира далеко от идеала. Все они в долгах, за которые вынуждены отдавать немалую часть своего дохода; наиболее животрепещущие проблемы стран недофинансированы; национальные деньги обладают низкой покупательной способностью, в результате собственные товары продаются по ценам ниже их реальной стоимости, а иностранные покупаются по ценам, превышающим стоимость. Инвестиции недостаточны, рационально перерабатывать природные, интеллектуальные, финансовые и трудовые ресурсы они не способны. Инновационные деньги, как правило, направляются туда, где от них выше доход, а не польза: не в отрасли, продукция которых необходима государству, а в добычу сырья, предназначенного для иностранных переработчиков.

С другой стороны, и сами деньги далеки от идеала. Так, недавний кризис потряс весь цивилизованный мир, затронул богатые и бедные страны, отразился на жизненном уровне как обычных граждан, так и миллионеров. В результате сложилась парадоксальная ситуация, когда имеются работоспособные предприятия, потребность в их продукции, сырье, квалифицированная рабочая сила, но все это не работает лишь потому, что у потребителей недостает раскрашенных картинок, называемых деньгами. Причем ни экономическая теория, ни практический опыт не смогли предложить надежные средства борьбы с указанной ситуацией. В этой связи рассмотрим некоторые особенности действующей финансовой системы.

Теории денег многообразны [1–3 и др.], но единого общепризнанного понимания денег как таковых до настоящего времени не существует, поэтому столь многочисленны попытки такую теорию создать [4–6 и др.]. Однако до сих пор проверить правильность указанных теорий практикой не удалось — они нигде не внедрены. И это неслучайно.

Современные деньги имеют три глобальных недостатка, которые не могут быть устранены в рамках существующей экономической организации. Первый недостаток — отсутствие какого-либо *объективного содержания денег*. После отмены золотодевизного стандарта в 1970-х гг. от прежних денег осталась только форма, поэтому, чем ныне являются доллар, фунт стерлингов,

¹ Владимир Емельянович Чабанов, профессор Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, д-р философии и физики Международного института фундаментального образования, действительный член Философско-экономического ученого собрания, д-р техн. наук, e-mail: vtchabanov@mail.ru

иена или рубль, не знает никто. Виртуальными условностями, наделенными беспредельными правами и никакими обязанностями? Их номинал устанавливается спекулятивными торгами, информационным, организационным, а зачастую и военным давлением развитых стран. Это способствует развитию деструктивных факторов, нарушению эквивалентности обмена товарами и непредсказуемости всяких торговых операций.

Другим недостатком нынешних денег является их *постоянное обесценивание*, всеобщая быстро- (или вяло-) текущая инфляция. Это ведет к вымыванию длинных денег, требуемых для финансирования проектов, нужных обществу, но не дающих сиюминутной выгоды; появлению постоянно действующего инфляционного налога, который вынуждены платить все; к непредсказуемости всякой хозяйственной деятельности; невозможности надежно планировать и управлять длительными экономическими процессами. В самом деле, нетрудно представить, как бы работала современная техника, если бы используемые при ее проектировании физические параметры, подобно экономическим измерителям, менялись постоянно и произвольным образом.

И третьим глобальным недостатком денег является их *способность приносить доход, не участвуя в процессе реального производства*: они просто перекадываются из одних карманов в другие. В результате вызванное искусственно создаваемым денежным дефицитом ростовщичество сделалось повсеместным. Это привело к стагнации производства, явилось главным источником эксплуатации, причиной разрушения фундаментальных человеческих ценностей, всех бывших и будущих финансовых кризисов, войн и социальных потрясений. Повторяем, что все указанные качества существующей финансовой системы являются неизбежными. Их можно несколько ослабить или ускорить, но полностью исключить в ее рамках невозможно.

Рассмотрим, как должна измениться нынешняя финансовая система, чтобы *полностью* освободиться от указанных изъянов. Как известно, одним из главных факторов повышения результативности общественного производства является разделение труда. Оно способствует повышению специализации, росту квалификации кадров, обеспечивает наилучшее использование оборудования, технологий и знаний. Однако для его внедрения необходимо организовать эквивалентный обмен продуктами труда всех хозяйственных субъектов. Для этого нужен *посредник*, способный служить эквивалентом при обмене товарами, обладающий всеобщей востребованностью и не меняющийся во времени и пространстве, каковым являются *деньги*. Очевидно, что, если они указанными качествами не обладают, тогда не только затрудняется процесс разделения труда, но и возникают перекосы, чреватые общественными и хозяйственными катаклизмами.

Будем полагать, что экономика призвана служить не отдельным кланам, сословиям, пролетариям или бизнесменам, а всему населению в целом; использоваться в первую очередь для пользы людей, а не для получения ими дохода; для оптимизации расходования человеческого труда, а не денег, что далеко не одно и то же. В таком случае *целью экономики становится производство только предметов потребления, а все другие продукты труда включаются в них как составные части*. В самом деле: «Потребление является единственной целью, единственным смыслом любого производства» (А. Смит) [7]. Отсюда следует, что производительным является лишь труд, который признается общественно необходимым. И тогда общая стоимость товаров, которыми обмениваются товаропроизводители, будет с неизбежностью эквивалентна суммарному труду, производящему их, т. е. «Не на золото и серебро, а только на труд первоначально были приобретены все богатства мира; и стоимость их для тех, кто владеет и кто хочет обменять их на какие-либо новые продукты, в точности равна количеству труда, которое он может купить на них или получить в свое распоряжение» (А. Смит) [7].

Идея привязать всю экономическую деятельность к труду в той или иной форме не нова — как пример смотрите [7,8]. Тем не менее привязать непосредственно указанный постулат к деньгам пока не удалось. Одна из требуемых для этого гипотез предложена автором и обоснована

в монографиях [9–12]. Согласно ей, *за один час среднего в государстве труда создается стоимость, равная, например, одному рублю*. Тогда деньги делаются фиксированной мерой стоимости и одновременно — мерилем труда. Становится явным количество денег, требуемых для полноценного обмена продуктами труда всех хозяйствующих субъектов, чтобы не было в них избытка или дефицита. А значит, средняя цена товаров уже не будет отличаться от их средней стоимости, и все недостатки нынешних денег оказываются невозможными в принципе.

С другой стороны, почему неизбежен денежный дефицит и нужное количество денег не может быть обеспечено в рамках ныне действующей финансовой системы? Ведь на самом деле деньги представляют собой не реально существующие материальные ценности, нефть или зерно, а всего лишь виртуальные условности, которые можно напечатать в любом количестве. Как этих условностей может не хватать и куда они деваются?

Чтобы разобраться в данном феномене, воспользуемся основным соотношением денежного обращения (формулой Фишера), согласно которому $T \cdot C_{cp} = D \cdot V_{cp}$ (T — фигурирующая на рынке товарная масса, C_{cp} — ее средняя цена, D — денежная масса, а V_{cp} — средняя скорость ее оборота — наиболее информативный параметр в данном выражении).

Рассмотрим скорости оборота денег в различных странах мира в 2007 г.: Япония — 0,5; Китай — 0,685; Канада — 0,7; США — 1,27; Индия — 1,47; ЮАР — 1,59; Бразилия — 1,7; Россия — 4,39 [13]. Как видим, чем динамичнее развивается страна, тем медленнее в ней скорость денежного обращения (!) и тем большую денежную массу способна перерабатывать ее экономика без возникновения инфляции. Поэтому ошибочно считать, будто главной причиной инфляции является избыток денег в экономике, а не ее отсталость.

С другой стороны, доход, приносимый деньгами, тем выше, чем быстрее их оборот. Отсюда следует важный и очевидный вывод: *чем скорее оборачиваются деньги* (чем больше их дефицит и значительнее приносимая ими прибыль), *тем хуже работает экономика*. Что здесь является причиной, а что — следствием, не всегда очевидно, но данная закономерность выполняется неукоснительно. Приведем график динамики средней скорости денежного оборота (рис. 1) в современной России. (Здесь и далее использовалась информация из сборников Росстата, в том числе [14–17].)

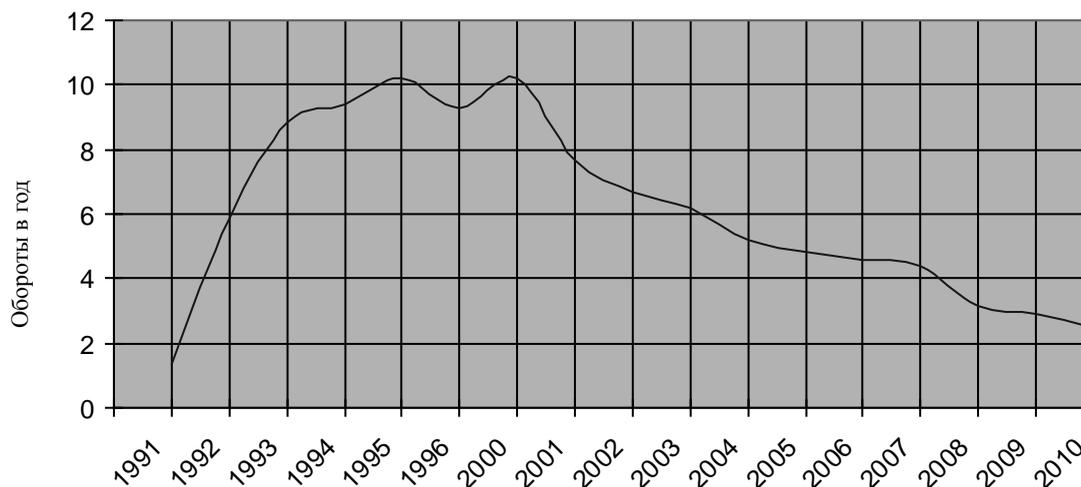


Рис. 1. Скорости денежного оборота по годам

Из графика следует, что в самые лихие годы, когда инфляция и правовой беспредел буквально уничтожали все реальное в стране, оборот денег в ней был самым высоким, а их доходность — максимальной. Но по мере восстановления хоть какого-то порядка данная скорость стала убывать.

Чтобы разобраться, как это проявляется на практике, выделим четыре сектора экономики с заведомо разными скоростями денежного оборота (рис. 2). (Стрелками на рисунке обозначены финансовые потоки, перемещающиеся между указанными секторами и внутри них.)

1. *Торговля, услуги, финансы, посредничество, криминал.* Данный сектор распределяет поступающую на рынок товарную массу и обеспечивает прохождение основных денежных потоков. В нем фигурируют теневая и виртуальная экономика, обращаются спекулятивные, криминальные деньги, отмываются незаконные доходы. Немалая часть указанных функций не связана напрямую с исполнением общественно полезных обязанностей, не требует больших затрат времени и труда, поэтому здесь товарно-денежные потоки самые быстрые и приносят наибольший доход. В связи с этим указанный сектор в значительной степени влияет на среднюю скорость денежного оборота в стране.

2. *Реальное производство,* в котором скорость оборота денег лимитируется продолжительностью производственного цикла. Например, если корабль строится в течение двух лет, таковой же является длительность оборота вкладываемых в него средств. Если урожай снимается раз в год, быстрее в сельском хозяйстве деньги оборачиваться не могут. Отсюда следует, что скорость оборота денег в данном секторе не может быть высокой в принципе. Причем, чем сложнее продукция, тем длительнее срок ее изготовления и меньше скорость оборота задействованных для ее изготовления денег.

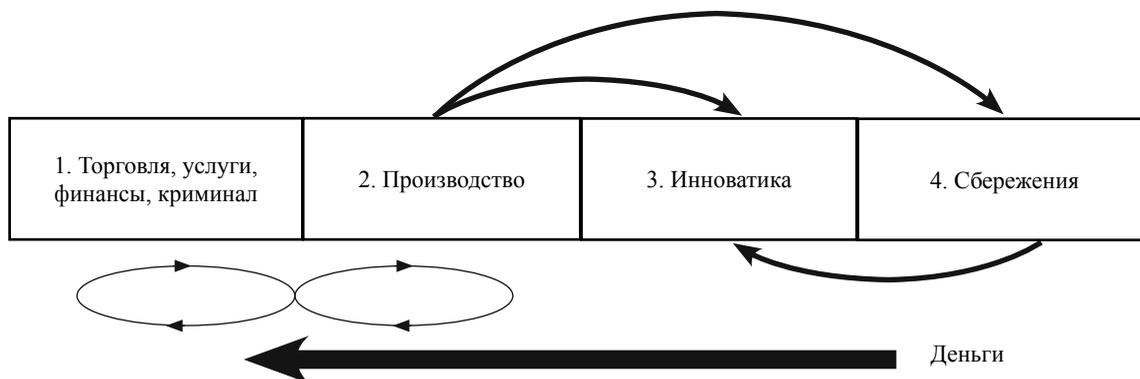


Рис. 2. Денежные потоки, перемещаемые в современной экономике

В развитых экономиках в большей степени реализуются общественное разделение и кооперация труда, а значит, сложнее их организация, медленнее перемещаются денежные потоки. Значительные ресурсы и время тратятся на разработку новых технологий и оборудования, на глубокую переработку сырья и выпуск товаров с высокой добавленной стоимостью. А в неразвитых странах упор делается на товары с низкой добавленной стоимостью, на добычу и экспорт слабообработанного сырья, на кустарное производство и низкий уровень кооперации. Поэтому скорость оборота и доходность денег в них выше.

3. *Инновационный сектор* осуществляет свой вклад в экономику в виде научных достижений, знаний, обученных кадров, передовых технологий, дорог, защитных сооружений, природоохранных мероприятий и пр. Он отвечает за демографию, здоровье нации, физическое, нравственное, интеллектуальное и духовное воспитание молодого поколения, за всех прожи-

вающих в стране людей. Именно данный сектор призван предоставлять производству все нужное для его продуктивной работы. Здесь производственный цикл весьма длителен, и скорость оборота финансов в нем не может быть высокой. Чем выше удельный вес данного сектора, тем медленнее оборачиваются в стране деньги.

4. *Сектор накопления.* В нем концентрируются амортизационные и инвестиционные ресурсы предприятий, денежные сбережения населения, их пенсионные средства, хранятся деньги страхователей. Данный сектор благодаря медленности в нем денег служит естественным резервуаром для финансирования длительных инновационных проектов, денежного обеспечения коммерчески невыгодных, но нужных стране работ. Однако в современной экономике он стал всего лишь дешевым источником денег для коммерческих проектов.

В этой связи деньги, отпущенные в свободное плавание, с неизбежностью устремляются туда, где их оборачиваемость, а значит, и доходность, выше: в финансовые учреждения, торговлю, посредничество, криминал. А производственный и инновационный сектора остаются без обслуживающих их денег. Попытки обеспечить их средствами путем вбрасывания дополнительных денег оказываются нерезультативными, поскольку они попадают все в тот же первый сектор, где денег уже достаточно. Это приводит к инфляции. А все другие сектора экономики остаются без необходимых им денег.

Для примера рассмотрим коэффициент обеспеченности предприятий России собственными оборотными активами [18–19]:

Годы	1994	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
Оборотные активы, %	14,2	-17	-11,9	-7,4	-7	-6,6	-8,2	-10,6	-12,5	-13,3	-10,5

Как видим, подавляющее большинство современных российских предприятий (за исключением занимающихся добычей полезных ископаемых, обслуживанием зарубежных товаропроизводителей, производством и распределением электроэнергии, нефти, газа и воды) не просто не имеют требуемых для полноценной работы оборотных средств — они все в долгах. Это объясняется прежде всего тем, что многие новые собственники приватизировали предприятия не для работы на них, а для собственного обогащения, используя наиболее ликвидные активы организаций не для производства, а в своих личных целях. В этих условиях предприятия вынуждены пользоваться дорогими кредитами, денежными суррогатами, взаиморасчетами и неплатежами, что в значительной мере снижает их конкурентоспособность.

Таким образом, ситуация уже вышла из-под контроля отдельных предприятий и для ее разрешения требуется целевое государственное вмешательство. Но таковое даже не просматривается. А как полноценно могут работать производственные предприятия, не имея оборотных средств, насколько используются их конкурентные возможности?

Отсюда следует, что одна из главных целей административного управления — *такая организация экономики, при которой она сможет безинфляционно потреблять наибольшее количество денег.* Данная проблема актуальна не только для России, но и для всех других стран мира. Очевидно, что кардинально изменить ситуацию ни административными, ни рыночными мерами невозможно.

Практика советской финансовой системы показала: если производственный и потребительский рынки обслуживаются разными деньгами, тогда основные неприятности современного денежного обращения исчезают. Очевидно, что *использование во всех секторах экономики одних и тех же денег непродуктивно в условиях как административной, так и рыночной экономики.* При этом жесткая привязка безналичных денег к труду в социалистической экономике (фиксирование штатных расписаний предприятий и фондов заработной платы) связывала их с производственным циклом; придавала им смысл, вес, устойчивость; лишала присущей

современным деньгам безответственности. Деньги служили обществу, и проблем с ними было значительно меньше. Деньги были национальными и не зависели ни от международной конъюнктуры, агрессивной экспансии мирового капитала, ни от катаклизмов.

Можно спорить о преимуществах и недостатках различных экономических систем, однако представляется очевидным, что советская денежная система была более прогрессивной, чем нынешняя капиталистическая. Она работала с надежностью качелей: никакой задержки или массового воровства, нецелевого расходования денег не существовало. Инфляция практически отсутствовала. Денежного дефицита не было вовсе, денег хватало на самые смелые проекты. Однако, внедрив в процессе реформ более архаичную денежную систему, мы эти преимущества утратили.

Рассмотрим возможность применения данного опыта в современных рыночных реалиях. Для этого перейдем к другому масштабу оценки и обратим внимание на функции денег. Оказывается, вся деятельность людей подчинена двум гигантским циклам, в одном из которых деньги *зарабатываются*, а в другом — *расходуются*. В первом потребительские товары создаются, а во втором — потребляются. Поэтому имеет смысл использовать два вида денег: одни предназначены для обслуживания только производственного рынка, а другие — только для рынка потребительского. То есть все производственные расходы (оплата труда работающих на производстве и в сфере распределения, в искусстве, транспортные, энергетические, складские, научно-исследовательские, конструкторские, банковские, рекламные, охранные и др.) оплачиваются *производственными деньгами*, а *потребительский денежный контур* обеспечивает расходование денег, получаемых работающими во всех указанных структурах. И эти круги денежного обращения разграничены. Ключевой проблемой становится организация взаимодействия денежных потоков, так как без их увязки, без взаимной естественной трансформации одного вида денег в другой образуемая финансовая система нормально работать не сможет.

Обратим внимание еще на один важный аспект. В нормально скоординированной экономике (т. е. с учетом сальдо внешней торговли) суммы, которые выплачивает потребительский сектор производственному равны общей стоимости предметов потребления, передаваемых производственным сектором потребительскому. Иначе говоря, производитель товаров в государстве выручает ровно столько денег, за сколько их приобретает покупатель, — иного и быть не может. Поэтому *массы денег, обслуживающих потребительский и производственный обороты в рыночной экономике, с учетом скоростей их оборота в указанных секторах одинаковы!* Тогда суммарная стоимость товаров, фигурирующих на производственном и потребительском рынках, оказывается *равной реально создаваемому национальному доходу*. Более того, при наличии жесткой привязки номинала денег к труду данный доход становится фиксированным показателем деятельности страны, зависящим только от величины ее трудовых ресурсов. И возникающий таким образом инвариант открывает множество возможностей для надежного планирования и регулирования всей хозяйственной жизни страны.

Это позволяет организовать саморегулируемое функционирование обоих рынков денежного обращения, естественное преобразование одних видов денег в другие в рыночных условиях. При этом часть безналичных денег возвращается в производственный круг обращения, а часть обменивается в банке на наличные (рис. 3).

Аналогичным образом на потребительском рынке часть наличных денег тратится на приобретение продукции у предприятий, изготавливающих товары народного потребления, а остальные возвращаются на свой же рынок. Таким образом обеспечивается эквивалентный перевод денег из одной формы в другую и сохраняются разные скорости их оборота. Это делает оба вида денег равнозначными, спрос на них и предложение будут взаимно увязаны, а взаимный рыночный обмен будет осуществляться автоматически, без прямого административного вмешательства и какого-либо дисконта. Связующим звеном финансовых рынков служит банк, который стано-

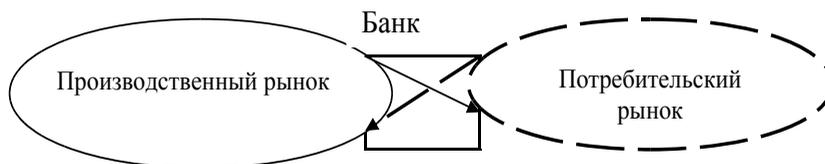


Рис. 3. Кругооборот денег в производственном и потребительском кругах обращения

вится одним из важнейших инструментов общественного регулирования предприятий любой формы собственности в рыночных условиях.

Указанная схема денежного обращения аналогична кровеносной системе, в которой роль малого круга кровообращения соответствует производственному рынку. Как кровь обогащается кислородом, точно так же по мере прохождения производственного круга безналичные деньги замещаются изготавливаемыми с их помощью товарами. А роль большого круга кровообращения исполняет потребительский рынок (как кровь отдает кислород организму, так товары передают населению свои потребительские качества и преобразуются в наличные деньги). Данная схема финансового обращения соответствует высоко развитому производству, как кровеносная система человека — самому совершенному природному организму. Следовательно, она является естественной, эффективной и предельно надежной.

Пользуясь указанными выводами, свяжем среднюю скорость денежного оборота в стране V_{cp} с массами денег $D_{1,2}$ и скоростями их оборота $V_{1,2}$ в производственном (1) и потребительском (2) кругах рыночного обращения. Тогда во всех структурах экономики будет соблюдаться условие $D_1 V_1 = D_2 V_2$, и получаются следующие соотношения:

$$V_{cp} = \frac{D_1 V_1 + D_2 V_2}{D_1 + D_2} = \frac{2D_1 V_1}{D_1 + D_2} = \frac{2D_2 V_2}{D_1 + D_2} = \frac{2V_1 V_2}{V_1 + V_2}, \quad \frac{D_1}{D_2} = \frac{V_2}{V_1} = \frac{V_2 - V_{cp}}{V_{cp} - V_1}.$$

Складывается впечатление, что все изложенное работает и в нынешней экономике независимо от того, известно оно или нет, сознательно им пользуются либо оно скрывается под маской корыстных или искренних заблуждений. Это вполне логично, поскольку рассмотренные закономерности вытекают из природы реальной экономики, а не являются плодом измышлений. Используемые подходы могут быть применены для анализа нынешнего состояния экономики не только России, но и всех других стран.

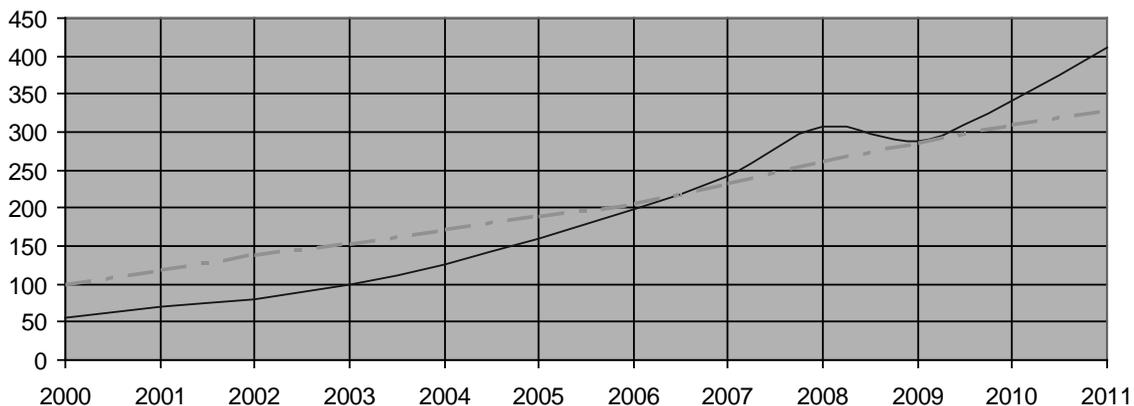


Рис. 4. Величина стоимости, производимой в России за 1 час рабочего времени $C_{тр}$ (—), p , и динамика инфляции (— · —), % к 2000 г.

В этой связи, пользуясь статистическими данными [14–17], попытаемся установить величину денежного эквивалента труда $C_{тр}$ в современной России (рис. 4). Будем полагать, что продуктивность труда оценивается величиной ВВП страны в текущих ценах. Несмотря на то что данный критерий не является корректным, более точного измерителя результативности общественного труда не существует. Численность рабочей силы страны определялась соответствующими статистическими данными, среднее количество рабочих часов одного работающего считалось равным 2000 ч/год. Оказалось, что с 2000 по 2011 г. трудовой эквивалент рубля увеличился в 7,5 раз, а его обесценивание за счет инфляции составило 3,3 раза. За то же время (до 2010 г.) импорт в Россию увеличился в 5,54 раза, а положительное сальдо внешней торговли выросло до 151,7 млрд долларов в год, т. е. в 2,52 раза. Реальное производство (с 2005 по 2010 г.) уменьшилось в 0,964 раза при одновременном увеличении выпуска сельскохозяйственной продукции в 1,842 раза. Здесь есть над чем задуматься: непонятно, что выиграла страна от нестабильности денежного эквивалента труда и нужна ли такая неопределенность вообще.

Значения показателя $C_{тр}$ можно применять для анализа не только состояния экономики страны, но и работы различных ее отраслей. Они могут быть использованы для объективной оценки существующих цен (особенно естественных монополий), для контроля зарплат, всевозможных выплат и др., которые в настоящее время устанавливаются путем субъективного сопоставления спроса и предложения, экономической и инновационной политики, что не всегда отражает их реальное состояние.

В формулах (1) отсутствует условие обязательного применения двух форм денег, значит, ими можно пользоваться и для оценки нынешнего финансового рынка. И это вполне закономерно, поскольку принципиальной разницы между наличными и безналичными деньгами нет. Просто одни из них целевым образом используются в производстве, а другие — при потреблении. Соответствующие расчеты представлены на рис. 5. Здесь в качестве наличных денег использован денежный агрегат $M2$ [14–17]. Такое применение статистических данных, разумеется, не является строгим, однако более корректных показателей нет. Кроме того, все используемые величины рассчитывались по одним и тем же методикам, поэтому их динамика неплохо отображает сравнительное состояние исследуемых закономерностей.

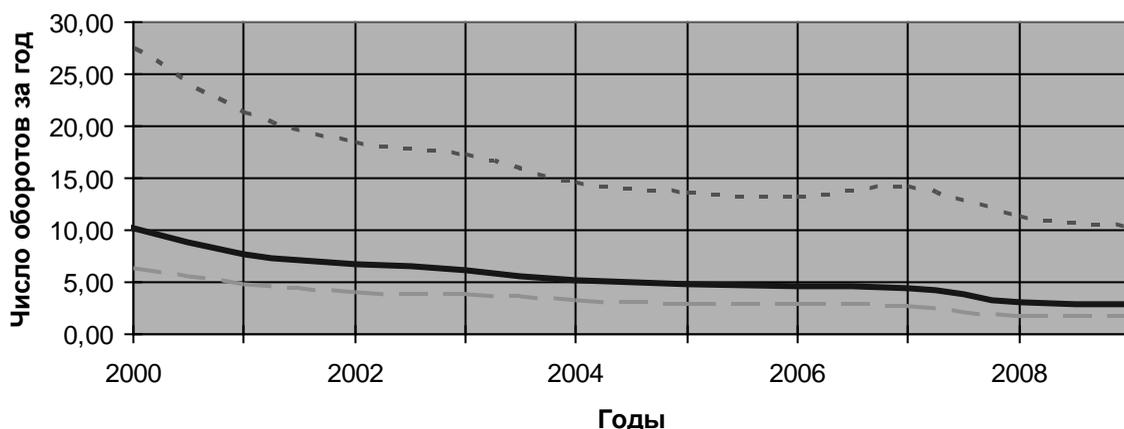


Рис. 5. Скорости оборота денег в производстве и на потребительском рынке России: — средняя; — — производство; - - - потребление

Из анализа полученных кривых (см. рис. 5) следует, что с годами соотношение между деньгами в производстве и потреблении все больше приближалось к таковому в развитых стра-

нах. Так, если в 2000 г. в производстве совершалось 6,28 об./год, то к 2009 г. — 1,68 об./год, т. е. число оборотов уменьшилось в 3,74 раза. А в потребительском круге оно с 27,5 об./год снизилось до 10,3 об./год (в 2,69 раза). В то же время, если в 2000 г. в производстве было задействовано в 4,38 раз больше денег, чем в потреблении, то к 2009 г. — уже в 6,13 раза. Это можно объяснить тем, что в указанные годы доходность денег в различных секторах экономики сближалась.

Поскольку здесь нет ограничений на масштаб системы, указанная структура денежного обращения способна работать в любой достаточно крупной пространственной или производственной кооперации. Она может применяться как в государстве в целом, так и в крупных городах, регионах, внутри достаточно больших предприятий и объединений. Более того, именно так ее и следует внедрять.

Использование безналичных денег для обслуживания реальной экономики имеет множество преимуществ, позволяет разрешить громадное число проблем. В частности, отсутствие оборотных средств уже перестанет служить причиной остановки производственных предприятий. Они смогут своевременно и в полной мере расплачиваться безналичными деньгами за поставляемые им комплектующие и электроэнергию, тепло и полуфабрикаты, платить налоги, обменивать безналичные на наличные деньги для выплаты зарплат и т. д. В результате полномасштабный товарно-рыночный оборот будет надежно работать в сфере распределения и производства. Безналичные деньги будут невозможно оторвать от трудовых ресурсов, украсть, продавать за наличные без производственной необходимости, обменивать на валюту, укрывать от налогообложения. Такие деньги станут мощным фактором оздоровления экономики и всего делового климата, будут способствовать выводу предприятий из теневого бизнеса. Все это увеличит налогооблагаемую базу, повысит эффективность деятельности налоговых служб и упростит работу налоговой полиции. Зарубежные инвестиции потребуются только в виде оборудования, технологий и комплектующих, а использовать их можно будет с помощью собственных денег. Такие платежные средства могут иметь электронную форму и предоставляться в любом виде, не запрещенном законодательством. Фискальное значение вводимых таким образом денег не является целью проекта. Выгода государства или иной организационной структуры от их внедрения связана в первую очередь с повышением эффективности работы всех хозяйственных звеньев.

Такие деньги могут передаваться предприятиям в качестве беспроцентных, а в некоторых случаях — и безвозвратных кредитов. Это позволит сформировать полноценные рыночные отношения в производственном круге обращения, наладить работу предприятий в соответствии с их конкурентными возможностями, дать всем людям возможность работать и достойно жить, получать высокие доходы, за счет чего сократить налоговые нагрузки, увеличить бюджетные поступления как страны в целом, так и всех ее регионов. При таком подходе существенно возрастает роль и меняются функции банков. В самом деле, противоестественно, когда главной целью банков — сердца финансовой системы — становится собственное благополучие, а не обслуживание государственного организма, для которого они предназначены и соками которого питаются. При реализации изложенного благодеяние банков уже будет невозможным, если оно достигается за счет государства или всего населения.

Оценки показывают, что только за счет внедрения указанных денег и лучшей работы экономики *бюджет страны за несколько лет по крайней мере удвоится*. А единственное, чем «заплатит» за это государство, будет обеспеченность его предприятий оборотными средствами, возрождение национальной экономики, ликвидация безработицы и повышение жизненного уровня всех людей, проживающих на его территории, путем повышения общественной производительности труда. Для этого необходимо всего лишь изменить правила функционирования финансовой системы, приняв соответствующие законодательные акты.

Список литературы

1. Мюррей, Н. Ротбард. Человек, экономика и государство / Н. Ротбард Мюррей. — Лос-Анджелес: Nash, 1970. — 941 с.
2. Мизес, Л. фон. Теории денег и кредита / Л. фон Мизес. — Irvington-on-Hudson, New York, Foundation Economic Education, 1971.
3. Экономическая теория на пороге XXI века. Финансовая экономика / под ред. Ю. М. Осипова, В. Г. Белолипецкого, Е. С. Зотовой. — М.: Юристъ, 2001.
4. Кеннеди, М. Деньги без процентов и инфляции. Как создать средство обмена, служащее каждому / М. Кеннеди. — М.: Самотека, Осознание, 2011.
5. Невидимов, Д. Религия денег или лекарство от рыночной экономики / Д. Невидимов. — iwolga.narod.ru, 2003. — 735 с.
6. Бессонова, О. Э. Институты раздаточной экономики России: ретроспективный анализ / О. Э. Бессонова. — М.: Изд-во ИЭ и ОПП СО РАН, 1997. — 76 с.
7. Антология экономической классики / В. Петти, А. Смит, Д. Рикардо. — М., 1993. — 103 с.
8. Маркс, К., Соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс. — 2-е изд. — Т. 23.
9. Чабанов, В. Е. Проблемы и пути реорганизации экономики России / В. Е. Чабанов. — Л.: Олбис, 1997. — 242 с.
10. Чабанов, В. Е. Экономика XXI века, или Третий путь развития / В. Е. Чабанов. — СПб.: БХВ-Петербург, 2007. — 735 с.
11. Чабанов, В. Е. Введение в фундаментальную экономику / В. Е. Чабанов. — СПб.: Изд-во Политехнического университета, 2011. — 298 с.
12. Чабанов, В. Е. Начала фундаментальной экономики / В. Е. Чабанов. — М.: Экономика, 2011. — 182 с.
13. Statistical yearbook: Статистические ежегодники ООН. — Женева.
14. Годовые данные в текущих ценах (1995–2010). — М.: Росстат, 2010.
15. Россия 2012: стат. справочник. — М., 2012.
16. Россия 2014: стат. справочник. — М., 2014.
17. Федеральная служба государственной статистики. — <http://www.gks.ru>;
18. Миннибаева, К. А. Обеспеченность предприятия собственными оборотными средствами / К. А. Миннибаева, В. В. Остапенко // Финансовый менеджмент. — 2005. — № 4.
19. Уровень износа основных фондов, в том числе обрабатывающих производств // Эксперт РА. — 2007.

*Е. В. Уфимцева*¹

ИССЛЕДОВАНИЕ ИНФРАСТРУКТУРЫ ГОРОДСКОГО ХОЗЯЙСТВА В АСПЕКТЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

В условиях развития рыночной экономики существенно меняется городская инфраструктура, при этом актуальной становится проблема управления и оценки ее эффективности. Инфраструктура обеспечивает потребности населения, формирует облик города и его имидж в системе городских поселений [1]. Подчеркнем, что городская инфраструктура должна постоянно развиваться, в противном случае наступит момент, когда город будет не в состоянии выполнять свои функции.

Изучению проблем формирования, функционирования и развития инфраструктуры вообще и города в частности посвящены труды многих отечественных и зарубежных ученых-экономистов [2]. Среди них можно выделить работы П. Розенштейн-Родан «Проблемы индустриализации Восточной и Юго-Восточной Европы», В. В. Котлико «Транспортная система России и стран СНГ», В. П. Фелько «Инфраструктура муниципальных образований», В. П. Краковского, Я. Т. Бронштейн «Инфраструктура и интенсификация экономики», Е. Е. Савченко «Новый принцип классификации инфраструктуры», Е. Б. Муханова «Теоретические основы и пути формирования рыночной инфраструктуры» и др.

Однако многие вопросы управления развитием инфраструктуры города изучены недостаточно, что негативно отражается на практическом решении данной проблемы. Сравнительно слабо отражены аспекты сбалансированного развития инфраструктурной системы городского хозяйства, отсутствуют четкие методические рекомендации по его оценке. Обращаясь к проблемам муниципальной инфраструктуры, исследователи сосредотачиваются на изучении отдельных отраслей инфраструктурного комплекса муниципальной власти. В то же время отсутствуют:

- описание различных инфраструктур города и увязка их деятельности как элементов социально-экономической подсистемы.

- методическая база комплексной оценки сбалансированного развития тесно взаимосвязанных городских инфраструктур.

Неработанность озвученных позиций отрицательно влияет на темпы развития городских инфраструктур и не позволяет оптимизировать их деятельность.

Понятие «городское хозяйство» сформировалось несколько десятилетий назад. Глобализация экономики обусловила появление новых закономерностей и тенденций в развитии системы управления городской инфраструктурой. В связи с этим возникает необходимость актуализации экономической природы данного понятия. Существуют различные взгляды на экономическое содержание представлений о городской инфраструктуре в различных отраслевых контекстах:

- во-первых, под ней понимается система обслуживания, основная задача которой заключается в обеспечении работ производств и предоставлении различных услуг населению (Р. М. Нуреев, П. Г. Еремшин);

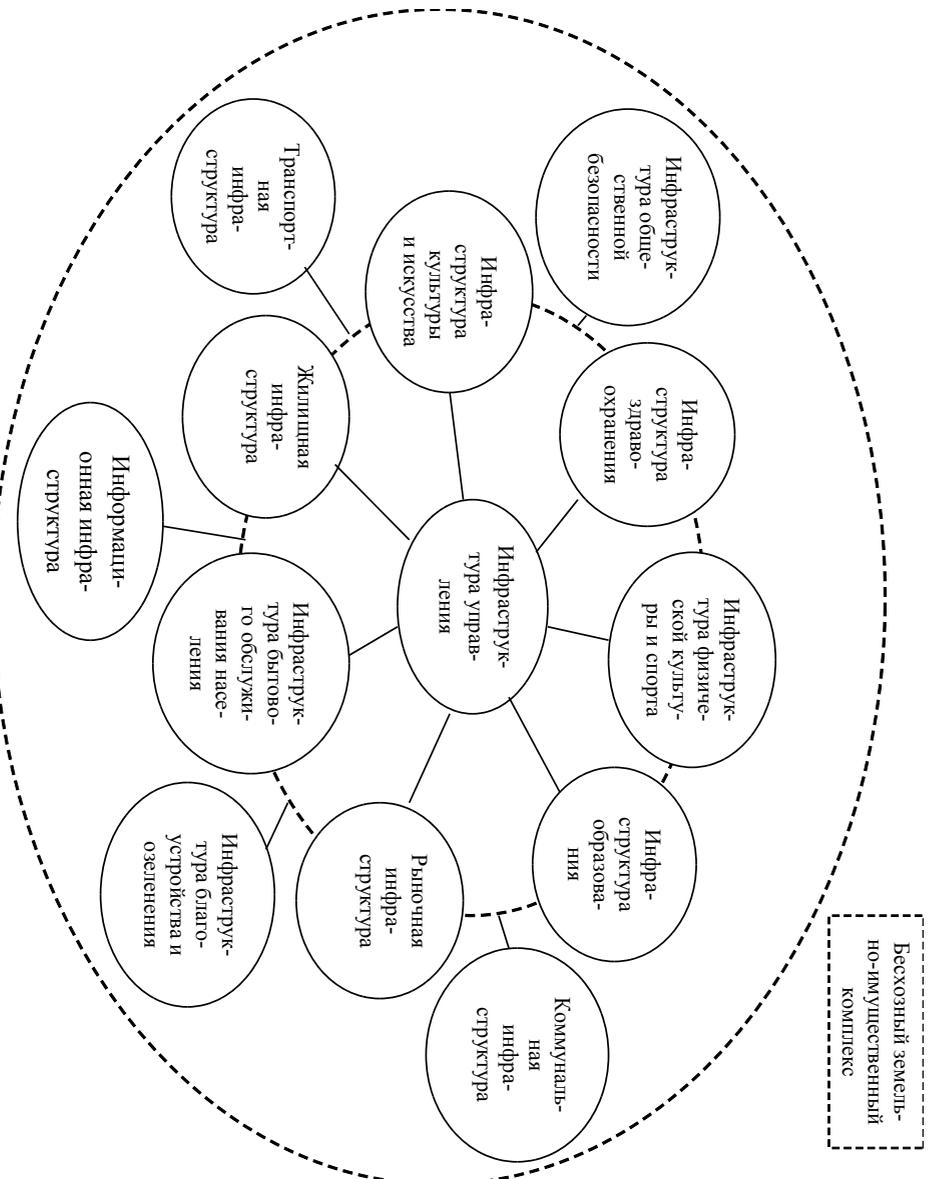
¹ *Евгения Васильевна Уфимцева*, доцент кафедры экономики и управления городским хозяйством Томского государственного архитектурно-строительного университета, канд. экон. наук, e-mail: Ufimseva80@mail.ru

• во-вторых, городская инфраструктура трактуется как совокупность единиц, деятельность которых направлена на обеспечение нормального функционирования муниципальной экономики (Е. Ф. Борисов):

• в-третьих, инфраструктура рассматривается как накопленное материальное богатство, совокупность объектов и сооружений, «... обеспечивающих необходимые материально-технические условия для успешного функционирования предприятий промышленности, как часть национального богатства, которая ... призвана обеспечить ... беспрепятственное поле деятельности» (С. А. Баргнев).

При этом отрасли городского хозяйства, несмотря на существенные различия, имеют общую задачу — удовлетворять потребности населения города, на территории которого они расположены [3].

Представим графически инфраструктуру городского хозяйства как элементы целостной социально-экономической подсистемы (см. рисунок). Далее выделим субъект и объект управления каждой инфраструктурой городского хозяйства, показав взаимосвязи между ними (табл. 1).



Взаимосвязи между инфраструктурами городского хозяйства

Субъект и объект управления инфраструктур городского хозяйства и их взаимосвязи

Субъект управления	Объект управления	Связи между инфраструктурами
<i>Инфраструктура образования</i>		
Организации, осуществляющие воспитание и обучение в интересах человека, общества, государства в соответствии с установленным государством образовательным уровнем, а также учреждения, осуществляющие сущностно-мотивированное образование, позволяющее сформировать устойчивую потребность в понимании и творчестве, максимально реализовать себя, самоопределиваться профессионально и лично	Совокупность зданий, следующей направленности: дошкольные учреждения; техникумы, училища, колледжи; вузы; образовательные учреждения для детей, нуждающихся в психолого-педагогической помощи; учреждения, оказывающие услуги по дополнительному образованию для детей, а также послевузовскому профессиональному образованию	Организации образования работают совместно с организациями здравоохранения, физической культуры и спорта, культуры и искусства, а также СМИ. На объекты управления инфраструктуры образования прямо влияют такие инфраструктуры, как транспортная, коммунальная, информационная, благоустройства и озеленения территорий, общественной безопасности
<i>Инфраструктура здравоохранения</i>		
Государственные и коммерческие медицинские учреждения	Совокупность зданий лечебного профиля по следующим направлениям: городские больницы; детские поликлиники; родильные дома; санитарно-курортные учреждения; заведения переливания крови, скорой и экстренной помощи; лечебно-диагностические центры, специализированные больничные учреждения (кардиологические, инфекционные и др.); амбулаторно-поликлинические учреждения (стоматология, травмпункт) и др.	Организации здравоохранения работают совместно с организациями образования, физической культуры и спорта, культуры и искусства, а также СМИ. На объекты управления инфраструктуры образования прямо влияют такие инфраструктуры, как транспортная, коммунальная, информационная, благоустройства и озеленения территорий, общественной безопасности
<i>Коммунальная инфраструктура</i>		
Организации, оказывающие коммунальные услуги населению и хозяйствующим субъектам	Организации, оказывающие коммунальные услуги населению и хозяйствующим субъектам	С организациями, оказывающими коммунальные услуги, косвенно взаимодействуют все субъекты управления инфраструктур городского хозяйства
<i>Инфраструктура культуры и искусства</i>		
Организации, удовлетворяющие культурно-досуговые запросы общества	Объекты недвижимого имущества, используемые субъектами культурной деятельности для осуществления своей деятельности: объекты библиотечного обслуживания; культурно-досуговые учреждения (музеи, театры, кинотеатры, выставки, концерты, цирки и др.)	Организации культуры и искусства работают совместно с организациями образования, здравоохранения, физической культуры и спорта, а также СМИ. На объекты управления инфраструктуры образования прямо влияют транспортная, коммунальная, информационная, инфраструктуры благоустройства и озеленения территорий, общественной безопасности

Субъект управления	Объект управления	Связи между инфраструктурами
<i>Рыночная инфраструктура</i>		
Товарные биржи, предприятия оптовой и розничной торговли, ярмарки, аукционы, фирмы-посредники, рынки	Объекты недвижимого имущества, используемые субъектами для осуществления рыночной деятельности	С организациями рыночной инфраструктуры косвенно взаимодействуют все субъекты управления инфраструктур городского хозяйства. На объекты управления рыночной инфраструктуры прямо влияют транспортная, коммунальная, информационная инфраструктуры, благоустройства и озеленения территорий, жилищная, общественной безопасности
<i>Инфраструктура бытового обслуживания населения</i>		
Организации, оказывающие ремонтные услуги, услуги по изготовлению вещей и объектов по индивидуальным заказам, а также другие услуги, связанные с удовлетворением личностных потребностей человека	Комплексы зданий и сооружений, предназначенных для ремонта и технического обслуживания бытовой радиоэлектронной аппаратуры, бытовых машин и бытовых приборов; ремонта и изготовления металлоизделий; ремонта и пошива швейных и трикотажных изделий; проката, фотоуслуг, парикмахерских и косметических; услуг химчисток, бань, прачечных, ломбардов, автосервисов, АЗС и пр.	С организациями инфраструктуры бытового обслуживания населения косвенно взаимодействуют все субъекты управления инфраструктур городского хозяйства. На объекты управления рыночной инфраструктуры прямо влияют транспортная, коммунальная, информационная, а также инфраструктуры благоустройства и озеленения территорий, жилищная, общественной безопасности
<i>Инфраструктура общественной безопасности</i>		
Учреждения, формирующие систему общей безопасности территории по направлениям: общественный порядок на территории, безопасность дорожного движения, пожарная, санитарно-эпидемиологическая, первичная медицинская, экологическая, при ЧС и гражданская оборона	Объекты недвижимого имущества, используемые субъектами системы общественной безопасности для осуществления своей деятельности	С организациями инфраструктуры общественной безопасности взаимодействуют все субъекты инфраструктур городского хозяйства. На объекты инфраструктуры общей безопасности влияют инфраструктуры транспортная, коммунальная, информационная, благоустройства и озеленения территорий

Субъект управления	Объект управления	Связи между инфраструктурами
<i>Жилищная инфраструктура</i>		
Владельцы жилья — собственники (потребители); строительные организации, обеспечивающие строительный процесс; управляющие компании, обеспечивающие управление и обслуживание жилых зданий	Социальное (государственное) и коммерческое (частное) жилье — комплекс зданий и сооружений социально-бытового назначения (совокупность жилых помещений, пригодных для постоянного проживания, расположенных в жилых или иных строениях, а также помещений, которые в зависимости от формы собственности, характера использования, других факторов подчиняются особому правовому режиму и удовлетворяют потребности граждан в жилье постоянно или временно, т. е. жилищный фонд) [4]	С субъектами жилищной инфраструктуры косвенно взаимодействуют все субъекты управления инфраструктур городского хозяйства в целях строительства и (или) предоставления жилья своим сотрудникам, например в сфере образования, прежде всего студентам, молодым ученым и т. п. На объекты жилищной инфраструктуры прямо влияют такие инфраструктуры, как транспортная, коммунальная, информационная, благоустройства и озеленения территорий, рыночная, общественной безопасности, бытового обслуживания населения
<i>Транспортная инфраструктура</i>		
Юридические и физические лица, являющиеся собственниками объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств или использующие их на ином законном основании	Железнодорожные, трамвайные пути, внутренние водные пути, контактные линии, автомобильные дороги, тоннели, эстакады, мосты, железнодорожные и автобусные станции, железнодорожные, автобусные, морские и речные вокзалы, метрополитены, морские торговые, рыбные, специализированные и речные порты, портовые средства, гидротехнические сооружения, аэродромы, аэропорты, объекты систем связи, навигации и управления движением транспортных средств, а также иные здания, сооружения, устройства и оборудование [5], обеспечивающие функционирование транспортного комплекса	С субъектами транспортной инфраструктуры косвенно взаимодействуют все субъекты управления инфраструктур городского хозяйства. На объекты управления прямо влияют такие инфраструктуры, как коммунальная, жилищная, информационная, благоустройства и озеленения территорий, общественной безопасности
<i>Информационная инфраструктура</i>		
Организации и центры, обеспечивающие функционирование и развитие информационного пространства города и средств информационного взаимодействия	Банки данных и знаний, системы связи, аппаратно-программные средства и технологии обеспечения сбора, хранения, обработки и передачи информации	С организациями информационной инфраструктуры косвенно взаимодействуют все субъекты управления инфраструктур городского хозяйства. На объекты управления прямо влияет инфраструктура общественной безопасности

Субъект управления	Объект управления	Связи между инфраструктурами
<i>Инфраструктура благоустройства и озеленения территорий</i>		
Юридические и физические лица, участвующие в формировании и поддержании объектов благоустройства (в том числе санитарного содержания и озеленения): граждане; органы самоорганизации населения; организации, осуществляющие благоустройство территории жилой и общественной застройки с учетом требований использования этой территории в соответствии с утвержденной градостроительной документацией, региональными и местными правилами застройки, а также установленными госстандартами, нормами и правилами, которые предусматривают весь комплекс работ, влияющих на художественную выразительность, не ограничивающих и не препятствующих уборке территорий современными механизированными способами	Улично-дорожная сеть в пределах красных линий ограничения застройки, включающая проезжую часть автодорог и элементы их благоустройства, площади, автодорожные мосты, тротуары, подземные и надземные пешеходные переходы, дорожки, стоянки, объекты уличного освещения, озеленения, памятники монументального искусства, газоны, клумбы, парки, скверы, бульвары, лесопарки, фонтаны, скамейки, набережные, плотины, дождевую канализацию, дренажную сеть, коллекторы рек, объекты санитарной уборки, общественные туалеты, имеющие вход с улицы, турникеты, заборы, ограждения и т. д.; объекты в сфере жилищно-коммунального, лесного и автодорожного хозяйства, относящиеся к внешнему благоустройству, озеленению городов и иных населенных пунктов, имеющие социально значимый характер [6]	С организациями инфраструктуры благоустройства и озеленения территорий косвенно взаимодействуют все субъекты управления инфраструктур городского хозяйства. На объекты управления прямо влияют такие инфраструктуры, как коммунальная, транспортная, жилищная, общественной безопасности
<i>Инфраструктура физической культуры и спорта</i>		
Физкультурно-спортивные организации, в том числе физкультурно-спортивные общества, спортивные клубы, центры спортивной подготовки, спортивные федерации, а также общественно-государственные организации, ответственные за соревнования по военно-прикладным и служебно-прикладным видам спорта; образовательные учреждения, осуществляющие деятельность в области физкультуры и спорта; профсоюзы; граждане, занимающиеся физкультурой, спортсмены и их коллективы, спортивные судьи, тренеры и иные специалисты в области физкультуры и спорта в соответствии с перечнем, утвержденным федеральным органом исполнительной власти	Совокупность зданий для занятий физической культурой и спортом	Организации физической культуры и спорта работают совместно с организациями образования, здравоохранения, культуры и искусства, а также СМИ. На объекты управления инфраструктуры образования прямо влияют такие инфраструктуры, как транспортная, коммунальная, информационная, благоустройства и озеленения территорий, общественной безопасности

На рисунке показан «бесхозный земельно-имущественный комплекс», входящий в социально-экономическую подсистему, который нельзя не учитывать. *Субъектом управления комплекса* являются фактические владельцы (возможно и отсутствие собственника). *Объектом управления* выступают бесхозные земельные участки, сети водоснабжения, водоотведения, теплообогревания и объекты недвижимости. Связь с бесхозным комплексом отсутствует, что является проблемой, так как данный комплекс используется неэффективно гражданами и органами местного самоуправления. Объекты управления комплекса при ненадлежащем использовании необходимо изъять у собственника, а при его отсутствии органы местного самоуправления должны создать условия для его появления. Таким образом, необходимо упорядочение объектов бесхозного земельно-имущественного комплекса на территории муниципальных образований. Это позволит установить право собственности по каждому объекту, а также увеличить поступления по имущественным налогам. В настоящее время какие-либо признаки или критерии ненадлежащего использования земельного участка на законодательном уровне не определены. Вопрос доказывания в каждом конкретном случае индивидуален [7].

По результатам исследования можно сделать следующие выводы:

1. Инфраструктуры города имеют четко выраженный сетевой характер, поскольку одна из инфраструктур городского хозяйства так или иначе выполняет заказы другой и таким образом создаются необходимые условия для нормальной деятельности всех экономических субъектов. Другими словами, инфраструктуры города следует рассматривать комплексно, так как это сложная подсистема, в которой все взаимосвязано.
2. Оценивать развитие инфраструктур города необходимо также комплексно, основываясь на пересекающихся связях между ними, в целях выявления и устранения недостатков в деятельности одной из них для удовлетворительного функционирования другой; затем следует разрабатывать и внедрять предложения по оптимизации их деятельности.
3. Экономическая природа городской инфраструктуры заключается в следующем: чем выше уровень ее развития, тем привлекательнее город для инвесторов, в него прибывает рабочая сила, ускоряется экономическое развитие, улучшаются жизнь и самочувствие людей. И наоборот, чем ниже уровень развития городской инфраструктуры, тем медленнее или с большими издержками развивается производство, ухудшается жизнь людей. Отметим, что само по себе создание городской инфраструктуры прибыли не приносит.

Список литературы

1. *Лукьянец, А. А.* Сбалансированное управление региональным коммунальным комплексом / А. А. Лукьянец // *Управленческий учет.* — 2010. — № 5. — С. 31–38.
2. *Елисеев, А. М.* Проблемы межотраслевых взаимодействий в контексте экономического развития территорий (на примере Сибирского федерального округа) / А. М. Елисеев, И. В. Волчкова, Ю. В. Подопригора // *Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки.* — 2009. — Т. 6—2. — № 90. — С. 40–44.
3. *Подопригора, Ю. В.* Управление развитием муниципальных образований в контексте экономического взаимодействия отраслей: автореф. дис. ... канд. экон. наук / Ю. В. Подопригора: Сибирская академия государственной службы. — Томск, 2009.
4. *Филошина, К. Э.* Управление рисками в жилищно-коммунальном комплексе / К. Э. Филошина, Н. Н. Минаев // *Экономика и предпринимательство.* — 2013. — № 12. 1 (41). — С. 509–512.
5. *Аникин, Е. Н.* Развитие транспортной инфраструктуры Западной Сибири как фактор эффективного освоения природных богатств / Е. Н. Аникин, Н. Н. Минаев // *Проблемы современной экономики.* — 2008. — № 3. — С. 539–542.

6. *Миндеев, Н. Н.* Инструменты и механизмы проведения инновационной политики в жилищно-коммунальном комплексе / Н. Н. Минаев, Ю. Ю. Галамов, А. А. Селивёрстов, Н. Р. Шадейко // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. — 2010. — Т. 4. — № 102. — С. 127–131.

7. *Минаев, Н. Н.* Формирование эффективной модели управления муниципальной недвижимостью города / Н. Н. Минаев, А. М. Елисеев, К. Г. Мамонтов // Проблемы современной экономики. — 2011. — № 1. — С. 250–255.

Уважаемые читатели журнала!

Предлагаем Вашему вниманию информацию о телевизионной передаче «Промышленный клуб». Цикл телевизионных передач «Промышленный клуб» является площадкой для дискуссии по широкому кругу вопросов, связанных с вопросами развития реального сектора экономики России и Санкт-Петербурга, восстановлением роли промышленности, рендустриализации, предполагающей модернизацию всех общественных институтов.

Среди гостей «Промышленного клуба» — представители научного сообщества, власти, руководители крупнейших предприятий: Г. Х. Попов — президент Вольного экономического общества России, Р. С. Гринберг — директор Института экономики РАН, чл. — корр. РАН, В. В. Ивантер — директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, В. Л. Квинт — заведующий кафедрой финансовой стратегии МШЭ МГУ имени М. В. Ломоносова, иностранный член РАН, А. Д. Некипелов — Председатель совета директоров ОАО НК «Роснефть», академик РАН и многие другие.

Постоянный эксперт «Промышленного клуба» — директор Института нового индустриального развития, профессор, доктор экономических наук С. Д. Бодрунов.

Передачи цикла идут в эфире телеканала «Санкт-Петербург», вещание которого осуществляется на всей территории РФ через оператора спутникового телевидения «ТриколорТВ» каждую пятницу в 17.30 (повтор в понедельник в 13.00).

Все передачи находятся в открытом доступе на сайте Института нового индустриального развития — www.init.ru

М. А. Ягольницер¹

ДИАГНОСТИКА УСЛОВИЙ ФОРМИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННЫХ КЛАСТЕРОВ В РЕГИОНАХ РОССИИ: МАТЕМАТИКО-СТАТИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

В институциональной экономике кластеры малых и средних предприятий рассматриваются как способ промышленной организации на основе географической и отраслевой специализации, конкурирующий с крупными компаниями. Это концентрация предприятий одной или нескольких взаимосвязанных отраслей, конкурирующих и одновременно кооперирующихся друг с другом, извлекая выгоды из близкого расположения и социальной встроенности. К основным характеристикам мезоэкономических систем относятся специализация (единство рынка, процессов и др.), инновационность, множественность участников (компании, исследовательские учреждения, финансовые институты, вузы, органы власти, общественные организации) и наличие жизненного цикла (стадийность развития).

Начиная с 90-х гг. XX в. в научной литературе, посвященной кластерам, активно обсуждаются вопросы их выявления и формирования на этой основе эффективной кластерной политики. Отметим лишь некоторые последние исследования, в которых эти вопросы представлены достаточно широко [1, 3]. Еще в 1995 г. на национальной конференции по кластерам в Аризоне² была предложена формула определения доминирующих кластеров — *индекса кластерной мощности*, согласно которой концентрация производства в кластере должна быть не ниже 40%, экономический рост — не ниже 10%, связи по кооперации среди предприятий-участников — не менее 10%. На этой основе были выделены 380 крупнейших кластеров США в сферах высоких технологий, производства потребительских товаров, индустрии сервиса, добычи природных ресурсов, в которых было занято 57% всех работающих в стране и производился 61% ВВП.

Тем не менее проблема идентификации кластеров не потеряла своей актуальности. Отметим, что не существует единой методологии идентификации и картографирования кластеров, опирающейся на ключевые измерители и процедуры, с помощью которых можно определять географические границы кластеров и их специфические параметры (эффективность, конкурентоспособность, инновационность и др.). В различных странах и регионах для определения кластеров используют разнообразные техники и критерии [5]. Существующие подходы носят преимущественно эмпирический характер и значительно варьируют. В большинстве известных методик применяются два основных подхода к выделению кластеров. В первом, который условно можно назвать «сверху вниз», используется принцип идентификации кластера на основе отраслевой принадлежности его участников. Для обнаружения региональных кластеров используется общенациональный образец, т. е. выявляются пространственные локализации производства, ориентированные на специфический вид экономической деятельности. Второй подход использует методiku, условно называемую «снизу вверх», где кластеры идентифицируются на конкретно выбранной территории исходя из наличия на ней локальных отраслей-лидеров. Все другие подходы к определению экономических кластеров варьируют между двумя упомянутыми.

¹ Мирон Аркадьевич Ягольницер, ведущий научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН, канд. экон. наук, e-mail: miron@ieie.nsc.ru

² The North American Cluster Conference. Sedona. June 1995.

Первый подход является мезоуровневым и применим, например, когда регионы хотят определить пока еще отчетливо не сформировавшиеся механизмы взаимодействия и потенциальные альянсы между хорошо известными основными отраслями и отраслями, развитыми недостаточно. Эти методы, как правило, полезны в ситуации практически полной неопределенности.

Второй, микроуровневый, подход пригоден, когда в регионах выделяются ведущие отрасли, но не известны механизмы, позволяющие отдельным фирмам усилить свои конкурентные преимущества в рамках взаимодействия с другими предприятиями внутри данных отраслей. Микроуровневые подходы оказываются малопродуктивными при обнаружении индустриальной кластеризации на региональном уровне, поскольку в силу своей трудоемкости не позволяют сформировать целостный взгляд на развитие экономики региона [4].

Цель нашего исследования — разработка подхода к выявлению условий, способствующих формированию инновационных кластеров, являющегося составной частью общей методики их идентификации не только при отсутствии информации по кластерам, но и при существенной неопределенности возможности их возникновения в сложившихся социально-экономических и институциональных условиях. Необходимость такого макроуровневого анализа вызвана тем, что в долгосрочных стратегиях социально-экономического развития субъектов РФ присутствуют предложения по созданию региональных кластеров в различных сферах экономики, иногда без должного обоснования.

Поскольку в экономике России практически отсутствует информация о деятельности кластеров, изучение влияния на нее экономических, инфраструктурных, институциональных и социокультурных условий невозможно без проведения специальных обследований. На региональном уровне такое исследование возможно на основе официальной статистики, которая отражает перечисленные условия, являющиеся внешними для функционирующих в регионе экономических систем. Причем при переходе от региона к региону эти условия варьируют, что приводит к изменению эффективности функционирования экономики региона и развития в нем инновационных процессов. Такой подход не позволяет учесть внутренние факторы отдельных экономических систем, являющиеся не менее важными, чем внешние. Однако он позволяет ответить на вопрос о благоприятности общего «регионального фона» для развития инноваций и повышения конкурентоспособности региональных экономик.

Методический подход к анализу пространственной дифференциации условий и факторов развития инновационных мезоэкономических систем, каковыми являются кластеры, основан на многомерной классификации результирующих показателей в подпространствах общей экономической эффективности развития регионов РФ, эффективности отдельных видов деятельности, степени развития малого бизнеса, инновационных показателей регионального развития, а также проверке статистических гипотез о влиянии региональных инфраструктурных, институциональных, социокультурных и других условий на неоднородность экономического и инновационного развития территорий (см. рисунок).

Возможность применения методики обусловлена объективной неоднородностью развития регионов России, представляющих исследуемую выборочную совокупность, а также прямым и косвенным влиянием инфраструктурных, социокультурных факторов, институциональной среды на экономическую и инновационную деятельность регионов.

В предлагаемой методике выделяются два основных блока: 1) классификация (типологизация) регионального пространства в системе показателей «экономическая эффективность — инновационность — развитие малого бизнеса — структура и продуктивность отдельных видов экономической деятельности»; 2) поиск статистически значимых факторов, обуславливающих региональные различия в полученных типологиях.

По результатам анализа [2] региональной совокупности за период 1995–2006 гг. в разрезе показателей инновационной деятельности было установлено значимое статистическое различие



Схема анализа пространственной дифференциации мезоэкономических систем

регионов РФ по отраслевой структуре и продуктивности различных видов деятельности, общей экономической эффективности региональной экономики, развитию малого бизнеса и др. Расширение факторного пространства и использование статистических данных за 2007 г. позволило проверить справедливость полученных ранее выводов, а также получить новые результаты о влиянии внешнего «регионального фона» на эффективность и инновационность развития регионов РФ.

Для апробации предложенного методического подхода использовались данные Росстата о развитии 80 регионов РФ в 2007 г.³ (этот период характеризовался ростом российской экономики и отсутствием влияния форс-мажорных кризисных ситуаций). Исследовались 205 показателей регионального развития, в том числе отражающих эффективность экономики (удельные показатели ВРП, его динамика, душевые доходы и их динамика, производительность отдельных видов экономической деятельности и др.), демографические процессы в регионе (изменение численности населения, продолжительность жизни, миграционные процессы, соотношение городского и сельского населения и др.) и занятость по отдельным видам экономической деятельности. Рассматривался большой блок показателей инновационного развития территорий (объем инновационной продукции, занятость в научно-исследовательском комплексе, доли затрат на различных стадиях инновационного цикла и др.). Особое внимание уделялось показателям развития малого

³ Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации — 2008 // Стат. сб. — М., 2008.

предпринимательства (оборот малого бизнеса, занятость в малом бизнесе и др.), служащим индикаторами деловой активности региона и способствующим созданию инновационной продукции.

Исходя из основных задач исследования анализировалась региональная дифференциация таких показателей, как наличие и структурный состав общественных, религиозных и политических организаций. Изучалось также отличие факторов региональной инфраструктуры (транспортные коммуникации, средства связи и др.) и социальной (образование, здравоохранение, культура).

Исследование взаимосвязей классификаций регионов в отдельных подпространствах (табл. 1) проводилось с использованием χ^2 критерия. При расчете статистики единичные классы в каждой из классификаций были исключены. Матрица является симметричной, поэтому приводится ее диагональное представление.

Классификация регионов по эффективности проводилась с использованием показателя регионального душевого ВРП. Для получения классификации в пространстве показателей продуктивности видов деятельности использовались показатели душевого производства по следующим видам деятельности: А, С (СА, СВ), D (DA, DB, DC, DD, DE, DG, DH, DI, DJ, DL, DM, DN), F, G, H, I, J, K, L, M, N, O, E. При этом для выделения информативной подсистемы показателей видов деятельности предварительно использовался статистический факторный анализ.

Таблица 1

Взаимосвязь классификаций в отдельных подпространствах показателей

Типология	Значение критерия χ^2			
	Региональная экономическая эффективность	Продуктивность видов экономической деятельности	Развитие малого бизнеса	Инновационность экономики
Региональная экономическая эффективность	-	37,3 (0,000)	20,3 (0,009)	2,9 (0,82)
Продуктивность видов экономической деятельности		-	21,05 (0,18)	25,4 (0,013)
Развитие малого бизнеса			-	15,2 (0,23)
Инновационность экономики				-

Примечание. В скобках указана статистическая значимость критерия.

Классификация регионов в подпространстве развития малого бизнеса проводилась с использованием показателей душевых оборотов, доли малых предприятий в общероссийском и региональном масштабах, занятости, производительности малых предприятий по показателю оборота.

Инновационность территории характеризовалась выпуском инновационной продукции в общем объеме выпускаемой продукции, показателями развития научно-образовательного комплекса, статистикой использования передовых технологий, интенсивностью патентной деятельности и др.

Анализ взаимосвязей типологий в отдельных подпространствах (см. табл. 1) выявил влияние продуктивности отдельных видов экономической деятельности (в частности обрабатывающих производств и добычи полезных ископаемых), а также малого бизнеса на общерегиональную экономическую эффективность. Что касается фактора инновационности, то его существенно-

го влияния на эффективность экономики не выявлено. Однако он достаточно значимо влияет на рост продуктивности отдельных видов экономической деятельности.

В соответствии с методическим подходом (см. рисунок) была сформирована объединенная информативная система показателей классификации, представленная обобщенной системой ортогональных факторов, полученных в результате применения многомерного факторного анализа к исходной системе изучаемых переменных, характеризующих региональную экономическую эффективность, продуктивность видов экономической деятельности, развитие малого бизнеса и инновационное развитие территорий. В этой системе была осуществлена классификация, результаты которой представлены в разрезе федеральных округов и регионов РФ (табл. 2 и 3).

Таблица 2

Распределение регионов РФ по федеральным округам в соответствии с типологией в объединенном пространстве показателей

Федеральный округ	Тип			Всего
	1	2	3	
Дальневосточный	2	4	3	9
Приволжский	6	5	3	14
Северо-Западный	5	2	2	9
Сибирский	3	6	3	12
Уральский	2	0	1	3
Центральный	4	8	6	18
Южный	0	2	8	10
Все регионы РФ	22	27	26	75

Таблица 3

Распределение регионов РФ в соответствии с типологией в объединенном пространстве показателей

Тип 1	Тип 2	Тип 3
Белгородская обл., Москва, Санкт-Петербург, Калининградская обл., Кемеровская обл., Красноярский край, Ленинградская обл., Липецкая обл., Магаданская обл., Московская обл., Мурманская обл., Нижегородская обл., Оренбургская обл., Пермский край, Республика Башкортостан, Республика Коми, Республика Саха (Якутия), Республика Татарстан, Самарская обл., Свердловская обл., Томская обл., Челябинская обл.	Алтайский край, Амурская обл., Брянская обл., Владимирская обл., Волгоградская обл., Еврейская автономная обл., Иркутская обл., Калужская обл., Кировская обл., Краснодарский край, Курская обл., Новгородская обл., Новосибирская обл., Омская обл., Пензенская обл., Приморский край, Республика Бурятия, Республика Карелия, Республика Хакасия, Саратовская обл., Тамбовская обл., Тверская обл., Тульская обл., Удмуртская Республика, Хабаровский край, Чувашская Республика, Ярославская обл.	Архангельская обл., Астраханская обл., Воронежская обл., Забайкальский край, Ивановская обл., Кабардино-Балкарская Республика, Камчатский край, Карачаево-Черкесская Республика, Костромская обл., Курганская обл., Орловская обл., Псковская обл., Республика Адыгея, Республика Алтай, Республика Дагестан, Республика Марий Эл, Республика Мордовия, Республика Северная Осетия — Алания, Республика Тыва, Ростовская обл., Рязанская обл., Сахалинская обл., Смоленская обл., Ставропольский край, Ульяновская обл., Чукотский автономный округ

В первый тип регионов попали субъекты Федерации с самыми высокими душевым ВРП, душевыми денежными доходами и индексом концентрации душевых доходов (индекс Джини) (соответствующие средние значения показателей — 214, 8 тыс. рублей, 13,6 тыс. рублей и 0,42). Отметим значительное различие типов по большинству инновационных показателей. Так, первый тип регионов отражает совокупность субъектов Федерации с показателями инновационной деятельности, превышающими среднероссийский уровень. Второй тип — регионы с показателями инновационной деятельности, близкими к среднероссийским; третий — регионы, имеющие показатели инновационной деятельности ниже среднероссийских. В табл. 4 и 5 приведены статистически значимо различающиеся показатели инновационной деятельности в полученной типологии.

Таблица 4

Значимо различающиеся средние значения показателей инновационной деятельности (2007 г.)

Тип	Удельный вес благоприятных технологические инновации, %	Внутренние текущие затраты на исследования и разработки, % к ВРП	Доля текущих затрат на прикладные исследования во внутренних текущих затратах на НИОКР, %	Количество организаций, занимающихся научными исследованиями, ед.	Численность персонала, занятого исследованиями и разработками, на 10 тыс. занятых в экономике	Численность исследователей с учеными степенями, чел. на 10000 занятых	Количество созданных передовых технологий
1	10,30	1,22	0,23	109,36	111,68	13,65	27,75
2	7,69	0,85	0,14	33,59	58,11	7,15	8,95
3	5,85	0,54	0,24	21,12	36,73	4,72	5,38
Общая выборка	7,82	0,85	0,20	51,49	66,41	8,21	14,45

Примечание. Статистическая значимость различий средних значений — менее 0,05.

Таблица 5

Значимо различающиеся средние значения показателей инновационной деятельности (2007 г.)

Тип	Доля региона в РФ по количеству созданных передовых технологий	Число используемых передовых производственных технологий	Доля используемых передовых производственных технологий от РФ	Подано патентов		Выдано патентов	
				на изобретения	на полезные модели	на изобретения	на полезные модели
1	0,03	4580,50	0,02	804,64	300,27	568,90	292,09
2	0,01	2142,67	0,01	189,67	74,76	127,59	71,36
3	0,01	810,87	0,00	173,84	43,00	121,13	40,61
Общая выборка	0,01	2462,13	0,01	367,15	136,54	256,03	130,63

Примечание. Статистическая значимость различий средних значений — менее 0,05.

В типе 1 больше всего представлены Северо-Западный и Приволжский округа, где сосредоточено 7 и 8% соответственно регионов, успешно осуществляющих инновационную деятельность. Это — практически половина наиболее успешных регионов РФ. Обращает на себя внимание Южный федеральный округ, где в 2007 г. к этой группе не принадлежал ни один регион.

Одним из важных факторов, который может существенно повлиять на процессы модернизации экономики регионов (как и страны в целом), становится качество среды обитания. Модернизация возможна лишь при условии качественного роста персонала, значительного повышения доли научно-технического и иного персонала с высокими требованиями к условиям жизнедеятельности. Это означает кардинальное изменение условий воспроизводства рабочей силы и населения в целом, обеспечивающих повышение индекса человеческого развития в соответствии с новыми социально-экономическими реалиями. Как правило, это реализуется в регионах с высоким уровнем урбанизации. Так, тип 1 в рассматриваемой классификации представляет наиболее населенные регионы с преобладанием городского населения (средняя доля численности населения этих регионов составляет 2% населения РФ, средняя доля городского населения — 77%).

Благоприятной считается городская среда, которая прежде всего удовлетворяет высоким требованиям к качеству жилья, набору культурно-бытовых объектов, образовательному комплексу, к экологическому состоянию, криминогенной обстановке (табл. 6). Наличие такой среды стало одним из важнейших факторов формирования коллективного интеллектуального потенциала, способного обеспечить разработку и реализацию прорывных научно-технических достижений. Создание аналогичной среды благотворно сказалось на развитии таких научных центров, как новосибирский Академгородок, Обнинск, и многих других. Одновременно заметим, что благоприятная среда — важный фактор привлечения инвестиций.

Таблица 6

Значимо различающиеся средние показатели образовательного и культурного комплекса регионов (2007 г.)

Тип	Численность студентов (государственных и негосударственных вузов) на 10 тысяч населения, чел.	Количество государственных вузов	Число спортивных сооружений	Количество посещений театров, чел. на 10000 населения	Число преступлений на 100 тыс. населения	Количество преступлений в экономике
1	522,34	15,86	3636,36	2,13	2319,59	5753,86
2	443,23	6,11	2306,48	1,74	2349,74	3150,07
3	405,17	4,76	1652,00	1,48	1935,77	2262,85
Общая выборка	453,24	8,55	2469,69	1,76	2197,39	3606,28

Примечание. Статистическая значимость различий средних менее 0,05

Для перспективного развития нашей страны чрезвычайно важна стабильность малых городов. В России с ее громадными расстояниями и неравномерностью хозяйственного освоения территории малые и средние города занимают особое место в экономической, социальной и политической жизни. Потеря малых городов и поселков городского типа означает утрату экономического пространства страны и возможностей ее дальнейшего развития.

Одним из направлений инновационного развития территорий третьего типа должно быть не только восстановление, но и качественное изменение роли малых городов в реформировании территориальных агропромышленных комплексов. В новых экономических условиях речь может идти о достаточно широком спектре видов деятельности по хозяйственному обслуживанию тяготеющих к малым городам сельскохозяйственных территорий: организация цивилизованных форм реализации (заготовки) сельскохозяйственной продукции; экономически обоснованные направления ее переработки; продвижение современной техники и других средств производства к потребителю на приемлемых для него условиях; оказание услуг по организации и ведению сельскохозяйственного производства как крупным, так и мелким хозяйствам; распространение передового опыта и повышение квалификации кадров, финансовое обслуживание и обеспечение доступности кредитов; организация маркетинговой и юридической службы.

Кроме того, небольшие города могут выполнять функции «малых столиц», организационно-политических центров местного самоуправления со значительным развитием всего комплекса культурно-бытового обслуживания тяготеющего населения. Это обеспечит условия для устойчивого развития малых городов и возрождения сельской местности, если будет восстановлена товаропроводящая сеть, снизится тенденция к натурализации хозяйства и откроется путь для цивилизованного выхода на рынок. Реализация указанных направлений может стимулировать развитие инновационной деятельности в малых городах и на тяготеющих к ним сельскохозяйственных территориях, возрождение на новой экономической и организационно-правовой базе потребительской и других форм кооперации, неплохо зарекомендовавших себя в прошлом.

Реализация территориальных интересов находит свое выражение, главным образом, в функционировании экономических институтов, с помощью которых регулируются такие важные виды деятельности, как производство, распределение доходов, обмен, потребление товаров и услуг. Важнейшими институтами, наряду с экономическими, являются политические (на локальном уровне — местные муниципальные учреждения) и социально-культурные (образование, здравоохранение, право, рекреация и т. д.). Данные институты являются базовыми и образуют институциональное ядро, обеспечивающее выживание и развитие той или иной социальной общности как единой целостности. Проявлением сущности социальных институтов и их свойств выступают их функции. Функция экономических институтов заключается в воспроизводстве средств жизнедеятельности для членов общности; действие политических институтов направлено на консолидацию общественных сил, а посредством социально-культурных институтов обеспечивается интеграция членов данного общества (осознаваемой или латентной) на основе общности ценностей и норм поведения. В табл. 7 представлены значимо различающиеся компоненты институциональной среды типологии регионов.

Косвенным подтверждением целесообразности использования предложенного подхода для анализа возможности образования региональных инновационных кластеров является опубликованный перечень 25 территориальных инновационных кластеров (табл. 8)⁴, пятнадцати⁵ из которых предоставляются субсидии из федерального бюджета на реализацию мероприятий, предусмотренных программами их развития. Более 70% субсидируемых федеральным бюджетом инновационных кластерных проектов принадлежат регионам, входящим в самую перспективную группу 1, что свидетельствует о приемлемой прогностической способности предложенной методики.

⁴ Поручение Президента РФ от 28 августа 2012 г. № ДМ-П8–5060.

⁵ Правила распределения и предоставления субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на реализацию мероприятий, предусмотренных программами развития пилотных инновационных территориальных кластеров. Утв. постановлением Правительства РФ от 6 марта 2013 г. № 188.

Значимо различающиеся средние показатели институциональной среды типологий (2007 г.)

Тип	Количество организаций							Рейтинг регионов по наличию СРО, баллы
	общественных	коммерческих и предпринимательских	политических	профессиональных	профессиональных союзов	общественных, не включенных в другие группировки	религиозных	
1	601,45	110,36	103,19	392,59	1 191,09	1 495,23	447,45	32,85
2	206,89	33,96	53,59	119,33	655,04	773,33	251,70	39,65
3	134,96	22,65	44,08	68,23	494,15	456,00	196,00	48,71
Общая выборка	297,69	52,45	64,32	181,77	756,51	875,08	289,81	40,80

Примечание. Статистическая значимость различий средних менее 0,05.

Инновационные территориальные кластеры⁶

№	Субъект РФ	Наименование кластера	Специализация	Номер в типологии
<i>Центральный федеральный округ</i>				
1	Калужская обл.	Кластер фармацевтики, биотехнологий и биомедицины (г. Обнинск)	Медицина и фармацевтика, радиационные технологии	2
2	Москва	Кластер «Зеленоград»	Информационно-коммуникационные технологии, электроника	1
3	Москва	Новые материалы, лазерные и радиационные технологии	Новые материалы, ядерные технологии	1
4	Московская обл.	Кластер ядерно-физических и нанотехнологий (г. Дубна)	Ядерные технологии, новые материалы	1
5	Московская обл.	Биотехнологический инновационный территориальный кластер (Пушино)	Медицина и фармацевтика, биотехнологии	1
6	Московская обл.	Кластер «Физтех XXI» (г. Долгопрудный, г. Химки)	Новые материалы, медицина и фармацевтика, информационно-коммуникационные технологии	1

⁶ Построена с использованием информации Минэкономразвития России и расчетов автора. Цветом выделены кластеры, субсидируемые федеральным бюджетом.

№	Субъект РФ	Наименование кластера	Специализация	Номер в типологии
<i>Северо-Западный федеральный округ</i>				
7	Архангельская обл.	Судостроительный инновационный территориальный кластер	Судостроение	3
8	Санкт-Петербург	Развитие информационных технологий, радиоэлектроники, приборостроения, средств связи и инфотелекоммуникаций	Информационно-коммуникационные технологии, электроника, приборостроение	1
9	Санкт-Петербург	Кластер медицинской, фармацевтической промышленности, радиационных технологий	Радиационные технологии, медицина и фармацевтика	1
<i>Приволжский федеральный округ</i>				
10	Нижегородская обл.	Нижегородский индустриальный инновационный кластер в области автомобилестроения и нефтехимии	Нефтегазопереработка и нефтегазохимия, автомобилестроение	1
11	Нижегородская обл.	Саровский инновационный кластер	Ядерные технологии, суперкомпьютерные и лазерные технологии	1
12	Пермский край	Инновационный территориальный кластер ракетного двигателестроения	Производство летательных и космических аппаратов, двигателестроение, новые материалы	1
13	Республика Башкортостан	Нефтехимический территориальный кластер	Нефтегазопереработка и нефтегазохимия	1
14	Республика Мордовия	Энергоэффективная светотехника и интеллектуальные системы управления освещением	Приборостроение	3
15	Республика Татарстан	Камский инновационный территориально-производственный кластер	Нефтегазопереработка и нефтегазохимия, автомобилестроение	1
16	Самарская обл.	Инновационный территориальный аэрокосмический кластер	Производство летательных и космических аппаратов	1
17	Ульяновская обл.	Консорциум «Научно-образовательно-производственный кластер «Ульяновск-Авиа»	Производство летательных и космических аппаратов, новые материалы	3
18	Ульяновская обл.	Ядерно-инновационный кластер (г. Димитровград)	Ядерные технологии, радиационные технологии, новые материалы	3

№	Субъект РФ	Наименование кластера	Специализация	Номер в типологии
<i>Уральский федеральный округ</i>				
19	Свердловская обл.	Титановый кластер	Новые материалы	1
<i>Сибирский федеральный округ</i>				
20	Алтайский край	Алтайский биофармацевтический кластер	Медицина и фармацевтика	2
21	Кемеровская обл.	Комплексная переработка угля и техногенных отходов	Химическая промышленность, энергетика	1
22	Красноярский край	Кластер инновационных технологий ЗАТО (г. Железногорск)	Ядерные технологии, производство летательных и космических аппаратов	1
23	Новосибирская обл.	Инновационный кластер информационных и биофармацевтических технологий	Информационно-коммуникационные технологии, медицина и фармацевтика	2
24	Томская обл.	Фармацевтика, медицинская техника и информационные технологии	Медицина и фармацевтика, информационно-коммуникационные технологии, электроника	1
<i>Дальневосточный федеральный округ</i>				
25	Хабаровский край	Инновационный территориальный кластер авиастроения и космических аппаратов, судостроения	Производство летательных и космических аппаратов, судостроение	2

Выводы

1. Выполнена региональная дифференциация территорий РФ в разрезе отдельных субъектов Федерации и федеральных округов, выделены три основных типа: территории, более благоприятные для развития инновационных процессов; территории, в которых развитие инновационных процессов соответствует среднероссийским тенденциям, и территории, где инновационные процессы происходят замедленно.

2. В демографическом плане наиболее благоприятны для развития инновационных процессов густонаселенные территории с преобладанием городского населения (в среднем 77%), эти территории очень притягательны для мигрантов (33 % населения этих мест (по данным переписи 2002 г.) родилось не на этой территории).

3. Инновационно активным территориям соответствует более развитый образовательный комплекс, здесь более востребованы учреждения культуры, спорта и отдыха.

4. В относительно более развитых с инновационной точки зрения регионах преобладает продукция машиностроительного, химического, металлургического комплексов; при этом не наблюдается статистически значимого отличия в душевом выпуске продукции сельского хозяйства.

5. В наиболее развитых инновационно и экономически регионах уровень институционального развития существенно выше, чем в других субъектах РФ: больше общественных, политических организаций, профессиональных союзов, религиозных организаций (в 2–3 раза).

Список литературы

1. *Куценко, Е. С.* Кластерный подход к развитию инновационной экономики в регионе: дис. ... канд. экон. наук / Е. С. Куценко; Федеральное гос. бюджетное науч.-исследоват. учреждение «Совет по изучению производительных сил» Минэкономразвития России и РАН. — М., 2012. — 235 с.

2. *Марков, Л. С.* Направления развития научно-инновационного пространства регионов России / Л. С. Марков, В. М. Маркова, М. А. Ягольницер // Инновационные технологии управления социально-экономическим развитием регионов России: материалы III Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. 60-летию со дня основания Ин-та соц.-экон. исследований Уфимского науч. центра РАН: в 2 ч. — Уфа, 2011. — Ч. 1. — С. 161–164.

3. *Марков, Л. С.* Кластеры: формализация взаимосвязей в неформализованных структурах / Л. С. Марков, М. А. Ягольницер. — Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2006. — 195 с.

4. *Bergman, E. M.* Industrial and Regional Clusters: Concepts and Comparative Applications / E. M. Bergman, E. J. Feser // Regional Research Institute, WVU, 1999. // <http://rri.wvu.edu/WebBook/Bergman-Feser/contents.htm> (дата обращения 15.03.2014).

5. *Doeringer, P.* Business Strategy and Cross-Industry Clusters/P. Doeringer, D. Terkla // Economic Development Quarterly 9, 3. — 1995. — P. 225–237.

В. В. Боброва¹, П. А. Аношкин²

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ ГОРОДА

Научная задача, связанная с формированием методологии исследования городской системы, оформилась за рубежом в 1950–1960-х гг. В связи с этим получили развитие следующие направления региональной науки: теории городского роста, теории городских систем, городская экономика, теории размещения производства. В отличие от экономической географии названные теории методологически связаны с экономической наукой, проецируя как микроэкономические, так и макроэкономические законы на территориальный уровень при учете новых факторов. В СССР общественные науки, включая экономику и экономическую географию, имели собственную траекторию развития. Однако в конце 1980-х — начале 1990-х гг. в связи с либерализацией экономической системы России существенно расширились предмет и методология исследований региональной экономической науки.

Региональная экономика непрерывно развивается, в ней постоянно возникают новые научные и методологические проблемы, происходит расширение границ предмета, в том числе за счет вовлечения нематериальных факторов производства. Это позволяет создавать методологическую основу для междисциплинарных взаимодействий с целью аккумуляции концепций, теорий, методов и средств теоретических и эмпирических исследований для познания пространства как совокупности территориальных и социально-экономических аспектов. Расширение предмета региональной экономики происходит за счет вовлечения таких исследовательских вопросов, как локализация новых видов экономической деятельности в пространстве, экономика города, муниципальная экономика, проблемы агломерирования и формы организации инновационной экономики.

В предложенном А. И. Татаркиным и Е. Г. Анимой [3, с. 19] определении предмета региональной экономики фигурируют не только объекты промышленности (что было приоритетным в советских условиях), но и пространство региональных и местных рынков товаров и услуг, рабочей силы; пространство городов и муниципалитетов; зоны инфраструктурного обслуживания. При этом территориальность является доминантным признаком любого исследования в рамках региональной экономики.

К базовым положениям региональной экономики также относят парадигму саморазвития территориальных экономических систем на принципах теории полицентризма, указывающих на необходимость превращения централизованного экономического пространства в полицентричное [1]. Любое исследование в сфере региональной экономики должно не только устанавливать общие закономерности, но и выявлять особенности конкретной территории в экономической организации, процессов и стратегий развития территориальной социально-экономической системы.

¹ *Виктория Викторовна Боброва*, профессор кафедры национальной экономики Оренбургского государственного университета, д-р экон. наук.

² *Павел Александрович Аношкин*, младший научный сотрудник Пермского национального исследовательского политехнического университета, e-mail: anoshkinpaul@gmail.com.

Одним из существенных аспектов региональной экономики является территориальное планирование, включая исследование становления новых форм пространственной организации экономики в границах муниципалитетов, а также пригодность территории города для развития городской экономики [2]. Территориальное планирование города, разработка генерального плана — это создание гибкого и долгосрочного плана, способного реагировать на происходящие с течением времени изменения, охватывая разнообразные социально-экономические аспекты, экологические и социально-демографические вопросы. Одной из ключевых задач обоснования территориального планирования является формулировка стратегических целей и приоритетов в качестве руководящих принципов для регулирования таких аспектов и процессов, как землепользование, структура города, качество городского пространства.

Для современного развития научных исследований и проектных разработок в сфере территориального планирования характерно не только расширение круга решаемых проблем, но и изменение стиля мышления, принципиального подхода к исследуемым явлениям. Простого накопления знаний и частных методов решения локальных задач недостаточно для территориального планирования сложных социально-экономических систем и подсистем. Важнейшее значение на современном этапе приобретают процессы глобализации при решающей роли инновационной деятельности, информационная революция и связанные с ней технологии и новые формы производства. Для совершенствования и развития методологической и методической базы территориального планирования ключевое значение имеет применение методов системно-структурного анализа, экономических, демографических и социологических, а также математического моделирования; использование теоретических и эмпирических результатов исследований в сфере региональной экономики, науки об управлении, экономической географии. Кроме того, современная кибернетика и теория информации, а также информационные системы позволяют создавать методы исследования территориальных закономерностей и открывают новые пути развития территориального планирования социально-экономических подсистем.

Важной задачей региональной экономики является развитие теоретико-методологических вопросов пространственного развития и территориального планирования крупнейших городов на основе методологии экономической науки. Для объяснения процессов урбанизации, агломерирования, дифференциации и специализации регионов и городов с учетом пространственного аспекта экономическая наука разработала целый ряд концептуальных подходов: классическая экономическая география, теории пространственной конкуренции, теории глобализации и региональной интеграции, теория городских систем и, наконец, новая экономическая география.

Мы рассмотрим прежде всего те современные теоретические положения, социально-экономические концепции (табл. 1) и принципиальные выводы, которые были реализованы в практике городского планирования за рубежом и находят отражение в последние годы в территориальном планировании крупнейших российских городов.

Для развития теоретико-методических положений региональной экономики с целью их приближения к потребностям пространственного и социально-экономического развития крупнейших российских городов были определены особенности процессов урбанизации в России по сравнению с тенденциями пространственно-экономических трансформаций в развитых странах (табл. 2).

Исходя из определения тенденций в развитии предмета и методологии региональной экономики в России и за рубежом, считаем необходимым развитие теоретических и методических основ, а также научного инструментария для исследования крупнейшего города как территориальной социально-экономической подсистемы. За последние 50 лет произошли существенные изменения стратегий территориальной конкурентоспособности и инструментов, используемых в практике пространственного развития. Цели стратегического развития по мере решения базовых задач и задач предыдущего периода становились все более сложными и разнообраз-

Социально-экономические концепции пространственного развития городов

Теории, концепции, авторы, период времени	Причины разработки	Рекомендации
Концепция упадка американских городов, Bradbury, A. Kenneth, L. Katharine, A. Downs, K. Small (1980-е), H. S. Andersen, K. Barker (2000-е)	Большие города и агломерации США в 1980-е гг. теряют население. Во многих больших городах формируются заброшенные территории (без населения) или «гетто», населенные бедняками, с высоким уровнем преступности	1) Отмена запретительных мер, затрудняющих строительство; стимулирование нового строительства и реконструкции; 2) сглаживание диспропорций в политике для разных регионов; 3) помощь городам во внедрении стратегий, учитывающих снижение общей численности населения и рабочих мест; 4) объединения управленческих и фискальных функций в рамках города и его агломерации; 5) помощь малоимущим
Концепция перелома ситуации с упадком американских городов, S. Paul Grogan, Tony Proscio (1990-е — 2000-е гг.)	Американские «внутренние города» (ядра агломераций) в целом справились с угрозой упадка и деградации	Работа неправительственных групп и организаций, решающих локальные проблемы; использование заброшенных промышленных зданий как офисных, складских, торговых; сокращение бюрократического регулирования городской жизни
Концепция умного города, A. Caragliu, C. Del Boro, P. Nijkamp, S. Zielenbach (2000-е)	Усиление конкуренции между крупнейшими городами за привлечение экономических функций в условиях глобализации и региональной интеграции (ЕС, Шенгенское соглашение)	Умный город — город, в котором особую роль играют человеческий и социальный капитал. Города, которые инвестируют в социальный капитал, получают возможность усилить свой инновационный и конкурентный потенциал
Концепция компактного города, J. Jacobs, (1990-е), R. Kalasek, B. Binger (1980-е), Timmer V., Dr. Nola-Kate Seymoar, K. Christiaanse (2000-е)	Выявлены недостатки моноцентричного планирования: традиционное планирование ухудшает условия для формирования социального капитала, развития инновационной экономики. Планировщики формируют неестественные города, где уничтожается соседское сообщество, люди живут и работают на изолированных территориях, что противоречит духу города	Плотность — 40...80 квартир на гектар. Мультифункциональное использование территории. Моноцентричная структура для агломерации в 200...500 тыс. человек, полицентричная — для агломераций с большим населением. Максимум социальных потребностей должно удовлетворяться локально. Сокращение использования автомобильного транспорта, уменьшение парковок, большое количество зеленых пространств
Теория территориального капитала, R. Camagni, R. Capello, R. Giffinger, P. Cooke (2000-е)	Усиление конкуренции среди крупнейших городов за привлечение экономических функций в условиях глобализации и региональной интеграции (Шенгенское соглашение)	Перспективы привлечения инвестиций и жителей имеют города, обладающие более высоким территориальным капиталом. Это проявляется в росте транспортных коммуникаций, количества международных и национальных центров принятия решений и полицентричном развитии
Новая экономическая география, M. Fujita, P. Krugman (1990-е); T. Mori, G. I. P. Ottaviano, J.-F. Thisse (2000-е)	Усиление процессов агломерирования в развивающихся странах в результате экономической либерализации и развития мировой торговли	Для существующих городов физико-географические факторы менее важны, чем усиливающийся процесс концентрации экономической деятельности. Моделируются центростремительные и центробежные факторы на микроэкономическом уровне

Характеристика пространственно-экономической трансформации городов

Развитые страны		Россия	
Тенденции	Публикации	Тенденции	Публикации
Рост городов и усложнение форм городского расселения (надагломерационные формы)	Ю. А. Симагин (2005), Rafael González-Val (2010), A. Wilson (2010), Ewing, Reid and Rong, Fang (2008)	Большинство агломераций соответствуют незрелым формам развития	А. А. Нешадин, А. М. Прилепин (2010), В. Я. Любовный (2009, 2011); Э. Бозе (2007)
Дифференциация центра (столицы) и периферии	Н. ТН. Andersen, L. Moller-Jensen, & S. Engelstoft (2011), R. Capello (2010), H. Caraveli and J. Darzentas (2006)	Дифференциация центра (столицы) и периферии, где ухудшаются условия жизни	Н. Зубаревич, В. Н. Лексин (2011), М. Б. Селиванов (2011)
Концентрация экономической деятельности в определенных городах — экономических центрах	M. J. Porter (1998), P. Krugman (1996, 2009), Beaudry, Schiffauerova (2009)	Исследования эффектов локализации и кластеризации в российских городах не представлены	
Ускорение процессов урбанизации	И. А. Спиридонов (2010), G. Maier, F. Tödtling (1992), R. Giffinger (2004), P. Cheshire (1999)	Ускорение агломерирования происходит преимущественно в столичном регионе	Н. Зубаревич (2012), Е. Л. Аношкина (2013), М. Марков, М. Тонков (2009), В. Я. Любовный (2011)
Столичные и крупнейшие города включаются в сеть мировых городов	Gorzalak, Grz., & M. Smetkowski (2012), Alonso-Villar (2001), Mansori (2003)	Российские крупнейшие города не представлены на международной арене, не включены в глобальную городскую систему	Е. Л. Аношкина (2013)

ными. Базовые цели *региональных социально-экономических подсистем* эволюционировали следующим образом:

1950-е гг. — развитие транспортной и инженерной инфраструктуры как предпосылка роста;

1960-е гг. — привлечение внешних видов деятельности и инвестиций;

1970-е гг. — развитие малых и средних предприятий, местной системы образования;

1980-е гг. — инновации, распространение новой техники, инновационная обстановка;

1990-е гг. — развитие базы сектора исследований и разработок, развитие нематериальных факторов, местной культуры;

2000-е гг. — развитие институтов коллективного познания, взаимосвязей, формирование территориального капитала.

В соответствии с этими целями менялось теоретическое обоснование стратегий пространственного развития. Так, в 1960-е гг., когда требовалось срочное решение региональных проблем при ограниченных ресурсах, стратегия «большого толчка» и «несбалансированного роста» считалась экономически и политически более целесообразной [13].

В 1970-х гг. стратегии развития были направлены на укрепление структуры крупных и малых предприятий в регионе. На первом этапе для этого предлагалось использовать средства

поощрения (стимулы), а затем планировалось расширение совместной деятельности экономических агентов и переход к локальной специализации [14].

В 1980-х гг. теоретическое осмысление важности инновационного процесса для пространственного развития, а также «промышленных районов» и новаторов привело к осознанию необходимости:

- повышения ценности местного предпринимательства;
- сотрудничества государства и организаций предпринимателей;
- создания общих проектов и схем, направленных на укрепление местной производственной специализации;
- приоритетного стимулирования инноваций.

С середины 1980-х гг. сектор научных исследований и разработок (НИР) получил признание как источник продолжительных инноваций, которые стали рассматриваться в качестве главных факторов долгосрочного развития. Были апробированы различные варианты регулирования деятельности фирм, связанной с выполнением НИР; меры, направленные на построение знаний вне организаций (технопарки); методы создания атмосферы, способствующей инновациям [7, 10].

Тенденции пространственного развития (см. табл. 2) стимулируют конкуренцию между городами. Территориальная конкуренция приводит к сверхконцентрации ресурсов и населения в крупнейших городах и агломерациях как в развитых, так и в развивающихся странах. По мнению R. Samagni и R. Capello [5], этот процесс может иметь негативные последствия:

- рост альтернативной стоимости реализации новых проектов в мегаполисах;
- культурные и экологические затраты, связанные с последствиями опустынивания регионов;
- направление большой доли национальных сбережений в сектор строительства и спекуляции с недвижимостью в развитых городах;
- миграция населения из кризисных и отдаленных территорий в города, которые не имеют потенциала развития.

Для преодоления негативных тенденций необходимо придерживаться принципа полицентричности и повышения конкурентоспособности нестоличных городов. Представляют интерес методические вопросы стратегического и пространственного планирования на региональном и местном уровне.

Можно предположить, что основным видом территориальной конкуренции в России будет конкуренция между крупнейшими городами, так как именно она, ее характер и формы будут определять инвестиционную привлекательность и макроэкономическую конкурентоспособность не только отдельных регионов, но и страны в целом.

Потенциалы развития крупнейших городов — центров агломераций — могут существенно различаться. Это необходимо учитывать при формировании государственной и муниципальной политики, так как инвестиции и миграция населения без обеспечения стратегии экономического роста могут привести к стагнации некоторых городов и обострению социально-экономических проблем.

Пространственное развитие все чаще понимается как комплексный феномен, а иллюзия существования упрощенных стратегий постепенно проходит. Ряд ведущих исследователей в области региональной науки отмечают, что обобщенная долгосрочная тенденция в отношении новых целей для современной стратегии территориального развития должна учитывать возрастающую роль:

- нематериальных активов — человеческого капитала и знаний, которые становятся «операторами», преобразующими свой потенциал в проекты роста;
- относительных факторов, таких как социальный капитал, которые создают синергию, способствуют сотрудничеству, используют богатство местных взаимосвязей, определяющих местные ноу-хау и местную культуру;

• современных коммуникационных сетей и служб связи в получении доступа к мировым рынкам, информации, возможностям деловой активности, приобретающих значение общественных благ, обеспечивающих эффективное развитие территории.

Начиная с 2000-х гг. формирование территориального капитала было признано одной из базовых целей региональной политики. Разработкам теории конкурентоспособности городов посвящены не только научные публикации, но и аналитические доклады и программные документы международных политических и экономических организаций. Впервые концепция территориального капитала была предложена в контексте региональной политики Организации экономического сотрудничества и развития [11]. Генеральный директор Комиссии Евросоюза подчеркнул: «У каждого региона есть свой специфический «территориальный капитал», который... создает более высокую прибыль для определенных видов инвестиций, так как они больше подходят для данной территории... Стратегии территориального развития должны помогать региону в развитии территориального капитала» [12].

Согласно подходу R. Samagni [4], территориальный капитал — это набор местных активов, который составляет конкурентный потенциал данной территории за счет снижения издержек и повышения отдачи от определенного вида инвестиций по сравнению с условиями других территорий (в регионах, городах). Территориальный капитал охватывает:

- природные ресурсы и социальный общефирменный капитал;
- смешанные общественные/частные блага (ландшафт, культурное наследие);
- внешние эффекты экономической деятельности в агломерации;
- частный основной акционерный капитал;
- социальный капитал;
- человеческий капитал, предпринимательство, креативность и лидерство;
- организации по сотрудничеству, государственное/частное партнерство в создании знаний;
- структуры управления.

Обобщение теоретических и методических вопросов, решаемых в рамках концепции территориального капитала, представлено Р. Гиффингером, который отмечает, что следует рассматривать две составляющие территориального капитала: материальные и нематериальные активы [8]. Обобщение закономерностей развития городов (прежде всего европейских) позволяет определить роль нематериальных активов в конкурентоспособности, в первую очередь *крупнейшего города*. К наиболее существенным характеристикам территориального капитала в аспекте нематериальных активов города относится социальный капитал. Конкурентоспособность города и качество социального капитала, считают А. Caragliu, С. Del Boro, Р. Nijkamp, определяются способностью городского сообщества адаптироваться к изменениям внешней среды, производить инновации и учиться [6]. S. Zielenbach видит основной эффект социального капитала в том, что индивиды с более высоким уровнем взаимного доверия охотно включаются в деятельность, имеющую значение для развития территории, а не просто несущую индивидуальную выгоду [15].

При исследовании крупнейшего города, который, как правило, является ядром агломерации, административным и экономическим центром целого региона или страны, следует применять критерии конкурентоспособности, учитывающие более широкие требования. В конечном итоге выигрывают соревнования за инвестиции и жителей те крупнейшие города, которые не замыкаются на решении собственных проблем, а регулируют развитие окружающих агломераций. Конкурентоспособность современного крупнейшего города, как отмечают Р. Гиффингер и М. Шталльбом [9], напрямую связана с его способностью выполнять специфические *функции метрополии*, к которым относятся:

- пространственное «расширение» города, предполагающее создание социально-экономических подцентров, интенсивную организацию новых рабочих мест на основе полицентричной модели;
- интенсивное развитие экономики, основанной на знаниях, в производственном секторе и в секторе услуг как в центре, так и в подцентрах агломерации;
- концентрация в городе центров принятия решений (международных и межрегиональных производственных и сервисных бизнес-структур, политических, общественных и культурных организаций).

Обобщая рассмотренные теоретические подходы, можно определить территориальный капитал следующим образом. *Территориальный капитал крупнейшего города* — это совокупность местных активов, составляющих конкурентный потенциал города за счет снижения издержек и повышения отдачи от инвестиций по сравнению с условиями в других городах. Благодаря более высокому территориальному капиталу крупнейший город получает возможность привлекать наиболее выгодные экономические функции. Материальные активы города непосредственно влияют на повышение экономической отдачи от привлекаемых инвестиций и тем самым формируют сравнительные преимущества крупнейшего города. К ним относятся пространственное расположение и организация города, экономические показатели предприятий, экономическая структура, климатические условия и природные ресурсы, человеческий капитал, инфраструктура и градостроительные условия.

Нематериальные активы — это специфический социальный капитал города, позволяющий реализовать конкурентную стратегию его развития и осуществлять политику метрополизации, т. е. привлечения центров принятия решений, экономически выгодных функций, повышения роли города в городской и региональной иерархии. Нематериальные активы формируют абсолютные преимущества города.

Таким образом, актуальной научной задачей является разработка методов и инструментария научного анализа и обоснования пространственного развития в целях повышения конкурентоспособности крупнейших российских городов. Разрабатываемые методы и инструменты должны, с одной стороны, базироваться на концептуальном понимании и реальных факторах территориальной конкурентоспособности, с другой — стимулировать улучшение территориальных условий для стратегического развития города.

Список литературы

1. Саморазвивающиеся социально-экономические системы: теория, методология, прогнозные оценки. — Т. 1, 2 / Уральское отделение РАН, Ин-т экономики УрО РАН; под общей ред. А. И. Татаркина. — Екатеринбург: Изд-во «Экономика», 2011. — 308 с.
2. Стратегия развития крупнейшего города: взгляд в будущее (научно-методологический подход)/науч. рук. авт. колл. проф. Е. Г. Анимича и проф. В. С. Бочко. — Екатеринбург: ГИПП «Уральский рабочий», 2003. — 600 с.
3. *Татаркин, А. И.* Формирование парадигмальной теории региональной экономики / А. И. Татаркин, Е. Г. Анимича // Экономика региона. — 2012. — № 3. — С. 11–21.
4. *Camagni, R.* On concept of territorial competitiveness: sound or misleading? / R. Camagni // Paper presented at the ERSA Conference. — Dortmund, 2002. <http://digilander.iol.it/econreg>.
5. *Camagni, R.* Macroeconomic and territorial policies for regional competitiveness: an EU perspective / R. Camagni, R. Capello // Regional Science Policy & Practice. — 2010. — № 2. — P. 1–19.
6. *Caragliu, A.* Smart cities in Europe / A. Caragliu, C. Del Boro, P. Nijkamp. — Amsterdam: University Amsterdam. — 2009. — 15 p.
7. *Cooke, P.* The associational economy. Firms, regions and innovation / P. Cooke, K. Morgan. — Oxford: Oxford University Press, 1998.

8. *Giffinger, R.* Territorial Capital — Understanding and Challenges for a knowledge based strategic Approach / R. Giffinger // *Territorium*. — 2008. — № 8. — P. 7–15.
9. *Giffinger, R.* Changes of metropolitan development: strategic efforts in comparison of Barcelona and Vienna / R. Giffinger, M. Stallbohm // Paper presented at EUR & UAA City Futures Conferences. — Madrid, 2009.
10. *Ewers, H.J.* Innovation and regional development / H. J. Ewers, J. Allesch. — Berlin: De Gruyter, 1990.
11. *Nijkamp, P.* Technological change, employment and spatial dynamics / P. Nijkamp. — Berlin: Springer Verlag, 1986.
12. *Romer, P.* Increasing returns and long-run growth / P. Romer // *Journal of Political Economy*. — 1986. — V. 94. — P.1002–1037.
13. *Parr, J.* Growth pole strategies in regional economic planning: a retrospective view. P. 2. Implementation and outcome / J. Parr // *Urban Studies*. — 1999. — V. 36. — P.1247–1268.
14. *Stohr, W.* On the Theory and Practice of Local Development in Europe / W. Stohr // Stohr W. (ed.), *Global Challenge and Local Responses*. — Londra: Mansell Publisher, 1990.
15. *Zielenbach, S.* The Art of Revitalization: Improving Conditions in Distressed Inner-City Neighborhoods/S. Zielenbach. — New York: Garland, 2000. — P. 17–27.
16. *Татаркин, А. И.* Конкурентная активность территорий в пространственном развитии Российской Федерации / А. И. Татаркин // *Экономика и управление*. — 2012. — № 11. — С. 20–29.

ЭКОНОМИКА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА И ИННОВАЦИИ

Ф. Ф. Рыбаков¹

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ПЕТЕРБУРГА: ОЧЕРЕДНОЙ СПАД ИЛИ КОНЦЕНТРАЦИЯ ПЕРЕД РЫВКОМ

На фоне мировой рецессии результаты работы промышленности Санкт-Петербурга можно признать удовлетворительными. В то же время промышленность города уступает по индексу промышленного производства российской промышленности в целом (табл. 1).

Таблица 1

Индексы промышленного производства в 2010—2013 гг. %*

Годы	2010	2011	2012	2013
Россия	108,2	104,7	102,6	100,3
Санкт-Петербург	108,9	113,8	104,3	98,8

* Итоги развития промышленности Санкт-Петербурга в 2012 году. — СПб., 2013. — С. 1; Итоги развития промышленности Санкт-Петербурга в 2013 году. — СПб., 2014. — С. 1.

Данные табл. 1 свидетельствуют, что в 2010—2012 гг. индекс промышленного производства в Петербурге был выше, чем по России в целом, а в 2013 г. — картина обратная. Отрицательный индекс промышленного производства Петербурга был в 2006 г. (98%), в 2009 г. (83,4%) и в 2013 г. (98,8%). В то же время в 2003, 2004, 2007 и 2011 гг. он превышал 110% [1, с. 24]. С 2003 по 2013 г. амплитуда колебаний составляла от 83,4 до 113,7%, что свидетельствует об отсутствии стабильности и устойчивости. Спад 2009 г. был значительно глубже, чем по России в целом. Объяснений по этому поводу было много: от падения внутреннего спроса до влияния вступления страны в ВТО. Однако факт остается фактом — прослеживается определенная цикличность падения индекса промышленного производства раз в 3–4 года (2006, 2009, 2013). Иногда это связывают с длительным производственным циклом в ряде ведущих отраслей (судостроении, энергомашиностроении), что, разумеется, имеет место, но главное все же не в этом. Экономика недоинвестирована, производительность труда у нас существенно ниже, чем в развитых странах, конкурентоспособность оставляет желать лучшего. Казалось бы, перечисленные причины общеизвестны и тривиальны. Тем не менее именно названные проблемы мешают динамичному развитию промышленности.

Определенные изменения происходят в структуре отгруженной продукции. В 2013 г. сократилась доля обрабатывающей промышленности в общем объеме отгруженной продукции (табл. 2) после многолетнего роста.

¹ Феликс Федорович Рыбаков, профессор кафедры экономической теории и экономической политики экономического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, д-р экон. наук.

Характерно, что изменения в структуре отгруженной продукции происходят, как правило, при падении объемов машиностроения. Так, в 2013 г. индекс промышленного производства в машиностроении (производство машин и оборудования) составил лишь 92,1%, а в производстве электрооборудования, электронного и оптического оборудования — 97,6% [2, с. 3]. В 2013 г., например, производство турбин составило лишь 60% от уровня предыдущего года.

Таблица 2

Структура отгруженной продукции по видам экономической деятельности в Санкт-Петербурге, %*

Годы	2008	2009	2010	2011	2012	2014
Добыча полезных ископаемых	0,2	0,1	0,1	0,4	0,2	0,2
Обрабатывающие производства	89,5	90,4	90,7	93,0	93,5	92,2
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	10,3	9,8	9,2	6,6	6,3	7,6

* Рассчитано по: Промышленное производство Санкт-Петербурга и Ленинградской области в 2010 году. — СПб., 2012. — С. 18; Итоги развития промышленности Санкт-Петербурга в 2012 году. — СПб., 2013. — С. 2; Итоги развития промышленности Санкт-Петербурга в 2013 году. — СПб., — 2014. — С. 2.

При падении индекса промышленного производства в 2013 г. наблюдается рост численности работающих в промышленности города (с 347 тыс. чел. в 2012 г. до 348,9 тыс. чел. в 2013 г.) [2, с. 10]. При этом структура работающих по основным видам экономической деятельности не изменилась. Наиболее трудоемкими являются радиоэлектроника и приборостроение, где работают 12% занятых в промышленности. По объему отгруженной продукции на долю данного вида деятельности приходится лишь 7,8% [2, с. 10]; на долю производства пищевых продуктов, включая напитки и табак, приходится 12% работающих и 12,5% объема отгруженной продукции; на производство транспортных средств и оборудования — соответственно 13 и 16%.

Структура отгруженной продукции в обрабатывающей промышленности города выглядит следующим образом (2012 г.):

- производство пищевых продуктов (включая напитки и табак) — 37%;
- три вида деятельности, относящиеся к машиностроению, — 33%;
- металлургическое производство и производство готовых металлических изделий — 10% [1, с. 26].

В данной статистике не учтены нефтепродукты. Как следует из приведенных данных, пищевая промышленность лидирует в структуре отгруженной продукции в 2012 г. В 2013 г. сокращение объемов производства пива на 16% и сигарет на 2% привело к изменению общей динамики.

Однако при учете производства кокса и нефтепродуктов картина резко меняется: на долю машиностроения приходится 26,3% отгруженной продукции, а на долю пищевой промышленности — всего 11,5% [3, с. 2]. По этим же данным, с 2007 по 2012 г. производство пива сократилось в Петербурге на 43,3%, при том что в начале 2000-х гг. на долю города приходилось более 20% общероссийского производства этого продукта.

Динамика производства и реализации основных видов продукции во многих случаях разнонаправленна. Продукция оборонно-промышленного комплекса растет высокими темпами, поскольку оборонный заказ по сравнению с предыдущим годом увеличился на 60%. «Оборонка» города — это более 100 предприятий. По мнению администрации Санкт-Петербурга, судостроительные предприятия загружены заказами на 5...7 лет. Это вселяет надежду на стабильность.

Заметим, что на общую динамику мезоэкономических показателей повлиял отказ от учета в общем объеме отгруженной продукции вклада предприятий, которые стоят на налоговом учете в Петербурге, но ведут деятельность в других местах (например, компании, связанные с добычей и транспортировкой нефти и газа). В результате бюджет потерял несколько десятков миллиардов рублей, но отчетность стала отражать реальное положение дел. Так, в 2012 г. на долю производства кокса и нефтепродуктов приходилось 49% объемов отгруженной продукции. В 2013 г. существенно изменились весовые показатели, отражающие долю того или иного вида экономической деятельности. Такие гиганты, как «Газпромнефть», «Сибур» и другие, не попали в отчетность Петростата. Однако бюджет города получил в 2013 г. от «Транснефти» 15 млрд рублей налоговых поступлений. С учетом общих размеров бюджета это очень весомый вклад.

Как и прежде, промышленность Петербурга производит более 10% продукции машиностроения России. С позиции инновационной экономики промышленность города еще во второй половине XIX в. являлась флагманом отечественного машиностроения. Александровский, Путиловский, Невский, Обуховский, Адмиралтейский, Балтийский, заводы Леснера, Нобеля и другие — гордость отечественного машиностроения. Однако во второй половине XX в. четко обозначились две проблемы, сдерживающие развитие промышленности, в том числе и машиностроения: хроническая нехватка квалифицированной рабочей силы и устаревшее оборудование.

В нашем городе экономически активное население составляет 2,6...2,8 млн человек, из них в промышленности занято 17% (2008 г. — 19,7%) [3, с. 10]. В отраслевом разрезе 60 тыс. человек занято в производстве электрооборудования, электронного и оптического оборудования; 40 тыс. человек — в производстве транспортных средств и оборудования; 42 тыс. человек — в производстве и распределении электроэнергии, газа и воды; 43 тыс. человек — в пищевой промышленности [3, с. 10]. Перечисленные виды деятельности наиболее трудоемки, но именно они испытывают нехватку рабочих кадров. Дело в том, что за годы рыночных «реформ» существенно сократилось число учреждений начального профессионального образования и количество обучающихся в них. Только с 2005 по 2012 г. количество указанных учреждений уменьшилось с 71 до 36, а выпуск квалифицированных рабочих — с 17,3 до 8,4 тыс. человек [4, с. 84]. За последние годы существенно увеличилось количество студентов, особенно за счет негосударственных вузов. Возникли серьезные диспропорции в подготовке кадров. Бесконтрольный поток мигрантов не обеспечивает промышленность высококвалифицированными кадрами.

В Законе Санкт-Петербурга «Об основах промышленной политики Санкт-Петербурга» предусмотрены меры по содействию в подготовке квалифицированных кадров, но в одночасье все проблемы не решить. Необходима длительная и кропотливая работа. В 2012 г., например, на дополнительно введенные рабочие места приняли 4,4 тыс. человек, в том числе в производстве транспортных средств и оборудования — 1141 человек, а в производстве электрооборудования, электронного и оптического оборудования — 646 человек [3, с. 11]. Вакантных рабочих мест в промышленности города — около 8 000 (25% от числа работающих).

По результатам опроса руководителей промышленных предприятий, одним из основных факторов, препятствующих росту объемов производства, является дефицит квалифицированной рабочей силы. В 2012 г. на эту причину указало 48% опрошенных, в 2013 г. — 58% [5, с. 4, 5].

Другая проблема, переходящая из года в год, — старение основных производственных фондов.

В табл. 3 приведены данные по фондоотдаче, рассчитанные по отношению объема отгруженной продукции к среднегодовой стоимости основных фондов трех видов экономической деятельности. Здесь необходимы определенные пояснения. Дело в том, что наш город, довольно молодой по историческим меркам, является старейшим промышленным центром России. Его материально-техническая база формировалась в XIX–XX вв., а темпы обновления и замены оборудования были весьма скромными.

Фондоотдача в промышленности России и Санкт-Петербурга, %*

Годы	Россия			Санкт-Петербург		
	2005	2010	2012	2005	2010	2012
Добыча полезных ископаемых	0,93	0,69	0,75	6,5	2,8	1,4
Обрабатывающие производства	2,44	2,40	2,46	2,9	4,8	5,7
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды.	0,50	0,54	0,34	0,29	0,27	0,20

* Рассчитано по: Россия в цифрах. 2013: краткий стат. сб. — М., 2013. — С. 74, 240; Санкт-Петербург в 2012 году: официальное издание. — СПб., 2013. — С. 122, 139.

Бросается в глаза большая разница в показателях, особенно в добыче полезных ископаемых. Данный вид деятельности представлен в Петербурге очень незначительно, главным образом добычей строительных материалов (песка). В 2005 г. рост производства в добыче полезных ископаемых составил 3,4 раза, за счет чего резко подскочил показатель фондоотдачи (см. табл. 3). Что касается динамики в обрабатывающих производствах, то здесь столь резкий скачок в 2012 г., очевидно, связан с ростом производства по ряду позиций. Например, выпуск легковых автомобилей (сборка) в 2012 г. увеличился в 1,5 раза на мощностях, созданных ранее. Тревожит отсутствие роста инвестиций в основной капитал, которые, по данным администрации города, в 2009 г. по отношению к предыдущему году составили 83,3%; в 2010 — 113,9%; 2011 — 87,1%; 2012 — 92,6%. Не принес перемен и 2013 год. Адресная инвестиционная программа выполнена всего на 75,4%, хотя по сравнению с 2012 г. (64%) есть определенные успехи. Инвестиционная привлекательность Петербурга весьма высока, о чем свидетельствуют многочисленные рейтинги.

Инвестиций недостаточно, однако их рост невозможен без существенных изменений промышленной политики. Промышленность остается основным донором городского бюджета (в 2013 г. — 39%). Разговоры о том, что эпоха индустриального развития осталась в прошлом, неконструктивны. Промышленность — основа социального благополучия. Ликвидация заводов и фабрик в угоду офисам и складам ни к чему хорошему не приведет. Отсюда и те провалы, которые периодически возникают. Нужна действенная промышленная политика — новая индустриализация.

Список литературы

1. Стратегия социально-экономического развития Санкт-Петербурга до 2030 года. Анализ социально-экономического развития Санкт-Петербурга. Версия 2. — СПб., 2013.
2. Итоги развития промышленности Санкт-Петербурга в 2013 году. — СПб., 2014.
3. Развитие промышленности Санкт-Петербурга в 2008—2012 годах. — СПб., 2013.
4. Санкт-Петербург в 2012 году. Официальное издание. — СПб., 2013.
5. Результаты опроса руководителей промышленных предприятий Санкт-Петербурга. — СПб., 2013.

С. Г. Важенин¹, В. В. Сухих², А. И. Татаркин³

ВКЛАД УРАЛА В СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ВЫСТАВОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ

В 1899 г. великий русский ученый Дмитрий Иванович Менделеев во главе научной экспедиции посетил Урал с целью изучения перспектив развития его промышленности. Он оценил их крайне высоко, написав в своем отчете: «Вера в будущее России, всегда жившая во мне, прибыла и окрепла от близкого знакомства с Уралом» [21, с. 1078]. Урал неразрывно связан с успехами России и ее утверждением как великой страны. Сейчас, когда Россия, укрепляя свой статус в мировой политике и экономике, проводит крупнейшие всемирные мероприятия (Универсиада в Казани в 2013 г., XXII зимние Олимпийские игры в Сочи в 2014 г.), уральская заявка на проведение «ЭКСПО-2020» в Екатеринбурге была достаточно своевременной.

Всемирные выставки и Россия

Появление выставок связывают с развитием в XVII–XVIII вв. французских государственных мануфактур, для демонстрации изделий которых стали организовывать специальные экспозиции. Кардинал Ришелье, а потом и Кольбер, генеральный контролер финансов Франции с 1665 г., считали одной из важнейших задач правительства — ограничение ввоза товаров из-за рубежа в ущерб отечественной промышленности. Так как одни лишь запрительные меры были неэффективны, для рекламы французских товаров стали проводить выставки, имевшие не только экономический, но и политический смысл: демонстрируя успехи государства, они были призваны обеспечить поддержку правительства. Благотворное влияние на имидж страны и ее экономическое развитие [5] обусловили быстрое распространение выставок во всех развитых странах Европы. Торговые выставки, где демонстрировались образцы местной промышленности, прошли в 1743 г. в Париже, в 1765 г. в Дрездене, в 1786 г. в Берлине. Первая общенациональная выставка достижений промышленности была организована в 1798 г. в Париже для демонстрации успехов Франции после революции 1789–1792 гг.; за ней последовали выставки 1801, 1803 и 1806 гг. [22, с. 9] В первой трети XIX в. всевозможные выставки (промышленные, кустарные, сельскохозяйственные и пр.) стали неотъемлемой частью экономической и общественной жизни европейских стран, важным показателем экономического развития и процветания.

Царская Россия не отставала от Европы. Николай I заботился о престиже своей империи и покровительствовал выставкам, видя в них прекрасный способ продемонстрировать процветание страны под его управлением. Первая выставка отечественной промышленности, прошедшая в 1829 г., показала успехи русских мануфактур [3], после чего всероссийские и ре-

¹ *Сергей Григорьевич Важенин*, заведующий сектором территориальной конкурентоспособности Института экономики УрО РАН (г. Екатеринбург), канд. экон. наук, e-mail: svazhenin@mail.ru

² *Василий Валентинович Сухих*, младший научный сотрудник сектора территориальной конкурентоспособности Института экономики УрО РАН (г. Екатеринбург), канд. экон. наук, e-mail: vsuhih@mail.ru

³ *Александр Иванович Татаркин*, директор Института экономики УрО РАН (г. Екатеринбург), академик РАН, д-р экон. наук, e-mail: tatarkin_ai@mail.ru

гиональные промышленные и сельскохозяйственные выставки стали устраивать регулярно при поддержке правительства и местных властей. Когда наследник престола Александр Николаевич в 1837 г. отправился путешествовать по стране, было предписано во всех губернских центрах создавать к его приезду выставки для показа продуктов ремесел и богатств губернии.

Развитие выставочного дела и глобализационных процессов мировой экономики неизбежно привело к идее всемирной выставки. Уже в 1851 г. в Лондоне прошла «Великая выставка промышленных работ всех народов», ставшая ключевым этапом в истории промышленной революции. В рамках выставки демонстрировались товары ремесленного и промышленного производства, технологии машинного производства, разнообразные полезные ископаемые и предметы изобразительного искусства многих стран мира. После успеха лондонской выставки подобные мероприятия стали организовывать и другие крупнейшие города Европы и США. Всемирные выставки выступали площадкой для ознакомления с многочисленными изобретениями и техническими новшествами. Так, в 1862 г. в Лондоне была представлена первая швейная машинка, в 1876 г. в Филадельфии (США) — первый телефонный аппарат, в 1893 г. в Чикаго — система электрического освещения. В 1900 г. на Всемирной выставке в Париже в обиход вошло слово «телевидение», которое впервые прозвучало в отчете русского инженера Константина Перского.

Для практического решения вопросов организации и проведения всемирных выставок в 1931 г. было создано Международное бюро выставок (МБВ), что позволило упорядочить их организацию, а после Второй мировой войны всемирные выставки стали регулярными [22, с. 187–189]. После войны организаторы «ЭКСПО» не ограничиваются показом достижений науки и техники: участники переходят к обсуждению глобальных вопросов и перспектив, стоящих перед человечеством. Всемирная выставка становится не просто отчетом о достигнутом, она определяет тренд будущего развития общества и экономики всего мира. Примечательно, что в 1970 г. всемирная выставка «ЭКСПО» впервые прошла в Азии — в городе Осака (Япония).

Последние на сегодняшний день всемирные выставки, прошедшие в 2000 г. в Ганновере (ФРГ), в 2005 г. в Айти (Япония), в 2010 г. в Шанхае (КНР), подтвердили, что эти выставки не случайно считаются олимпийскими играми в области экономики и научно-технических достижений. Шанхай предстал финансово-экономической и урбанистической витриной успешного процветающего Китая. В «ЭКСПО-2010» приняли участие 73 млн посетителей более чем из 190 стран. Тема выставки — «Лучше город — лучше жизнь» — была крайне актуальной для Шанхая, имела важные социальные последствия. Ближайшая выставка «ЭКСПО» пройдет в Италии (Милан) в 2015 г.

Россия (и в частности Урал [15]) активно участвовала практически во всех всемирных выставках начиная с самой первой в Лондоне (1851 г.). Поэтому достаточно рано появились предложения о проведении собственной всемирной выставки. В 1893 г. в правительстве Российской империи рассматривалась возможность организации всемирной выставки, приуроченной к 200-летию основания Санкт-Петербурга, однако проект был отклонен из-за финансовых и политических проблем. СССР сумел добиться решения МБВ о проведении всемирной выставки 1967 г. в Москве под лозунгом «Прогресс и мир!», посвятив ее полувековому юбилею Великой Октябрьской революции. Но в силу организационных и финансовых проблем Советский Союз вскоре отказался от выставки и больше не подавал заявок на ее проведение. Только в 1999 г. Россия выдвинула кандидатуру Москвы в качестве организатора всемирной выставки 2010 г., проиграв в конечном итоге Шанхаю [22, с. 238, 344–347]. К сожалению, проиграла и заявка Екатеринбурга на проведение «ЭКСПО-2020». Однако выставочный потенциал города достаточно велик, чтобы в будущем успешно бороться за «ЭКСПО». Обращение к историческому опыту развития выставочного дела в Екатеринбурге позволит лучше подготовиться к последующим заявкам, не повторить прошлых ошибок, сохранив все лучшее, что было достигнуто.

История выставок в Екатеринбурге

Екатеринбург как центр богатого промышленно развитого края, к моменту появления всемирных выставок уже имел определенный выставочный потенциал. Далеко за пределами Урала были известны изделия екатеринбургских железоделательных и камнерезных предприятий, местного монетного двора, продукты уральских кустарных промыслов, золотые прииски в окрестностях города. Высоко оценивались не только природные богатства края, но и уникальный человеческий потенциал. Герцог Максимилиан Лейхтенбергский по поручению императора Николая I, который в 1845 г. инспектировал уральские заводы, отмечал в своем рапорте, что «... народонаселение хребта Уральского одарено вообще здоровым умом, деятельно и проникнуто духом ремесленности» (цит. по [16, с. 110–111]).

Однако существовали объективные трудности, замедлившие развитие выставочного дела в Екатеринбурге. Сказывалось своеобразие царившего в городе до 1860-х гг. военизированного по сути управления заводами. Весь Горный Урал, формально входивший в Пермскую губернию, имел особый статус Уральской горной области, фактически став государством в государстве в подчинении у главного начальника горных заводов, ответственного только перед императором. Постоянный конфликт интересов пермской гражданской губернской и екатеринбургской военно-горной администраций, осложненный противостоянием чиновников с владельцами частных заводов, отнюдь не способствовал координации усилий по развитию края и представлению его богатств.

Горное правление в Екатеринбурге управляло заводами, руководствуясь исключительно пожеланиями императора и собственным видением отстаивания интересов казны. При этом оно демонстрировало потрясающее безразличие к организации выставок для развития вверенных ему территорий и предприятий. Даже приезд императора Александра I осенью 1824 г. не был ознаменован какой-либо выставкой местных изделий и диковинок, хотя город заинтересовал государя, и он подробно осмотрел Екатеринбург, Верх-Исетский завод, посетил Шарташ и Березовские золотые прииски [14, с. 31–34]. Когда 26–30 мая 1837 г. Екатеринбург принимал наследника престола Александра Николаевича во время его путешествия по России, то опять-таки никакой особой выставки к приезду цесаревича не было подготовлено. Это тем более странно, что значение выставок для рекламы предприятий прекрасно осознавалось на Урале того времени. При посещении наследником и его свитой частного Нижнетагильского завода местные управители в рамках программы показа достижений завода представили специально устроенную выставку, где наряду с полной номенклатурой изделий демидовских заводов и с образцами природных богатств нижнетагильского округа демонстрировались изделия заводских умельцев: художественное чугунное литье, подносы с росписью и т. д. [13, с. 208].

Мешало организации и проведению выставок и то, что в отличие от старорусских городов Екатеринбург не был одновременно управленческим, церковным и ярмарочным центром. Так, в старорусских городах Приуралья, таких как Соликамск и Чердынь, развитие выставок начиналось с ярмарок, приуроченных к съезду паломников к крупным религиозным праздникам и становившихся центром притяжения для всего края. Отсутствие в городе крупной ярмарки или значимых православных святынь затрудняло организацию любой промышленной или сельскохозяйственной выставки, на которую нужно было завлечь участников и посетителей в достаточном количестве.

На момент основания Екатеринбурга церковным и паломническим центром Горного Урала было Верхотурье, а крупнейшая ярмарка края (и вторая по обороту всероссийская после Нижегородской) проводилась с 1643 г. в Ирбите [11]. Уже при постройке Екатеринбурга В. Н. Татищев планировал перенести в него ярмарку, предполагая получить финансовую выгоду, укрепить статус нового поселения и создать рекламу горной промышленности. Однако

из-за противодействия купечества ярмарка осталась в Ирбите. Так что даже при наличии явных экономических предпосылок к проведению выставок Екатеринбург долгое время обходился без них. Чиновники не видели от выставок пользы, купцы ездили на ярмарку в давно знакомый и прочно освоенный Ирбит, решая там свои дела подальше от чиновного начальства. Паломники шли в Верхотурье, не задерживаясь в Екатеринбурге — ни о каком внутреннем или иностранном туризме и речи не было. Лучшую продукцию заводов и гранильной фабрики отправляли в Петербург, общественная жизнь Горного Урала оставалась неразвитой.

Только после реформ 1860-х гг., когда наметился упадок уральской горной промышленности, обусловленный стремительным устареванием техники, исчерпанием разведанных запасов руд при постоянном топливном кризисе из-за работы на древесном угле, чиновники стали перенимать опыт частных в умении представить край в лучшем свете хотя бы перед представителями царствующей династии. В июле 1873 г. к приезду в Екатеринбург Великого Князя Алексея Александровича, четвертого сына императора Александра II, в здании казенной Гранильной фабрики открылась выставка продукции уральских заводов и кустарей. Пожертвованные по окончании выставки экспонаты положили начало металлургическому музею при вновь созданном Алексеевском реальном училище, названном в честь гостя.

По сути дела, единственной крупной и знаковой выставкой в дореволюционном Екатеринбурге стала Сибирско-Уральская научно-промышленная выставка (1887 г.). В ней приняли участие почти 4 тысячи экспонентов из 32 губерний Российской империи. Почетным президентом выставки стал Великий князь Михаил Николаевич Романов. История организации и проведения этой выставки хорошо изучена [10, с. 77–86; 12, с. 198–244], поэтому отметим только наиболее значимые с экономической точки зрения моменты.

Идея проведения столь грандиозной выставки несла в себе значительные риски. В сентябре 1871 г. усилиями разных структур была организована Тюменская выставка, оценивая которую, пресса писала: «Тюменская выставка, как первая попытка, не оправдала ожиданий, и, следовательно, потребность ее в Западной Сибири не уяснилась, хотя промышленность края быстро увеличивается» [2]. Были сомнения и по поводу возможности проведения выставки в Екатеринбурге. Однако успех выставки был несомненен, ее посетило более 80 тысяч человек (при населении тогдашнего Екатеринбурга в 37309 человек), интерес к ней был велик не только внутри России, но и за рубежом. Успешность ее проведения была обусловлена целым рядом факторов:

1. Постройка железной дороги, сделавшей Екатеринбург гораздо доступней для посещения и доставки экспонатов.
2. Создание Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ), готового провести выставку в рамках политики развития общества и его музея.
3. Осознание управляющими казенных и частных заводов важности рекламы своей продукции в условиях, когда Урал стал сдавать свои позиции в металлургии.
4. Общий подъем уральского патриотизма и местного общества.
5. Общероссийские тенденции к развитию выставочной деятельности.

Выставка стала уникальным примером успешного сотрудничества государственных органов, предпринимателей и общественности. Решающим фактором успеха было содействие администрации железной дороги, кровно заинтересованной в увеличении грузоперевозок и продвижении уральских товаров и потому предоставившей под выставку обширную территорию в самом центре города с готовыми павильонами для основных разделов.

Современники высоко оценивали значение этой выставки для развития края. По мнению Д. Н. Мамина-Сибиряка, она послужила прекрасным подтверждением центрального положения Екатеринбурга и открыла широкие перспективы, особенно для кустарных промыслов, которые должны были спасти Урал при кризисе горной промышленности [14, с. 63–65].

Однако выставка 1887 г. стала первым и последним мероприятием такого масштаба в Екатеринбурге. Для этого были серьезные причины. Горнозаводская промышленность Урала переживала тяжелый спад и проигрывала в конкуренции более молодым промышленным центрам. Кустарная промышленность, на оживление которой была нацелена выставка, тоже не смогла развиваться в силу многочисленных законодательных и управленческих ограничений. К тому же торговля с западными странами и активное проникновение иностранного капитала на Урал [6, с. 3–15] актуализировали участие в выставках за рубежом.

Несмотря на все надежды и благоприятный для Урала отчет Д. И. Менделеева министру финансов С. Ю. Витте правительственный план развития края в дореволюционной России так и не был разработан. Только частные лица продолжали пропагандировать богатства Урала и развивать его промышленность, в том числе путем организации своих выставок и участия в международных и российских выставках. Особо выделим выставку «Урал и его богатства» знаменитого екатеринбургского художника и знатока камня А. К. Денисова-Уральского, где художественные произведения и минералогические экспонаты дополняли друг друга, рисуя яркую картину Урала. Выставка открылась в Екатеринбурге в ноябре 1900 г., в конце 1900 — начале 1901 г. демонстрировалась в губернской столице Перми, в 1902 г. была показана в Петербурге при неизменном успехе и интересе публики. В 1911 г. выставка, дополненная новыми художественными и минералогическими материалами, вновь была организована в Петербурге [18, с. 10–15]. При Нижнетагильских демидовских заводах была организована выставка-музей. Посетивший ее Д. И. Менделеев отметил, что там сохранялись экспонаты, демонстрировавшиеся на крупных зарубежных выставках, — видимо, тщательную подготовку к подобным мероприятиям владельцы завода считали крайне важной.

Революция 1917 г. и победа большевиков в гражданской войне открыла для Екатеринбурга, переименованного в 1924 г. в Свердловск, новые перспективы. Он стал губернским центром, а потом — центром огромной Уральской области. Статус столичного города Урала требовал качественно иной организации ярмарочно-выставочной деятельности, тем более что в условиях нэпа допускались частная торговая инициатива и элементы рыночных отношений. Заметно возросла потребность в организации и проведении выставок и ярмарок, так как Первая мировая и гражданская войны разрушили прежние хозяйственные и снабженческие связи.

В 1923 г., когда праздновали двухсотлетний юбилей Екатеринбурга, по инициативе УОЛЕ была организована Юбилейная временная выставка, преимущественно историко-краеведческой направленности, с одновременной демонстрацией успехов кустарной промышленности [11, с. 312–314]. В феврале 1925 г. впервые открылась Свердловская ярмарка, повторно прошедшая в декабре того же года [9, с. 131–132]. На ярмарке планировались и проводились выставочные мероприятия.

В условиях нэпа советское правительство активно поддерживало развитие ярмарок, возвращавших себе не только внутрисоветское, но и международное значение. В 1925 г. Нижегородская ярмарка, к примеру, стала одним из 20 учредителей (единственным из СССР) Международного союза ярмарок (UFI) [17]. Однако стремительное сворачивание нэпа стало для ярмарок роковым. Свердловская ярмарка прошла в последний раз в 1927 г. В 1929 г. были закрыты Нижегородская и Ирбитская ярмарки как несовместимые с новой внутриэкономической политикой правительства. В этом же году было ликвидировано УОЛЕ — организатор и активный участник всех выставок Екатеринбурга на протяжении полувека.

Новой власти не нужны были институты гражданского общества и частные инициативы в развитии промышленности, однако потребность в выставках для хозяйственных и идеологических нужд существовала. Только теперь они проводились в соответствии с партийными решениями для демонстрации успехов советской индустриализации.

В 1929 г. в Екатеринбурге прошла выставка достижений в честь VII Областного съезда Советов. Ликвидация УОЛЕ не повлекла за собой закрытие музея общества, он стал государственным и основным для Свердловска. Помимо исторических и природных экспонатов в краеведческом музее был раздел, посвященный современной промышленности Урала. В 1936 г. было принято решение организовать с участием всех заинтересованных организаций в Свердловске при Уральском доме техники большую, небывалую до тех пор выставку минералов и горных пород. Выставка создавалась в целях демонстрации минерально-рудных богатств и достижений за 20 лет Советской власти в области разведки, добычи полезных ископаемых и геологического изучения Урала. Ее так и называли: «Горные богатства Урала и достижения геологии за 20 лет». 1 августа 1937 г. общеуральская выставка заработала, став позднее Уральским геологическим музеем [19, с. 21–22].

В годы Великой Отечественной войны из-за утраты промышленных центров на территории западной части СССР Урал стал основной кузницей оружия. Поэт Алексей Недогонов в годы войны написал «Балладу о железе», где были такие строчки: «По долинам России прошло испытанье железом: против сталелитейного Рура мы выставили Урал». Образ Урала как опорного края державы был оформлен не только в литературе, но и в отдельной выставке. В 1944 г. в Свердловске состоялась выставка «Урал — кузница оружия», которая по составу участников с полным основанием могла считаться всесоюзной: экспонировалось около трехсот произведений более ста художников из городов Урала, Москвы, Ленинграда, Киева и др.

Урал активно участвовал в составе советских представителей в послевоенных всемирных выставках. За рубежом интерес к уральской промышленности был неизменно высок. К 1984 г. продукция с маркой предприятий Свердловской области поставлялась в 80 стран мира [8, с. 4]. Поэтому в генплане Свердловска к 1976 г. на южной стороне Верх-Исетского пруда были зарезервированы специальные территории для сооружения Выставки достижений народного хозяйства Свердловской области. С площади перед выставкой должен был начинаться расширенный проспект Ленина — главная улица города [20, с. 67–70]. И хотя эту выставку построить не успели, близость площадки предполагаемых павильонов к центру города заставила вновь определить ее как оптимальную для строительства зданий «ЭКСПО-2020». Возможно, что не реализованные в свое время планы будут воплощены в жизнь в XXI в. с учетом требований нового времени, если Екатеринбургу удастся стать победителем в международном конкурсе на проведение «ЭКСПО».

Заявка Екатеринбурга на проведение «ЭКСПО-2020»

Оправданна ли была заявка России и Екатеринбурга на проведение «ЭКСПО-2020» и каковы перспективы ее реализации? Можно с уверенностью констатировать, что заявка имела благоприятные перспективы. Современная Россия является идеальной площадкой для обмена мнениями и идеями для решения глобальных проблем, к тому же Россия выходит на новый этап своего развития: совсем недавно она официально вступила в ВТО. По данным Торгово-промышленной палаты, Россия занимает 7-е место на мировом выставочном рынке. В стране ежегодно проводится порядка 2000 выставок, площадь которых составляет свыше 3 млн м², а число посетителей — более 10 млн человек. Ежегодно в выставках участвуют около 140 тысяч российских экспонентов и около 20 тысяч зарубежных компаний.

Выбор Екатеринбурга под «ЭКСПО-2020» был не случаен. Являясь четвертым по величине городом России и крупнейшим российским городом в Азии, Екатеринбург постоянно подтверждает свою конкурентоспособность и свой статус столицы экономики, промышленности, торговли, культуры, образования, выставочной деятельности и спорта в одном из мощнейших развивающихся регионов страны [4]. Выдвижение региональной столицы на проведение «ЭКСПО» стало воплощением новой политики федерального регионального развития, оформило

статус Екатеринбурга как одной из наиболее востребованных площадок международного сотрудничества. Возрастание роли Екатеринбурга — закономерный итог почти трехвековой его истории, накопления и реализации огромного потенциала Горного Урала.

Помимо развитой горной, машиностроительной, электронной и фармакологической промышленности, уникального географического положения на границе Европы и Азии, памятников природы и истории у Екатеринбурга есть и другие преимущества.

Наличие опыта выставочной деятельности. В Екатеринбурге действует один из крупнейших в России выставочных центров — МВЦ «Екатеринбург-Экспо» (94 тыс. м²), а также 8 специализированных центров. С 2010 г. в Екатеринбурге проводится крупнейшая промышленная выставка страны — ИННОПРОМ, получившая в 2013 г. статус международной. ИННОПРОМ-2013 (тема выставки — «Глобальная промышленность: стратегия и риски») за четыре дня посетили около 60 тысяч гостей. В деловой и выставочной программе приняли участие официальные делегации более 70 стран мира (в 2012 г. участвовали представители из 32 стран). Состоялось более 150 мероприятий в рамках деловой программы; более 550 компаний приняли участие в выставке в качестве экспонентов.

У города есть возможности и опыт принятия большого количества гостей предполагаемой всемирной выставки. Екатеринбург уже стал одним из лидеров событийного туризма. В 2012 г. столицу Среднего Урала посетили около 1 млн человек, к услугам которых 109 гостиниц на 9,1 тыс. номеров (3-е место в стране по уровню обеспеченности номерным фондом). Екатеринбург — третий по величине транспортный узел России, который включает 6 федеральных автомобильных трасс, 7 магистральных железнодорожных линий, аэропорт Кольцово.

Рядом с Екатеринбургом расположен крупный всемирно известный Федеральный выставочный центр в Нижнем Тагиле, который включает павильоны общей площадью более 3,5 тыс. м² и открытые площадки (9,3 тыс. м²). В Нижнем Тагиле регулярно проводятся выставки вооружений и продукции машиностроения. В 2013 г. успешно прошла IX международная выставка вооружений, военной техники и боеприпасов Russia Arms EXPO-2013. Около 400 экспонентов из 40 стран стали участниками выставки, которая разместилась на полигоне НТИИМ «Старатель». Общая площадь экспозиции составила свыше 400 тыс. м². На выставке побывали гости из 70 стран и 43 официальных делегации.

Успешное развитие бизнеса и привлечение зарубежных инвестиций. Екатеринбург представляет значительный интерес для зарубежных экономических кругов. В столице Урала ежегодно проводится около 400 крупных конгрессных мероприятий, в которых участвуют более 100 тыс. человек. Согласно рейтингу Forbes-2011, у Екатеринбурга 2-е место среди «лучших российских городов для бизнеса». В 2012 г. Екатеринбург возглавил список российских городов-миллионников по объему инвестиций в основной капитал крупных и средних организаций. По итогам 2012 г. Екатеринбург привлек инвестиции на общую сумму около 132 млрд рублей. На втором месте идет Казань (117 млрд рублей), далее следует Новосибирск (около 82 млрд рублей). Екатеринбург привлек инвестиций больше, чем Уфа и Челябинск вместе взятые. Город занимает 3-е место в России (после Москвы и Санкт-Петербурга) по количеству крупных самостоятельных банков.

В столице Среднего Урала на каждую тысячу жителей приходится 600 м² торговых площадей (второй показатель в России). Сегодня в Екатеринбурге действует 81 бизнес-центр общей площадью порядка 1,15 млн м².

Развитое международное сотрудничество. В 2009 г. в Екатеринбурге успешно прошли саммит Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и саммит встреч стран — лидеров БРИК (Бразилии, России, Индии и Китая); в 2013 г. состоялись саммит Россия — Евросоюз, а также X международный форум сотрудничества России и Казахстана. В мероприятиях форума приняли участие около 3 тыс. человек, в том числе официальные делегации 16 российских регионов и 10 акиматов Казахстана.

По данным таможенной статистики, внешнеторговый оборот Свердловской области в 2012 г. составил около 13 млрд долларов. Екатеринбург — центр международного сотрудничества, в нем действуют более 20 консульств и торговых представительств иностранных государств. В городе работают свыше 300 международных компаний более чем из 60 стран.

Развитое сотрудничество государственных и муниципальных органов власти с бизнес-сообществом. В Екатеринбурге накоплен колоссальный опыт взаимовыгодного сотрудничества органов власти всех уровней и бизнес-сообщества. Это сотрудничество развивается не только в индустрии торговли и развлечений, в развитии внутригородского транспорта и т. д., но и в таких проектах, как «Академический район», получивший всероссийскую и международную известность. В частности, «Академический район» был представлен как удачный пример государственно-частного партнерства на МIPIM-2013 (Франция, Канны) [1], крупнейшей ежегодной выставке мирового формата в сфере недвижимости.

Образовательный и культурный центр. В Екатеринбурге расположен Уральский федеральный университет имени Б. Н. Ельцина, входящий в топ-500 мировых университетов по версии QS World University Rankings; в городе 45 вузов и 20 научно-исследовательских институтов; есть всемирно известные творческие коллективы и площадки для выступлений.

Научный и инновационный центр. Екатеринбург является центром Уральского отделения Российской академии наук, здесь расположены двадцать из тридцати восьми научных учреждений отделения, оказывающих непосредственное влияние на изучение и развитие региона. В городе сложились всемирно известные научные школы, с каждым годом расширяются международные связи отделения. Во многом благодаря УрО РАН в Екатеринбурге сформирована развитая инновационная инфраструктура, в которую входят несколько технопарков («ИнтелНедра», ИТЦ «Академический», «Приборостроение» и др.) и бизнес-инкубаторов.

Всемирное историческое значение города. Екатеринбург — уникальный памятник индустриального наследия XVIII–XX вв., возникший в результате сплава европейской и русской культуры, недаром основателями города являются В. Н. Татищев и голландец В. де Геннин. Велико значение Екатеринбурга как одного из центров самобытной старообрядческой культуры Урала, известной в частности феноменом Невьянской иконы. С Екатеринбургом связаны биографии многих всемирно известных исторических личностей, таких как последний русский царь Николай II.

Все эти преимущества позволили Екатеринбургу подготовить сильную заявку на проведение выставки «ЭКСПО-2020» с темой «Глобальный разум». В городской администрации объем инвестиций для подготовки и проведения «ЭКСПО-2020» оценивали в 350..400 млрд рублей. Согласно заявочному досье Екатеринбурга, выставку планировалось разместить в городе на территории 500 га.

Проиграв заявку на «ЭКСПО-2020», город и область не намерены останавливаться на полпути. 25 декабря, подводя итоги 2013 г., губернатор Свердловской области Евгений Куйвашев объявил, что Екатеринбург подаст заявку на проведение Всемирной универсальной выставки «ЭКСПО-2025». Подобные проекты даже в случае проигрыша несомненно приносят пользу городу. Среди «приобретений» от участия Екатеринбурга в борьбе за «ЭКСПО-2020» чаще других называются:

- масштабное и активное продвижение Екатеринбурга, Урала, России в современном экономическом пространстве;
- заметное позиционирование региональных товаропроизводителей на мировых рынках товаров и услуг;
- улучшение деловой репутации и инвестиционной привлекательности города, области, всего Уральского федерального округа.

В преддверии итогового голосования за право проведения «ЭКСПО-2020» российские делегации посетили более 80 стран — членов Международного бюро выставок — с презента-

цией заявки Екатеринбурга. Заявка была представлена почти на 20 международных форумах, в том числе в рамках саммита G20 в Санкт-Петербурге.

В то же время следует выделить основные причины поражения в борьбе за проведение «ЭКСПО-2020», признанные руководителями Свердловской области, города Екатеринбурга и Заявочным комитетом:

- отсутствие необходимого опыта подготовки и участия в подобных международных мероприятиях;

- отсутствие должной поддержки «ЭКСПО-2020» горожанами, так как многие жители Екатеринбурга просто не поняли, что такое «ЭКСПО-2020» и какие выгоды выставка даст городу и горожанам. Людей не убедили в том, что «ЭКСПО» — это не цель, а средство активного и масштабного развития города в интересах жителей. К тому же заявочный комитет существовал и работал чрезмерно закрыто, без обратной связи с жителями Екатеринбурга;

- перспектива проведения выставки «ЭКСПО-2020» не получила в России одобрения и доверия как со стороны бизнеса, так и гражданского общества. К сожалению, проект не стал для России общенациональным. К тому же неоднозначным было отношение к проекту ряда руководителей федеральных ведомств, считавших траты на «ЭКСПО-2020» обременительными для России, нецелесообразными в условиях наступающего экономического кризиса. После проведения в России Саммита АТЭС во Владивостоке, Универсиады в Казани, Олимпиады в Сочи и подготовки чемпионата мира по футболу в 2018 г. отношение россиян к крупным международным мероприятиям стало негативным в связи с высокой коррупционной составляющей;

- победитель на проведение «ЭКСПО-2020» город Дубай обладал фактически неограниченными финансовыми ресурсами, которые использовались, в том числе для получения поддержки стран, участвующих в голосовании;

- неблагоприятная ситуация на мировой политической арене. Против России откровенно работали крупнейшие европейские страны. Одни остро реагировали на «антигейский» закон, другие — на Эдварда Сноудена, получившего убежище в России, третьи — на ситуацию с Гринписом, четвертые — на участие России в разрешении конфликта в Сирии.

Представляется, что Россия в перспективе не откажется от возможности организовать и провести у себя «ЭКСПО». В этом случае будет полезен и уральский опыт выставочной деятельности, в том числе опыт участия Екатеринбурга в борьбе за «ЭКСПО-2020».

Список литературы

1. Академический район в Екатеринбурге представлен зарубежным экспертам как удачный пример государственно-частного партнерства // URL: <http://www.pppinrussia.ru/main/novosti/news/closeup/7200>

2. *Алексеев, В. В.* Выставки на Урале и Сибири: исторический опыт / В. В. Алексеев // URL: http://www.uran.ru/reports/usspe_c_2003/thesesofreports/t1.htm

3. *Беляновский, А.* «Это наши мирные трофеи» (к 175-летию первой в России торгово-промышленной выставки) / А. Беляновский // URL: http://www.informexpo.ru/new/view_content.php?id=256

4. *Важенин, С. Г.* Индустрия выставочного бизнеса / С. Г. Важенин, А. И. Татаркин, С. Н. Гаврилова. — Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2004. — 68 с.

5. *Важенина, И. С.* Имидж и репутация территории / И. С. Важенина // Региональная экономика: теория и практика. — 2010. — № 23. — С. 2–12.

6. *Дмитриев, А. В.* Проблемы использования зарубежных инвестиций в экономике Урала / А. В. Дмитриев. — Екатеринбург: НИИМК, 1996. — 48 с.

7. Екатеринбург за двести лет (1723–1923 гг.). — Екатеринбург: Гранит, 1923. — 314 с.

8. *Ельцин, Б. Н.* На переднем крае созидания / Б. Н. Ельцин // Свердловская область за 50 лет (цифры и факты). — Свердловск: Средне-Уральское книжное изд-во, 1984. — 256 с.
9. *Захаров, С.* Позавчера и вчера. Из записок старожила / С. Захаров // Урал. — 1991. — № 12. — С. 131–136.
10. *Зорина, Л. И.* История Уральского общества любителей естествознания / Л. И. Зорина // Ученые записки Свердловского областного краеведческого музея. — Т. 1. — Екатеринбург, 1996. — 208 с.
11. *Корепанов, Н. С.* Ирбит и Ирбитская ярмарка в XVIII веке / Н. С. Корепанов // Ирбитская ярмарка: Очерки истории Урала. — Вып. 20. — Екатеринбург: Банк культурной информации, 2003. — 88 с.
12. *Корепанова, С. А.* Промышленные выставки России XIX века: к 120-летию Сибирско-Уральской научно-промышленной выставки 1887 г. / С. А. Корепанова. — Екатеринбург: Изд-во «КВАДРАТ», 2007. — 320 с.
13. *Курочкин, Ю. М.* Уральские находки / Ю. М. Курочкин. — Свердловск: Средне-Уральское книжное изд-во, 1982. — 272 с.
14. *Мамин-Сибиряк, Д. Н.* Город Екатеринбург / Д. Н. Мамин-Сибиряк // И. И. Симанов. Город Екатеринбург: сб. историко-статистических и справочных сведений по городу. — Екатеринбург, 1998 (Репринт издания 1889 г.). — С. 9–65.
15. *Мезенин, Н. А.* Урал на всемирных выставках / Н. А. Мезенин. — Свердловск: Средне-Уральское книжное изд-во, 1981. — 124 с.
16. *Мурзина, И. Я.* Культура Урала. Очерки становления и развития региональной культуры / И. Я. Мурзина, А. Э. Мурзин. — Ч. 1. — Екатеринбург, 2006. — 244 с.
17. Нижегородская ярмарка. URL: <http://www.yarmarka.ru/content/fair.html>
18. *Павловский, Б. В.* А. К. Денисов-Уральский / Б. В. Павловский. — Свердловск: Свердловское книжное изд-во, 1953. — 85 с.
19. *Пронин, Л. А.* Уральский геологический музей / Л. А. Пронин. — Свердловск: Средне-Уральское книжное изд-во, 1985. — 288 с.
20. Свердловск орденноносный. — Свердловск: Средне-Уральское книжное изд-во, 1977. — 144 с.
21. Уральская железная промышленность в 1899 году / под ред. Д. И. Менделеева // Д. И. Менделеев. Сочинения. — Т. XII. — Л.; М.: Изд-во АН СССР, 1949. — 1096 с.
22. *Шпаков, В. Н.* История всемирных выставок / В. Н. Шпаков. — М.: АСТ; Зебра Е, 2008. — 384 с.

С. В. Мельников¹, В. А. Плотников²

**СПЕЦИФИКА ЦЕНООБРАЗОВАНИЯ
НА РОССИЙСКОМ ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОМ РЫНКЕ
В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЛЕКАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

Динамика развития российской экономики в посткризисный период претерпела качественные изменения в сравнении с периодом 2000–2007 гг. Если в период между кризисами 1998 и 2008 гг. средние темпы роста ВВП РФ приближались к 8% в год, то после спада на 7,8% в 2009 г. и «отскока» до +4,5% в 2010 г. они стали замедляться. В документе «Об уточнении основных параметров прогноза социально-экономического развития Российской Федерации на 2014 год», опубликованном Минэкономразвития России 27 декабря 2013 г., осуществлена очередная корректировка (понижение) основных макроэкономических параметров прогноза развития страны. Оценка роста ВВП в 2013 г. снижена до 1,4% против 1,8% в ранее утвержденном прогнозе, а на 2014 г. — с 3,0 до 2,5%. Аналогичные, достаточно сдержанные, оценки темпов роста российской экономики дают Всемирный банк, Международный валютный фонд и другие авторитетные организации.

Безусловно, замедление темпов роста экономики отрицательно сказывается на параметрах социально-экономического развития, приводит к снижению уровня и качества жизни населения [1]. Существенно возрастают угрозы национальной безопасности в различных сферах: экономической, технологической, продовольственной и т. д. [2–4 и др.]. Одной из составляющих безопасности является лекарственная.

Лекарственные средства (ЛС) относятся к специфическим наукоемким продуктам с высокой социальной значимостью. Доступность и эффективность лекарственных препаратов являются основополагающими факторами, обеспечивающими поддержание человеческого потенциала страны и, как следствие, уровня развития экономики в целом. Отметим, что эффективное обеспечение ЛС приобретает особую важность с учетом глобальной тенденции старения населения [5]. В этой связи возникает проблема лекарственной безопасности, под которой мы понимаем независимость страны в обеспечении населения доступными ЛС.

Между тем ситуация в этой области довольно сложная [6, с. 3, 5]. По имеющимся данным, объем коммерческого рынка готовых ЛС в России в декабре 2013 г. вырос на 17% по сравнению с ноябрем и составил 46,7 млрд рублей. По итогам аптечных продаж за декабрь 2013 г. коммерческий рынок лекарств в натуральном выражении был равен 412,7 млн упаковок, что на 2,8% больше, чем за аналогичный период 2012 г. Средневзвешенная стоимость упаковки лекарственного препарата в декабре 2013 г. по сравнению с январем увеличилась на 16,2% и составила 116,7 рублей. Рост цены лекарственных средств опережает темпы инфляции, которая, согласно оценкам Минэкономразвития России, в 2013 г. составляет 6,5...6,7%. При этом растет объем продаж лекарств, что на фоне более сдержанного роста реальных доходов населения (по оценке

¹ *Сергей Владимирович Мельников*, аспирант Санкт-Петербургской государственной химико-фармацевтической академии, e-mail: ycl.nov@mail.ru

² *Владимир Александрович Плотников*, профессор Санкт-Петербургского государственного экономического университета, д-р экон. наук, профессор, e-mail: plotnikov_2000@mail.ru

Минэкономразвития России за 2013 г. — 3,9%) приводит к снижению уровня и качества жизни из-за перераспределения доходов в пользу фармацевтической продукции.

Ухудшается структура продаж ЛС с позиций экономической доступности для населения. В декабре 2013 г. продолжилось сокращение доли лекарств с ценой 50...150 р./упак. (с 23,6% в декабре 2012 г. до 21,1% в декабре 2013 г.); на 1,2% увеличился удельный вес лекарств ценой от 150 до 500 р./упак. (с 46,4 до 47,6%); доля на рынке препаратов низшей ценовой группы (дешевле 50 р./упак.) уменьшилась с 8,3 до 6,9%; ЛС дороже 500 р./упак. занимали по итогам декабря 2013 г. 24,3% коммерческого рынка, что на 2,5% больше, чем в декабре 2012 г.

Имеются сложности с обеспечением лекарственной независимости РФ. Хотя по итогам декабря 2013 г. 54% препаратов, реализованных на рынке, являлись отечественными (в натуральных единицах измерения), однако из-за невысокой цены относительно импортных лекарств в стоимостном выражении они занимают лишь 24%, т. е. свыше 75% объема российского рынка готовых лекарственных средств (в стоимостном выражении) приходится на импортные препараты. И здесь наблюдается негативная тенденция: в декабре 2012 г. удельный вес российских препаратов в натуральных единицах составлял 56%, а их доля в стоимостном объеме — 25%.

Господство на российском фармацевтическом рынке иностранных производителей в условиях стремительной девальвации в январе 2014 г. курса рубля неминуемо приведет к скачку цен на иностранные ЛС. По данным Центробанка России, с 1 по 31 января 2014 г. курс рубля по отношению к доллару вырос с 32,6587 до 35,2448 (на 7,9%). В этой связи следует ожидать роста розничных и оптовых цен на ЛС иностранного производства, значительно опережающего по темпам инфляцию по другим товарным группам. Введение административных ограничений на стремительный рост цен может вызвать снижение объемов импорта лекарств и соответственно их доступности, поэтому ценовое регулирование на фармацевтическом рынке приобретает особую остроту.

Специфика ценообразования на лекарственные средства, по мнению авторов, определяется:

- высокой социальной значимостью продукта;
- сложной структурой товаропроводящей цепочки, особенностями транспортировки и хранения лекарственных препаратов на всем протяжении логистической цепи;
- шириной, глубиной и спецификой ассортимента, его изменчивостью, возможностями поставок на рынок ЛС с аналогичным терапевтическим эффектом, но с различными действующими веществами и под разными торговыми марками;
- принципами расчета между фармацевтическими и медицинскими компаниями;
- государственным контролем цен на определенные группы препаратов.

С учетом перечисленных факторов цена лекарственного препарата на фармрынке определяется [7–14 и др.]:

1. Себестоимостью массового производства.
2. Непроизводственными расходами фармацевтической компании (на исследования и разработки, обучение персонала, рекламу, обеспечение взаимодействия с регулирующими органами и т. д.).
3. Объемом предложения на рынке с учетом конкуренции со стороны препаратов-дженериков.
4. Влиянием законодательной и нормативно-правовой базы (в случае с российским фармрынком определяющее значение имеет включение препарата в список жизненно необходимых и важнейших лекарственных препаратов (ЖНВЛП), а также в систему госзакупок).
5. Клинической эффективностью применения ЛС (как самостоятельно, так и в составе комплексной терапии), структурой и стоимостью полного курса лечения.
6. Инновационностью препарата (ценообразование на новые ЛС является достаточно сложным, так как они не имеют аналогов и их трудно сравнивать с препаратами предыдущих поколений данной фармакологической группы.)

7. Качеством фармацевтической продукции.
 8. Социальной востребованностью и доступностью — цена ЛС должна учитывать платежеспособность населения и распространенность информации о его применении.
 9. Патентной защитой — стоимость дженериков гораздо ниже, чем оригинальных препаратов, что определяется правовой защитой рецептуры и наименований последних.
 10. Политикой государства (речь идет о стратегиях, концепциях и инструментарии регулирования развития потребительского рынка, сферы предпринимательства, социальной сферы, здравоохранения и т. д.).
 11. Региональной распространенностью заболеваний и особенностями территориальной и демографической структуры заболеваемости, что подтверждают различные версии списков ЖНВЛП.
 12. Бюджетным субсидированием (из средств федерального, регионального, местных бюджетов) производства и потребления отдельных ЛС и их групп. Отметим, что во многих странах цены лекарственных препаратов, стоимость которых возмещается системой социального страхования, регулируются государством, а безрецептурные препараты обычно не подлежат контролю.
- Таким образом, многообразие видов ценообразования на ЛС не позволяет использовать только традиционные экономические методы ценообразования товаров и требует всестороннего анализа.

Известны следующие основные методы формирования цен на товары:

1. *Рыночный*, основанный на детальном анализе поведения покупателя и его мотивов [15]. При определении оптимального уровня цен исходят из понимания чувствительности покупателя к цене, а также полезности и ценности товара для потребителя. Чем ниже чувствительность покупателя, тем сильнее продавец может влиять на уровень цен, и наоборот. Рыночное ценообразование наиболее часто применяется при формировании ценовой политики аптечных организаций. Оно предполагает в первую очередь получение предприятием прибыли, направлено на стимулирование спроса на продукт и не отражает социальную направленность лекарственного препарата как товара.

2. *Затратный* [16], детально описанный в классических экономических трудах, базируется на определении стоимости как основы цены продукта. Стоимость отражает средние для данного периода затраты труда. Ценообразование на основе затратного принципа не учитывает интересы потребителей. Этот метод наиболее часто применяется при формировании цен не только на лекарственные препараты, но и на медицинские услуги в целом. Затратный метод находит выражение в установленных правительством методиках определения предельно допустимых оптовых, розничных надбавок на лекарственные средства и регистрации цен производителей. Описанные в законодательстве методики опираются на анализ предоставляемых производителями, а также оптовыми и розничными компаниями данных об уровне и характере издержек обращения лекарственных средств.

3. *Административный*, подразумевающий установление цен на товары уполномоченными государственными органами. На российском фармрынке этот метод распространения не получил.

4. *Параметрический* [17], основанный на установлении взаимосвязи цены и каких-либо иных характеристик товара. Для этого могут использоваться методы экономико-математического анализа, сравнения удельных показателей товара, агрегатный метод сравнения и формирования цены, балльный способ сопоставления цен и методы экспертной оценки потребительских свойств товара.

На наш взгляд, для фармпродукции параметрический метод ценообразования является наиболее эффективным. Он учитывает влияние всех особенностей лекарственного препарата (в том числе связанных с обеспечением физической и экономической доступности лекарств для населения) на его цену и находит все большее распространение.

Одной из основных особенностей фармацевтического рынка, обусловленной его социальной направленностью, является государственное регулирование. Государство должно создавать условия, при которых лекарственные средства будут доступны для населения и выгодны для производителей и продавцов. Необходимость государственного регулирования цен на ЛС объясняется:

- высокой социальной значимостью рынка ЛС;
- зависимостью потребителя от назначений лечащего врача. Российский опыт свидетельствует, что медицинские работники склонны вступать в коммерческие отношения с представителями фармацевтических компаний, назначая пациентам конкретный препарат. Выбор же препарата фармацевтом зачастую диктуется заинтересованностью в получении премий от роста объемов продаж;
- отсутствием у потребителя достаточной информации о характеристике товара, а также должной компетентности;
- склонностью к покупке дорогостоящих препаратов (в том числе иностранного производства, известных торговых марок и т. д.), которые ассоциируются с более высоким качеством, вследствие чего увеличивается доля рынка дорогостоящих (в том числе патентованных) препаратов;
- малой эластичностью спроса на фармацевтическую продукцию;
- компенсацией части расходов на лекарственные средства за счет бюджета. Важность более жесткого контроля цен диктуется необходимостью контроля расходов на социальное и медицинское обеспечение населения;
- стратегией импортозамещения в фармацевтической отрасли.

Государственное регулирование цен на ЛС позволяет избавить покупателя от переплаты, обусловленной его неосведомленностью. Способы государственного регулирования ценообразования зависят от множества факторов. В странах Европы используют следующие методы [7]: возмещение затрат; ограничение выписки лекарственных средств; фиксированные соплатежи; регрессивная торговая наценка; поощрение выписки дженериков; централизация закупки ЛС; образовательные программы для населения. Нам представляется, что этот опыт целесообразно использовать и в российских условиях.

При этом можно рекомендовать два основных метода контроля цен:

1. *Прямой контроль*: директивное установление предельных розничных и оптовых надбавок, регистрация цен производителями. При этом фирмам предоставляется возможность учитывать при расчете стоимости ЛС различные составляющие цены (расходы на сырье, производство, научно-исследовательские работы, транспорт, налог при импортировании и др.). Регистрация цен основана на всесторонней оценке препарата и установлении максимального уровня цены на него на определенный период. Регистрироваться могут розничные, оптовые цены, а также цены производителей (как местных, так и зарубежных).

В Швеции цены регистрируются на уровне закупочных, в странах ЕС — чаще на уровне розничных, в странах Восточной и Центральной Европы — на уровне производителей. Можно предположить, что наиболее перспективной является система регистрации на всех уровнях товаропроводящей цепочки, так как это позволяет более тщательно контролировать формирование цен путем мониторинга всех этапов движения лекарственного препарата.

2. *Косвенный контроль*: цены устанавливает производитель, а специальная государственная комиссия по регулированию цен ограничивает его прибыль посредством возврата ее части (Великобритания) либо введения эталонных цен (Испания, Швеция). Помимо этого, государственный контроль может выражаться в установлении предельного или фиксированного размера торговых надбавок, референтных цен и введении скользящей шкалы розничных наценок. Наиболее часто используют эталонное ценообразование. Если зарегистрированная цена превышает эталонную,

то разницу доплачивает пациент. Данный механизм обеспечивает достаточный для предприятия уровень спроса на продукцию и защищает пациента от переплаты. Например, в Швеции при определении эталонной цены к стоимости наиболее дешевого дженерика прибавляется 10%.

В России ценообразование на лекарственные средства находится под жестким контролем государства (постановления Правительства Российской Федерации от 29.10.2010 № 865 «О государственном регулировании цен на лекарственные препараты, включенные в перечень ЖНВЛП», от 08.08.2009 № 654 «О совершенствовании государственного регулирования цен на лекарственные препараты, включенные в перечень ЖНВЛП» и др.). Регулирование цен осуществляется преимущественно в отношении перечня жизненно необходимых и важнейших лекарственных препаратов. В перечень входят более 10 тыс. наименований, в числе которых недорогие и малоэффективные в своей фармакологической группе препараты, такие как активированный уголь (цена около 5 р./упак.), и специальные дорогие препараты, такие как инсулин (цена 1500...2000 рублей). Это свидетельствует о несовершенстве методики составления списка ЖНВЛП и его недостаточной социальной направленности.

Предельные отпускные цены на лекарственные препараты российского производства, обращающиеся на территории России, рассчитываются исходя из средней отпускной цены препарата за год, предшествующий дате представления предельной отпускной цены производителя на госрегистрацию, на основании данных об объемах отпуска лекарственного препарата. Для лекарственных препаратов, не поступавших в обращение на территории Российской Федерации в течение года, и для оригинальных лекарственных препаратов российских производителей при ценообразовании осуществляется расчет расходов, связанных с разработкой, производством и реализацией препарата. Государственная регистрация предельно допустимых цен производителей в России носит заявительный характер.

Согласно имеющимся в литературе данным, регистрацию проходят заведомо завышенные цены, поскольку производители в заявке на регистрацию закладывают все возможные риски. Поэтому в ряде случаев рыночная цена оказывается намного ниже зарегистрированной. Можно утверждать, что существующие методы не способствуют повышению социальной доступности ЛС.

Несовершенство ценообразования на отечественном фармацевтическом рынке приводит к росту зависимости от импорта и снижению доступности лекарственных препаратов для населения, что представляет угрозу лекарственной безопасности страны. На нейтрализацию этих угроз должны быть направлены усилия научного и экспертного сообщества, а также государственных органов с учетом экономических интересов субъектов фармацевтического рынка.

Список литературы

1. *Добрынин, А. И.* Социально-экономические программы роста экономики и качества жизни / А. И. Добрынин, Е. С. Ивлева, В. А. Плотников // *Экономика и управление.* — 2006. — № 1. — С. 23–30.
2. *Литвиненко, А. Н.* Экономическая и национальная безопасность: проблема соотношения понятий / А. Н. Литвиненко // *Научно-технические ведомости СПбГПУ.* — 2013. — Вып. № 3 (173). — С. 9–16.
3. *Плотников, В. А.* Глобальные проблемы социально-экономического развития и нейтрализации рисков экономической безопасности периода экономического кризиса / В. А. Плотников // *Экономика и управление.* — 2009. — № 3.6. — С. 12–16.
4. *Козин, М. Н.* Управление рисками в инновационной деятельности / М. Н. Козин; Российский гос. торгово-экономический ун-т, Саратовский ин-т РГТЭУ. — Саратов, 2011.
5. *Потапов, А. А.* Проблема ценообразования на лекарственные средства в Российской Федерации / А. А. Потапов // *Финансы и бизнес.* — 2009. — № 4. — С. 163–168.

6. Фармацевтический рынок России. — Выпуск: январь 2014 г. (данные по декабрь 2013 г.). — М.: DSM Group, 2014. — 32 с.
7. *Тельнова, Е. А.* Ценообразование — зарубежный опыт / Е. А. Тельнова // Фармакоэкономика. — 2009. — № 4. — С. 14–24.
8. *Балашов, А. И.* Формирование механизма устойчивого развития фармацевтической отрасли: теория и методология / А. И. Балашов. — СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2012. — 160 с.
9. *Внукова, В. А.* К вопросу о способах правового регулирования цен на лекарственные средства / В. А. Внукова // Медицинское право. — 2006. — № 1. — С. 17–27.
10. *Славич-Приступа, А. С.* Ценообразование в аптеках: формирование базового уровня цен / А. С. Славич-Приступа // Российские аптеки. — 2006. — № 10/1. — С. 21–24.
11. *Тимофеева, С. В.* Анализ научно-исследовательского и образовательного потенциала кластера фармацевтической и медицинской промышленности Санкт-Петербурга / С. В. Тимофеева // Известия СПбУЭФ. — 2012. — № 5. — С. 114–117.
12. *Саврасова, Е. С.* Логистические принципы распределения лекарственных средств / Е. С. Саврасова // Известия СПбУЭФ. — 2011. — № 3. — С. 71–73.
13. *Петрова, К. С.* Особенности анализа и классификации запасов лекарственных средств в лечебных учреждениях / К. С. Петрова // Известия СПбУЭФ. — 2010. — № 3. — С. 131–134.
14. *Лин, А. А.* Тенденции развития розничного сектора российского фармацевтического рынка в контексте инновационного развития экономики / А. А. Лин, В. А. Плотников, И. А. Наркевич, Е. О. Трофимова // Экономика и управление. — 2009. — № 11. — С. 22–26.
15. *Афанасьев, А. А.* Роль ценообразования в процессе принятия решения о покупке / А. А. Афанасьев, Л. Н. Семеркова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. — 2007 — № 4. — С. 67–76.
16. *Салимжанов, И. К.* Ценообразование / И. К. Салимжанов. — М.: КНОРУС, 2007. — 304 с.
17. *Гузь, А. Н.* Модель ценообразования, обеспечивающая максимум прибыли при выводе нового товара на рынок / А. Н. Гузь // Вестник ЮУрГУ. — 2009. — № 21. — С. 11–15.

Д. Н. Тимофеев¹

УПРАВЛЕНИЕ ПРОМЫШЛЕННЫМИ ПРЕДПРИЯТИЯМИ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ИННОВАЦИОННО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ СТРАТЕГИИ

Процесс стратегического управления достаточно сложен, при этом основные трудности, как правило, связаны с получением необходимого объема достоверной внешней информации и эффективностью реализации стратегического плана.

При определении миссии предприятия необходимо понимание стратегического поля бизнеса (СПБ), в котором она действует. С этой целью важно выделить виды деятельности, которые могли бы стать самостоятельным бизнесом [1, 2, 3, 5]. Предложенные виды деятельности, рыночные сегменты, продуктово-рыночные комбинации и направления их развития позволяют сформулировать базовые стратегии конкуренции для каждого из выделенных стратегических полей бизнеса, определить необходимые для них ресурсы и производственные возможности (см. таблицу). В рамках выбранных базовых стратегий формулируются рыночные цели для каждого сегмента. То есть цели предприятия могут быть объединены в две группы: цели внеэкономического характера, связанные с интересами руководителей и владельцев или с социальными задачами; цели маркетинга, задаваемые относительно уровня продаж, прибыли и покупателей. Результирующим моментом является интеграция целей и разработка общего плана действий предприятия на рынке.

В качестве целей могут быть заданы: объем продаж в физическом выражении (наиболее репрезентативный индикатор); выручка или объем продаж в стоимостном выражении (наиболее легко интегрируемый с другими финансовыми показателями); доля рынка (оценка конкурентоспособности) [2, 4, 7]. Исходя из поставленных целей разрабатываются конкурентная стратегия, а также программы маркетинга, наиболее полно учитывающие особенности и потребности сегмента. Более детально разрабатывать конкурентную стратегию предприятия необходимо, если в качестве базовой выбрана стратегия дифференциации.

К основным группам стратегий относятся стратегии: а) рыночного лидера; б) «бросающего вызов»; в) «следования за лидером»; г) специалиста (работа на одном (нескольких) сегменте, на котором предприятие стремится занять доминирующее положение) [5–7].

В конечном итоге промышленные предприятия решают задачу конкурентного позиционирования. Они должны определить занимаемую конкурентную позицию для адекватной оценки своего положения, приобретения реальных рычагов влияния на рынок, выработки стратегий дальнейшего взаимодействия, эффективной демонстрации внешнему окружению собственных конкурентных преимуществ и определения стратегических задач дальнейшего повышения конкурентоспособности.

Конкурентная позиция формируется в процессе осуществления конкурентных действий (воздействий на конкурентов и их противодействия), в ходе которых реализуется потенциал конкурентоспособности предприятия. Совокупность конкурентных действий, направленных на изменение или удержание занимаемой конкурентной позиции, называется конкурентным позиционированием. При определении конкурентных позиций важную роль играют навыки

¹ *Дмитрий Николаевич Тимофеев*, доцент кафедры управления персоналом, сервиса и туризма Оренбургского государственного университета, канд. сельскохозяйств. наук, e-mail: dntimofeev@mail.ru

Базовые стратегии конкуренции для выделенных СПБ компании

Базовая стратегия конкуренции	Необходимые ресурсы	Для каких СПБ и сегментов рынка применима
Ценовое лидерство	Конкуренция за счет производства больших объемов стандартных изделий (операций) при среднем качестве и более низких, чем у конкурентов, ценах. Стандартный ассортимент, относительно простая в производстве продукция, налаженные связи с клиентами и торговлей, способность выдерживать сроки, авансирование закупок сырья, дешевая система сбыта, массовая реклама	В СПБ 1 «Полуфабрикаты». В СПБ 2 «Готовые изделия» массового спроса
Дифференциация	Конкуренция за счет предложения широкого ассортимента высококачественной продукции по доступным ценам. Необходимы обновляющиеся товары. Развитая и престижная фирменная торговая сеть, кооперация с престижной торговлей. Дополнительные сервисные услуги. Четкое знание запросов потребителей локальных сегментов и адаптация к ним	В СПБ 2 для средних потребительских сегментов. Широкий ассортимент, варьирование технологией, фирменная торговля, региональное продвижение торговой марки
Фокусирование в нишах	1. Конкуренция за счет предложения эксклюзивных изделий и услуг очень высокого качества по высоким ценам для узких сегментов требовательных потребителей. 2. Прямая реклама и стимулирование продаж. 3. Фокусировка и занятие монопольного положения в удовлетворении потребностей платежеспособных зарубежных и отечественных корпоративных клиентов	Во всех выделенных СПБ. Высокий уровень сервиса. Прямая и престижная реклама. Дополнительные услуги. Сегмент отдельных крупных платежеспособных корпоративных клиентов

и умения руководителя, подготовленность и слаженность работы команды, интуиция, готовность руководителя к принятию поворотных, кардинальных решений. Для реализации предпринимательских инициатив необходима ресурсная поддержка.

Определение конкурентных позиций предприятия предполагает анализ показателей конкурентных материальных (1) и нематериальных (2) активов. Первые формируются исходя из значений доли рынка, финансовой устойчивости предприятия, его независимости от поставщиков и потребителей; вторые в значительной степени отражают способность к инициативе и реализации идей. После определения конкурентной позиции осуществляется выбор форм и методов конкурентных действий. Все это находит отражение в конкурентном взаимодействии.

Стратегии конкурентного позиционирования могут быть самыми разнообразными — от монопольного конкурентного позиционирования до кооперативного и партнерского. Тактики конкурентного позиционирования могут заключаться в ослаблении и уничтожении противника, выгодной сдаче позиций, уходе от конкурентного взаимодействия, партнерстве, вынужденном союзе.

Анализ процесса конкурентного позиционирования позволяет промышленным инновационно-ориентированным предприятиям повысить эффективность управления данным процессом.

Примерный стратегический алгоритм действий для составления плана на предприятии приведен на рис. 1.

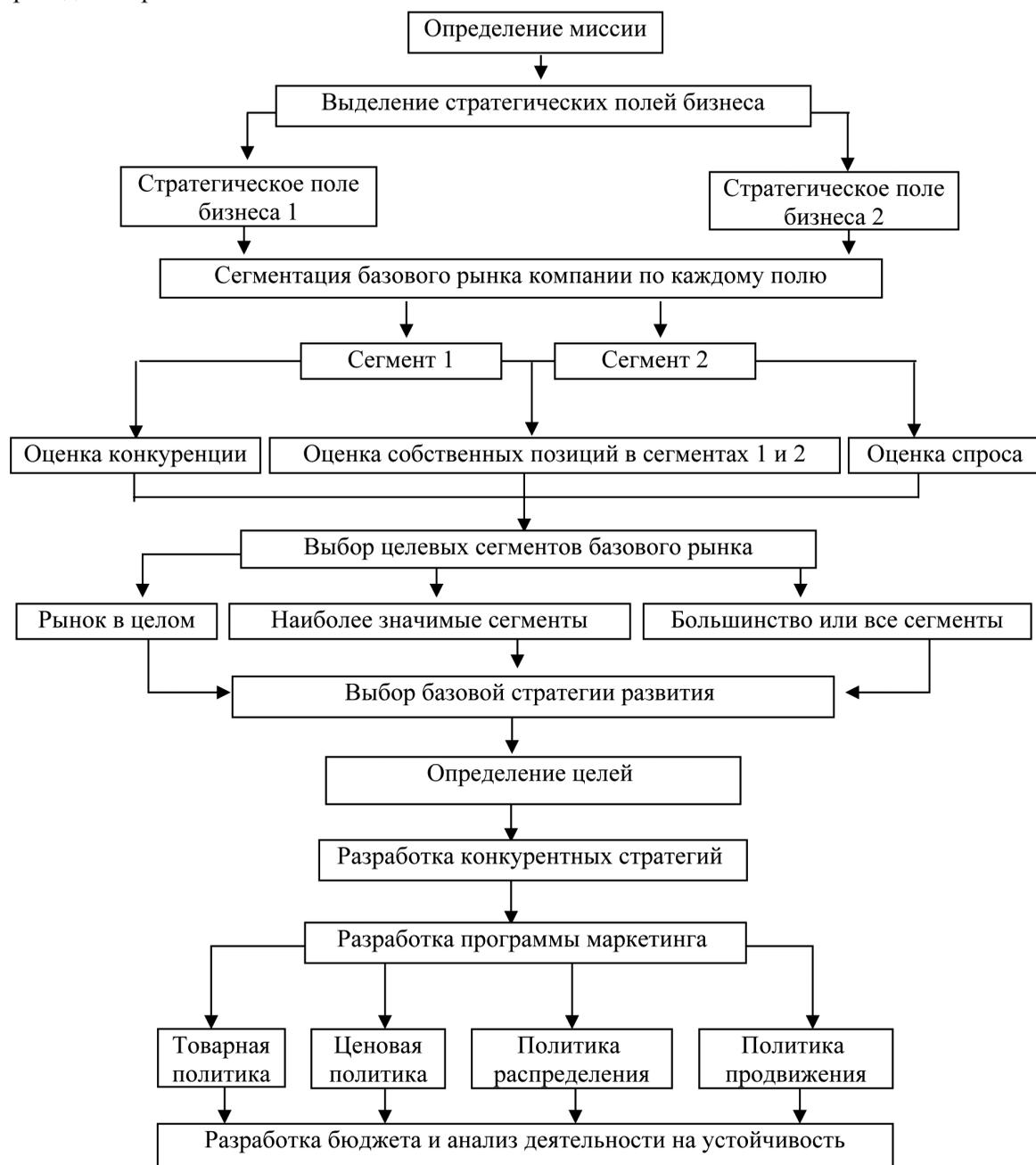


Рис. 1. Алгоритм действий по выбору стратегии развития предприятия

Оценка реализации стратегического плана маркетинга в целом может проводиться по-квартально, при этом цели и результаты сопоставляются ежемесячно.

С точки зрения взаимодействия структурных подразделений компании ключевыми моментами являются качество обработки и передачи маркетинговой информации, ее структуризация и своевременность обмена.

Опыт формирования информационных систем в промышленности показывает, что основные трудности связаны с созданием «атмосферы востребованности» маркетинговых данных, а также с выработкой у сотрудников «немаркетинговых» подразделений понимания востребованности содержащегося у них информационного ресурса. Подчеркнем также важность проблем структуризации маркетинговой информации и алгоритмизации процессов обмена маркетинговыми данными.

Таким образом, необходимым базисом является координация работы соответствующих служб, связанных с реализацией миссии предприятия. Важна их взаимоувязанность и максимальная интегрированность в рамках реализации маркетинговой деятельности, выполнения важнейших принципов управления, актуальных для любого подразделения предприятия. Очевидно, что взаимодействие подразделений в рамках системы стратегического управления предприятием должно строиться на принципах межфункциональной координации структурных подразделений, обеспечивающей единое информационное пространство.

Проведенное исследование показало, что на многих отечественных промышленных предприятиях существует ряд типичных проблем, связанных с отсутствием комплексного и периодического анализа маркетинговых данных (например, данных о продажах), а также координации в процессе планирования и контроля. Существующие базы маркетинговых данных остаются, как правило, невостребованными и используются только в печатном виде руководством службы маркетинга и реализации. Функции анализа, планирования, контроля не всегда осуществляются комплексно. Зачастую не применяются современные методы анализа и планирования, нерационально используется инструментарий менеджмента. В этих условиях для эффективного использования маркетинговой информации в целях стратегического управления можно дать следующие рекомендации.

При отсутствии на предприятии общей маркетинговой информационной системы, сети и базы данных целесообразно рассмотреть возможность выделения специалиста по сбору и обработке маркетинговой информации, данных о планировании, отчетности и сбыте. Предлагаемая система отчетов о продажах должна быть тесно интегрирована с банками данных. Накопление информации за 2–3 квартала даст возможность перейти к прогнозированию и планированию показателей объема продаж, суммы покрытия и доходности не только по продуктовым группам и продуктам, но и по сбытовым группам, регионам, клиентам (контрагентам), целевым сегментам и т. д.

С точки зрения организации маркетинга для выполнения функций анализа, планирования и отчетности по маркетингу представляется целесообразным введение в структуру предприятия должности контролера с непосредственным подчинением директору. Основными функциями контролера могут быть ведение банков данных и сводного учета контактов с крупными клиентами; анализ ухода старых и прихода новых клиентов; ведение сводного учета карточек крупных клиентов; разработка сводных прогнозов и планов продаж; разработка бюджета маркетинга, контроль выполнения.

Примерная схема взаимодействия структурных подразделений компании в процессе планирования показана на рис. 2, а заключение и выполнение рамочного договора с участием контролера — на рис. 3.

Организация взаимодействия структурных подразделений компании с участием контролера в процессе разработки планов может быть следующей:

1. Плановый отдел промышленного предприятия и руководство службы маркетинга формируют для отдела сбыта нормативы (контрольные цифры): критические объемы продаж,

обеспечивающие минимально допустимую загрузку мощностей, в разрезе продуктовых групп и цехов; критические соотношения между оплатой в деньгах и зачетами, обеспечивающие минимально допустимую сумму оплаты, преysкурантные цены, нормативы сумм покрытия по продуктовым группам.

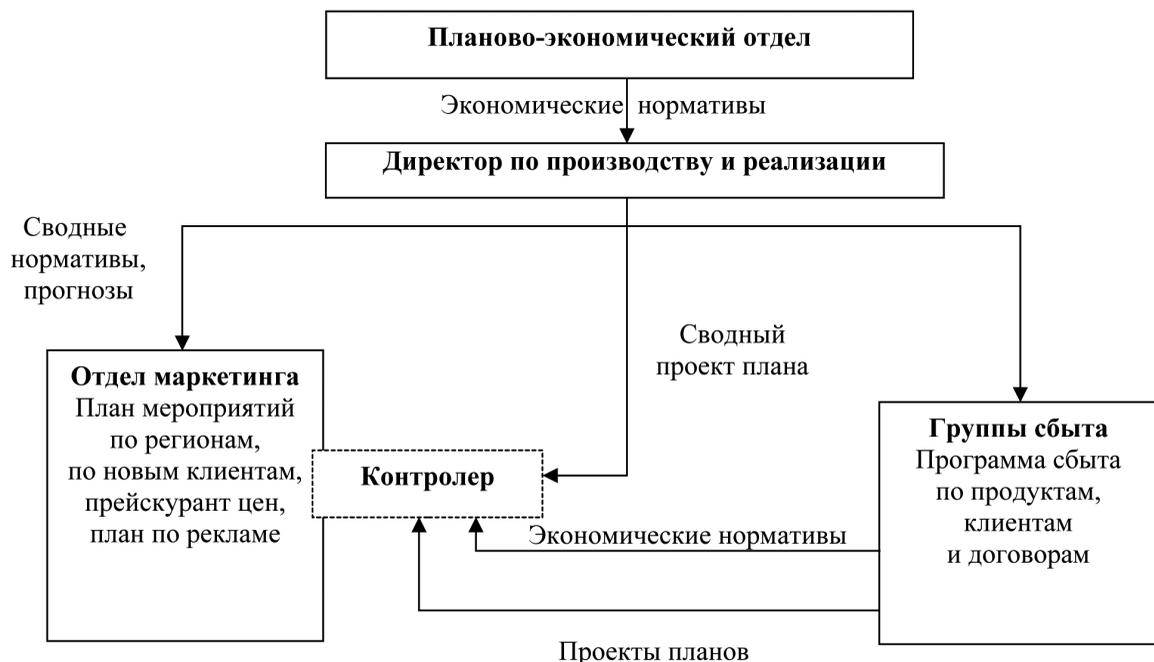


Рис. 2. Схема взаимодействия структурных подразделений в процессе планирования

2. Руководители сбытовых групп, исходя из контрольных цифр и нормативов, результатов анализа сбытовой статистики прошлых периодов, полученных прогнозных значений сбыта и заключенных долгосрочных договоров с крупными клиентами, формируют прогноз сбыта (проект плана) на следующий год.

3. Контролер сводит все проекты планов в общий проект плана реализации и проверяет его на соответствие стратегическим предпосылкам (действующему стратегическому плану), заданным нормативам и контрольным цифрам; формирует различные разрезы плана (по клиентам, регионам, важнейшим показателям).

В процессе реализации плана продаж, а также в рамках стратегического управления предприятием можно дать ряд практических рекомендаций, связанных с взаимодействием структурных подразделений и, как правило, являющихся типичными для большинства промышленных предприятий вне зависимости от специфики выпускаемой продукции:

1. Безусловное удержание крупных клиентов путем интенсификации контактов с ними, ведение клиентской карточки, включающей контакты и мероприятия.

2. Увеличение объемов закупок крупными клиентами. Данная задача решается совместно отделом маркетинга, производственными и сбытовыми подразделениями.

3. Привлечение новых крупных клиентов. Это прерогатива отдела маркетинга, который собирает информацию о потенциальных клиентах из внешних баз данных и других источни-



Рис. 3. Заключение и выполнение рамочного договора с участием контролера

ков, определяет потенциал клиента (объем, структуру и источники его закупок), разрабатывает и реализует мероприятия по привлечению новых крупных клиентов.

4. Возможное уменьшение числа мелких клиентов для снижения затрат на обслуживание путем передачи их оптовым фирмам — крупным клиентам.

Список литературы

1. Карлик, А. Е. Стратегическое планирование промышленного развития в федеральных округах России: методологический аспект / А. Е. Карлик, В. Е. Рохчин // Вопросы экономики и права. — 2012. — № 44. — С. 7–12.
2. Карлик, А. Е. Инновационные аспекты развития предприятий / А. Е. Карлик [и др.]; СПб гос. ун-т экономики и финансов. — СПб., 2009.
3. Карлик, А. Е. Инновационные аспекты развития предприятий / А. Е. Карлик, А. В. Кондратьева, В. Е. Рохчин; Мин-во образования и науки Российской Федерации; СПб гос. ун-т экономики и финансов. — СПб., 2011.
4. Песоцкая, Е. В. Теория и методология институциональных взаимодействий субъектов регионального инвестиционно-строительного комплекса / Е. В. Песоцкая // Экономическое возрождение России. — 2005. — № 4. — С. 80–87.
5. Песоцкая, Е. В. Менеджмент: учебник для бакалавров / Е. В. Песоцкая, О. В. Русецкая, Л. А. Трофимова; под ред. А. Н. Петрова; СПб. гос. ун-т экономики и финансов. — М., 2011.

6. Тимофеев, Д. Н. Организационные формы управления инновационно-ориентированной деятельностью предприятия / Д. Н. Тимофеев // Экономика и предпринимательство. — 2013. — № 5 (34). — С. 347–353.

7. Тимофеев, Д. Н. Определение базовой стратегии инновационно-ориентированного управления промышленных компаний / Д. Н. Тимофеев // Вестник экономической интеграции: науч.-практ. журнал. — М., 2012. — № 10. — С. 89–94.

8. Бургонов, О. В. Государственная инновационная политика в условиях посткризисного развития экономики России / О. В. Бургонов // Экономика и управление. — 2012. — № 3. — С. 11–18.

Е. В. Печерица¹

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОРГАНОВ ФЕДЕРАЛЬНОГО,
РЕГИОНАЛЬНОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ
С УЧАСТНИКАМИ ГОСТИНИЧНОГО КЛАСТЕРА
(НА ПРИМЕРЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА)²**

В последние два десятилетия гостиничный бизнес в Санкт-Петербурге развивался ускоренными темпами, были построены десятки отелей, отвечающих всем мировым стандартам. Сегодня в городе представлены отели практически всех наиболее известных гостиничных сетей.

Отметим, что наиболее активно гостиничный бизнес обычно развивается там, где вообще развит бизнес и промышленность, а также в регионах, обладающих рекреационными ресурсами. К таким регионам относится Санкт-Петербург (8 гостиничных мест на 1000 жителей) [10].

На современном этапе в гостиничном хозяйстве Санкт-Петербурга можно выделить ряд негативных тенденций:

- неравномерность развития гостиничного бизнеса по районам (основная масса отелей расположена в Центральном районе);
- завышенные цены в 3-, 4- и 5-звездных гостиницах (по сравнению с ценами в других развитых в туристском отношении странах) и острая нехватка низкокатегорийных качественных отелей (хостелов и мини-отелей);
- слабо развитая материально-техническая база и низкая квалификация персонала многих (особенно низкокатегорийных) отелей.

Формирование негативного туристского имиджа ведет к тому, что, один раз побывав в Санкт-Петербурге, туристы не хотят сюда возвращаться, что отрицательно сказывается на развитии гостиничного бизнеса.

Для решения вопросов территориального размещения предприятий гостиничного бизнеса в целях повышения их конкурентоспособности необходима единая, научно обоснованная методология организации и управления. В связи с этим представляется актуальной выработка принципиально новых подходов к развитию регионального гостиничного хозяйства с использованием новых организационных форм и методов управления.

Механизмы *макроэкономического воздействия* на мезоэкономическую систему гостиничного кластера включают:

- государственную поддержку в виде целевых инвестиций, предоставление большей экономической самостоятельности гостиничному кластеру и другие меры по де бюрократизации государственного управления;
- создание условий для эффективного развития, налоговые льготы.

На мезоуровне основное воздействие осуществляют региональные органы управления, а также различные международные и национальные общественные и профессиональные ор-

¹ Елена Васильевна Печерица, доцент кафедры рекреации и туризма Санкт-Петербургского государственного экономического университета, канд. социолог. наук, доцент, e-mail: helene8@yandex.ru

² Исследование выполнено в рамках реализации Программы стратегического развития ФГБОУ ВПО «СПбГЭУ» на 2014–2016 гг. Проект 2.2.3. Научно-образовательный центр социально-экономического и гуманитарного развития международного и регионального туризма.

ганизации [11]; на *микроуровне* — местное самоуправление, муниципальные налоговые инспекции, отделения полиции, районная администрация, а также (как и на региональном уровне) международные и национальные общественные и профессиональные организации.

Все элементы мезоэкономической системы гостиничного кластера взаимосвязаны. Деформация развития любого элемента может нарушить всю структуру гостиничного кластера (ГК). Чтобы этого избежать, необходимо тщательно разрабатывать сбалансированные стратегии развития ГК и обеспечить контроль их эффективности и соответствия результатов стратегическим плановым показателям [6].

В целом, на этапе первичной реализации кластерных инициатив на территории Российской Федерации гостиничные услуги выполняют обслуживающую роль в формировании кластера реального сектора экономики. При увеличении количества и масштабов кластерных структур на определенной территории происходит концентрация и гостиничных услуг. Чем более развиты в регионе наука, образование, промышленность и т. д., тем выше потребность в гостиничных услугах. Участники разных кластеров могут сформировать ядро гостиничного кластера [7].



Рис. 1. Модель образования гостиничного кластера по географическому признаку (составлено автором)

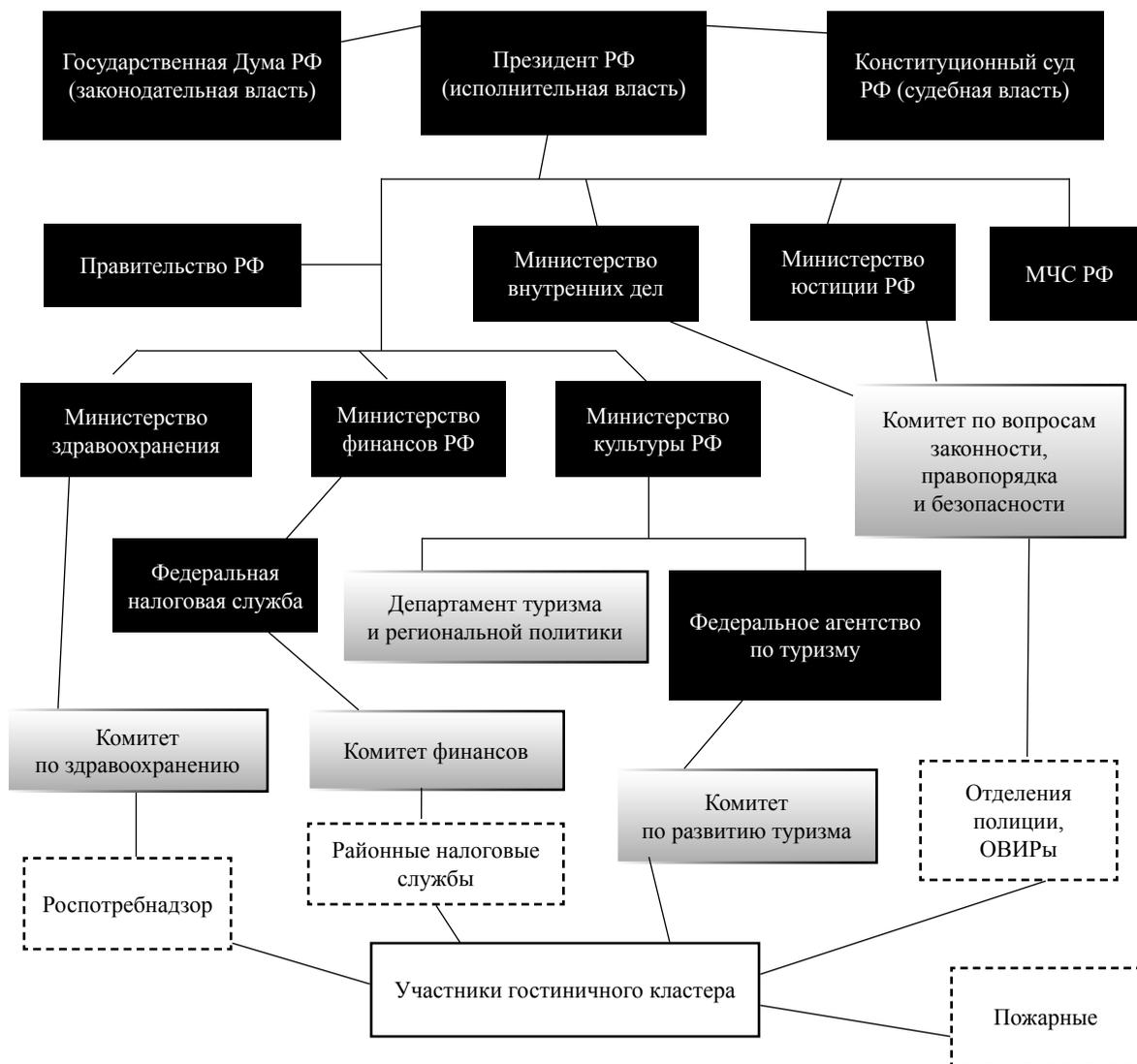


Рис. 2. Схема взаимодействия участников гостиничного кластера с властными структурами на федеральном [■], региональном [▒] и муниципальном [□] уровнях (на примере Санкт-Петербурга) (составлено автором)

Рассмотрим организацию взаимодействия участников гостиничного кластера с властными структурами на федеральном, региональном и муниципальном уровнях (рис. 2). Федеральный уровень: Президент РФ, Правительство РФ, Министерство юстиции, Министерство внутренних дел, Министерство финансов, а также Министерство культуры, которое является основным регулятором туристской отрасли [9].

Министерство культуры Российской Федерации — федеральный орган исполнительной власти, в функции которого входят выработка и реализация государственной политики, нормативно-правовое регулирование (в том числе в сфере туристской деятельности), а также охрана культурного наследия. Министерство осуществляет координацию и контроль деятельности подведомственных ему Департамента туризма и региональной политики и Федерального агентства по туризму.

Федеральное агентство по туризму (Ростуризм), осуществляет государственную политику и нормативно-правовое регулирование, оказывает государственные услуги и управляет государственным имуществом в туристской сфере. На региональном уровне функционирует Комитет по развитию туризма Санкт-Петербурга. Органы власти оказывают помощь регионам в развитии той или иной отрасли через ряд государственных программ (см. табл).

Анализ программ государственной поддержки туристической отрасли в РФ*

Название программы и сроки исполнения	Некоторые положения
Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2015 г. (2008—2015)	Поддержка развития творческих индустрий, кластеров, формирующихся в сфере услуг, связанных с осуществлением творческой деятельности. Подтверждает усиление партнерства организаций и учреждений культуры с туристским бизнесом в целях обеспечения комплексного подхода к мероприятиям по решению проблем устойчивого развития городских и сельских территорий
Методические указания по реализации кластерной политики в субъектах РФ (2008)	В программе отмечается, что для успешной реализации кластерных инициатив еще не создана прочная информационная, методическая и образовательная база, ограничен набор инструментов финансовой поддержки, отсутствует необходимая координация. Основной целью реализации кластерной политики признается обеспечение высоких темпов экономического роста за счет повышения конкурентоспособности предприятий, образующих кластеры. Кластер рассматривается как будущее ядро инновационного развития региона
Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года (2008—2020)	В программе определен переход национальной экономики от экспортно-сырьевого пути к инновационному, который будет формировать общую конкурентоспособность экономики. Туризм определяется как один из основных инструментов сохранения культурного и исторического наследия, развития культурных и деловых внешнеэкономических связей, а также развития регионов
Федеральная целевая программа «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации» (2011—2018)	Программа предполагает создание условий для улучшения качества жизни граждан, в том числе за счет развития инфраструктуры отдыха и туризма, а также обеспечения качества, доступности и конкурентоспособности туристских услуг в Российской Федерации. Развитие туристской инфраструктуры в регионах признается наиболее эффективным для осуществления с точки зрения кластерного подхода
Программа развития Санкт-Петербурга как туристского центра на 2011—2016 гг. (2011—2016)	Программа нацелена на совершенствование условий для развития туризма в Санкт-Петербурге путем формирования конкурентоспособного туристского рынка, обеспечивающего улучшение экономической ситуации в регионе. Исполнителями являются исполнительные органы государственной власти Санкт-Петербурга, общественные, научные организации и предприятия туристской отрасли

*Составлено автором по материалам [1—5, 8].

Концепция кластерного развития гостиничной отрасли в регионе может оказать положительное влияние на основные сферы развития региона и улучшение социального положения населения.

Таким образом, можно построить модель кластерного развития гостиничного комплекса региона (рис. 3), нацеленную на повышение качества жизни населения и стратегическую конкурентоспособность региона. Данная модель включает в себя программы государственного регулирования региональной экономики, политику взаимодействия государства и предприятий гостиничного бизнеса, объединенных для формирования концепции эффективного развития конкурентоспособных гостиничных кластеров в регионе.



Рис. 3. Модель кластерного развития гостиничного комплекса региона (составлено автором)

Усилия государства должны быть направлены на *выявление, формирование, поддержку и укрупнение* гостиничных кластеров, состоящих из малых и средних предприятий, заинтересованных в повышении своей конкурентоспособности через реализацию совместных (кластерных) проектов.

Создание гостиничного кластера будет содействовать развитию как отдельной территории, так и экономики государства в целом за счет повышения эффективности экономических отношений. Однако процесс его формирования во многом зависит от экономического климата в регионе и государственной региональной политики. Поэтому первоочередной задачей федеральных органов власти является формирование стратегии развития региона на базе поддержки и развития кластерных инициатив.

Список литературы

1. Методические рекомендации по реализации кластерной политики в субъектах Российской Федерации. URL: http://clustercenter.ru/wp-content/uploads/2011/11/mjetod_rjekomjendacii.doc (дата обращения 06.03.2014).
2. Концепция долгосрочного экономического развития РФ. — М., 2008. URL: <http://www.ifar.ru/pr/2008/080319ba.pdf> (дата обращения 06.03.2014).
3. Ростуризм. Официальный сайт. URL: <http://russiafortourism.ru/gospodderzhka> (дата обращения 06.03.2014).
4. Концепция долгосрочного экономического развития РФ на период до 2020 года. URL: <http://www.ifar.ru/ofdocs/rus/rus006.pdf> (дата обращения 01.03.2014).
5. Министерство экономического развития. Официальный сайт. URL: <http://www.economy.gov.ru> (дата обращения 01.03.2014).
6. Печерица, Е. В. Создание и развитие гостиничных кластеров в регионе / Е. В. Печерица // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. — 2012. — № 2 (12). — С. 93–99.
7. Печерица, Е. В. Концепция формирования и развития гостиничных кластеров / Е. В. Печерица // Экономика и предпринимательство. — 2012. — № 4. — С. 282–288.
8. Официальный сайт Администрации Санкт-Петербурга. URL: http://gov.spb.ru/gov/otrasl/c_tourism/programma-razvitiya-sankt-peterburga-kak-turistskogo-centra/ (дата обращения 05.03.2014).
9. Печерица, Е. В. Управление туристской отраслью на федеральном, региональном и муниципальном уровнях / Е. В. Печерица // Международный научно-исследовательский журнал = Research Journal of International Studies. — 2014. — № 1–3 (20). — С. 55–56.
10. Печерица, Е. В. Повышение конкурентоспособности отелей на основе применяемой ими стратегии (на примере Санкт-Петербурга) / Е. В. Печерица // Техничко-технологические проблемы сервиса. — 2013. — № 3 (25). — С. 79–84.
11. Неживенко, Е. А. Конкурентоспособность региона: методологические проблемы исследования / Е. А. Неживенко // Социум и власть. — 2012. — № 3. — С. 57–61.
12. Костин, К. Б. Проблемы развития туристско-гостиничного бизнеса России и пути их решения / К. Б. Костин // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. — 2013. — № 4 (82). — С. 61–67.
13. Горбашко, Е. А. Совершенствование системы управления качеством услуг сервисной организации / Е. А. Горбашко, Т. А. Филатова // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. — 2013. — № 3. — С. 42–46.

*А. А. Волкова*¹

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА РАЗВИТИЕ СФЕРЫ УСЛУГ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ

В современной экономике России и развитых стран мира сервисный сектор приобретает все большее значение. Несмотря на активно ведущуюся в экспертном сообществе дискуссию о необходимости новой индустриализации [1–5 и др.], по нашему мнению, долгосрочный вектор развития экономики связан с ее «сервисизацией». При этом развитие сферы услуг происходит неравномерно под влиянием совокупности конъюнктурных и фундаментальных факторов.

Ключевой чертой конъюнктуры как динамической характеристики состояния рынков является ее сугубо временный характер, складывающийся под воздействием циклических и нециклических факторов. Влияние циклических факторов обусловлено воздействием на конъюнктуру рынка услуг больших и малых экономических циклов. Поскольку циклические колебания экономики охватывают ее полностью, очевидно, что они прямо и непосредственно воздействуют и на сферу услуг [6].

Анализируя влияние циклических факторов развития макроэкономической системы в целом, можно отметить, что изменение различных показателей экономической активности оказывает на сферу услуг разнонаправленное и разностороннее воздействие. Оно дифференцировано по рыночным сегментам. К примеру, ускорение инфляции и падение инвестиций, снижение экономической активности частного сектора экономики, очевидно, повлекут за собой неблагоприятные изменения в конъюнктуре рынков финансовых и деловых услуг. В то же время циклические кризисные изменения, приводящие к повышению уровня безработицы, могут вызвать оживление на рынке рекрутинговых услуг и услуг дополнительного профессионального образования (что наблюдалось в 2008–2009 гг.). Также кризисное изменение структуры и уровня цен с высокой степенью вероятности повлечет за собой глубокие изменения в структуре рынка в пользу более простых и дешевых услуг адекватно снижению потребительского спроса и платежеспособности потребителей.

Анализируя состояние конъюнктуры на различных отраслевых рынках сферы услуг, мы пришли к выводу, что после активной фазы кризиса 2008–2009 гг. спектр конъюнктурообразующих факторов в Российской Федерации существенно расширился. Эта тенденция явилась объективным следствием временного отступления от общего тренда на дальнейшую сервисизацию национальной экономики и повышение доли услуг в составе валового внутреннего продукта страны [7, 8, 23 и др.]. В частности, по данным Росстата, если в 2007 г. 60,6 % ВВП в России было создано в сфере услуг, то вследствие кризиса в 2010 г. их доля в ВВП снизилась до 53,1 % [9]. На наш взгляд, это временная тенденция, объясняющаяся как эффектом «низкой базы», так и общим снижением платежеспособного спроса, который в сфере услуг весьма чувствителен к общему состоянию экономики и серьезно зависит от ожиданий населения.

В ряде отраслей сферы услуг в посткризисный период значительно изменился вектор воздействия ключевых конъюнктурообразующих факторов: факторы, благоприятные в предкризисные годы, стали оказывать явно негативное воздействие. Благоприятную конъюнктуру на рынках услуг в условиях посткризисного восстановления российской экономики, которое проходит достаточно

¹ *Альбина Алексеевна Волкова*, доцент кафедры организации обслуживания населения Санкт-Петербургского государственного экономического университета, канд. экон. наук, e-mail: albvolkova@yandex.ru

вяло (с начала 2014 г. проявляется еще один слабопредсказуемый фактор, обусловленный политическим кризисом на Украине, в разрешение которого оказалась втянута наша страна), формирует в первую очередь общий вектор государственного регулирующего воздействия, направленный на стратегически ориентированное развитие экономики в целом и сферы услуг, в частности.

Не отрицая важности ускорения индустриального развития, отметим, что развитие сферы услуг также относится к приоритетам экономической политики. Во многом именно от качества услуг (образование, здравоохранение, государственные, финансовые услуги и пр.) зависит уровень жизни населения, являющийся одним из ключевых индикаторов успешности социально-экономического развития. В Концепции долгосрочного социально-экономического развития России на период до 2020 г. отмечено, что повышение качества образовательных услуг, услуг в области здравоохранения, культуры, спорта и туризма, а также формирование современного рынка финансовых услуг является основой для перехода к инновационному социально ориентированному типу экономического развития [10].

Отметим, что некоторые отрасли сферы услуг в современной модели экономического развития выступают элементами инфраструктурного обеспечения социально-экономического прогресса. Речь, в частности, идет об услугах информационных и связанных с обработкой информации [11]. Современной тенденцией в развитии инфраструктуры социально-экономической системы является то, что информационное обеспечение, реализуемое на основе инновационных телекоммуникационных технологий, меняет представления о способах производства и потребления большинства благ. Развитие информационных услуг, безусловно, существенно влияет и на саму сферу услуг (в качестве примера новой информационной услуги, кардинально преобразовавшей традиционную розничную торговлю, можно привести Интернет-торговлю).

Информационно-технологический прогресс в сочетании с развитием финансовых рынков позволил увеличить спрос населения и организаций на финансовые услуги банков, страховых фирм и других финансовых учреждений. И эти изменения, по нашему мнению, носят не частный, а глобальный, фундаментальный характер. Благодаря развитию информационных технологий минимизируется изначально присущее услуге свойство локальности рынков, что позволяет говорить о технологическом прогрессе как о важнейшем конъюнктурообразующем факторе сферы услуг не только в индустриально развитых странах, но и в переходных и развивающихся экономиках.

Инновационные информационные технологии вносят принципиальные изменения в организацию системы сбыта многих современных услуг, значительно расширяя территориальные границы рынков и «пропускную способность» каналов сбыта. Таким образом, в современных условиях важнейшим конъюнктурообразующим фактором в сфере услуг представляется научно-технический прогресс, позволяющий внедрять в процессы производства наиболее востребованных услуг технологические новации, сокращающие их себестоимость.

Важными конъюнктурообразующими факторами на российском рынке услуг являются динамика численности занятых и качество трудовых ресурсов. Численность занятых в сфере услуг, непосредственно не влияющая на динамику их спроса и предложения, является важнейшей характеристикой. В развитых странах численность занятых в сфере услуг в среднем составляет до 3/4 занятого городского населения. В Российской Федерации показатели несколько скромнее, но все равно значительны. Например, в сфере услуг трудится примерно 2/3 квалифицированных специалистов с высшим профессиональным образованием [12].

В отличие от производственного сектора экономики, где возможен рост производительности при повышении гибкости рынка труда и трудосберегающем техническом прогрессе, в большинстве отраслей сферы услуг непосредственная привязка труда к оборудованию (и исполнителю услуги) является одной из ключевых характеристик. Таким образом, в силу того что конкурентоспособность услуги в отличие от конкурентоспособности товара во многом предопределена способностями ее

непосредственных исполнителей, изменение качества трудовых ресурсов формирует конъюнктуру на рынках персонализированных услуг.

Немаловажным фактором, влияющим на формирование конъюнктуры на рынке услуг по мере насыщения и увеличения разнообразия потребительского спроса, нам представляются ожидания потребителей. Причем исходя из фазы развития российской экономики мы полагаем, что этот фактор должен рассматриваться прежде всего как краткосрочный. Отметим, что период восстановления экономики после кризиса в развивающихся странах для сферы услуг является периодом бурного роста рынков. При этом спрос на рынке определенных услуг формируется под воздействием систем субъективной оценки, позволяющих современным потребителям отбирать поставщика услуг на основе обмена опытом с людьми схожих вкусов, предпочтений, уровня дохода и т. п., ожиданий изменения собственного благосостояния, а также иных субъективных суждений.

Важное отличие рынков услуг от товарных рынков состоит в том, что услуги всегда уникальны и персонализированы, что порождает непостоянство их качества. Мало того, современные исследования показывают, что на рынках с информационной асимметрией, к которым в первую очередь относятся рынки услуг, наблюдается тенденция вытеснения качественных услуг некачественными. Поэтому необходимо формирование, становление и развитие институтов, позволяющих ослабить «механизмы ухудшающего отбора» в сфере услуг. Эти институты могут быть сформированы как на основе государственного управления и регулирования (например, через механизм лицензирования или обязательной сертификации качества услуг), так и на основе рыночного саморегулирования.

Ключевое отличие новой, формирующейся сегодня, экономической модели — акцент на креативность [13–15 и др.]. В среднесрочной ретроспективе обнаруживается резкий рост доли нематериальных, неутилитарных благ в структуре потребления. К ним относятся не только медиапотребление или — шире — сфера культуры, что естественно, но и другие сектора сферы услуг, например, бытовая сфера, которая не так давно считалась исключительно утилитарной. Специфические персонифицированные услуги, приобретенные у определенных поставщиков, все активнее используются как знаки, символы, культурные коды. Таким образом, современный стиль потребительского поведения, связанный с развитием экономики обмена символами, является одним из ключевых факторов развития сферы услуг [16].

В условиях восстановления национальной экономики после кризиса в России одним из важнейших факторов, определяющих процессы на рынке услуг, становится глобализация (сегодня на глобализационные процессы сильно влияют политические решения, связанные с украинскими событиями начала 2014 г.; мы намеренно не анализируем этот вопрос, так как перспективы и пути разрешения украинского кризиса пока остаются неясными) [17–19 и др.].

Глубокие структурные изменения, в первую очередь со стороны предложения, в конъюнктуре рынка услуг связаны с вступлением России в ВТО. По мнению экспертов Минэкономразвития, вступление в ВТО будет способствовать формированию благоприятного климата для иностранных инвестиций, приведет к повышению качества и конкурентоспособности отечественных услуг [20]. На наш взгляд, условия вступления России в ВТО в части, касающейся развития национального рынка услуг, являются достаточно благоприятными. В частности, этими условиями предусмотрено постепенное, плавное открытие важнейших рынков банковских и страховых услуг [21]. Такая эволюционность позволит избежать резких потрясений и сохранить конкурентоспособность российских услуг.

Автор прогнозирует следующие позитивные изменения в рассматриваемой сфере: расширение возможностей роста бизнеса для российских производителей услуг, в первую очередь в банковской сфере стран-членов ВТО; общее повышение качества и разнообразия предлагаемых на внутреннем рынке услуг, оказываемых юридическим и физическим лицам в России; значи-

тельный рост конкуренции в отраслевых составляющих, связанный с приходом иностранных «игроков», обладающих передовыми технологиями и стандартами деятельности, на российский рынок услуг.

Учет выявленных и описанных в статье факторов крайне необходим при разработке государственных стратегий перспективного развития тех отраслевых составляющих сферы услуг, которые формируют человеческий капитал как основу социально ориентированной модели инновационного развития [22]: здравоохранения, образования, культуры, спорта и т. д. Анализ, оценка и прогноз конъюнктуры на рынках услуг, построенные с использованием современного научного инструментария, послужат объективной оценке факторов экономического и социального развития нашей страны.

Список литературы

1. Бодрунов, С. Д. Основные положения концепции развития промышленного комплекса Санкт-Петербурга на период до 2020 года / С. Д. Бодрунов, А. Е. Карлик, М. С. Мейксин, Е. А. Ткаченко // *Экономическое возрождение России*. — 2013. — № 4 (38). — С. 27–39.
2. Бодрунов, С. Д. Императивы, возможности и проблемы реиндустриализации / С. Д. Бодрунов // *Экономическое возрождение России*. — 2013. — № 1 (35). — С. 4–12.
3. Вертакова, Ю. В. Формирование и развитие промышленных кластеров / Ю. В. Вертакова, Ю. С. Положенцева, М. Ю. Хлынин // *Технико-технологические проблемы сервиса*. — 2014. — № 1 (27). — С. 92–99.
4. Плотников, В. А. Государственное регулирование инновационных промышленных производств в России (на примере автомобилестроения) / В. А. Плотников // *Вестник ИНЖЭКОНа*. — Серия: Экономика. — 2013. — № 3 (62). — С. 27–31.
5. Попова, Е. Э. Реструктуризация компаний в условиях мирового финансового кризиса / Е. Э. Попова // *Известия СПбУЭФ*. — 2012. — № 4. — С. 110–112.
6. Основы теоретической экономики / Д. Ю. Миропольский, И. А. Максимцев, Л. С. Тарасевич [и др.]. — СПб.: Питер, 2014. — 512 с.
7. Петров, А. Н. Концептуализация подходов к формированию целостной теории услуг / А. Н. Петров, Г. А. Карпова, Л. В. Хорева // *Известия СПбУЭФ*. — 2012. — № 1. — С. 40–50.
8. Горбашко, Е. А. Совершенствование системы управления качеством услуг сервисной организации / Е. А. Горбашко, Т. А. Филатова // *Известия СПбУЭФ*. — 2013. — № 3. — С. 42–46.
9. Россия в цифрах. 2010: крат. стат. сб. / Росстат. — М., 2010. — 558 с.
10. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года (утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации № 1662-р от 17 ноября 2008 г. (в ред. распоряжения Правительства Российской Федерации № 1121-р от 08.08.2009 г.)).
11. Койда, С. П. Тенденции развития информационной инфраструктуры обеспечения предпринимательской деятельности / С. П. Койда // *Известия СПбУЭФ*. — 2012. — № 5. — С. 75–78.
12. Уровень и образ жизни населения России в 1989–2009 годах: докл. к XII Междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества. — Москва, 5–7 апр. 2011 г. — М.: Издат. дом Высшей школы экономики, 2011.
13. Горелов, Н. А. Смена парадигмы образования: вопросы методологии / Н. А. Горелов // *Известия СПбУЭФ*. — 2013. — № 4 (82). — С. 75–85.
14. Долгин, А. Б. Экономика символического обмена / А. Б. Долгин. — М.: ИНФРА-М, 2006. — 632 с.
15. Попов, А. И. Выбор новой модели развития и модернизация: основы перехода к инновационной экономике / А. И. Попов, В. А. Плотников // *Известия СПбУЭФ*. — 2012. — № 2. — С. 197–209.

16. *Котлер, Ф.* Маркетинг для государственных и общественных организаций / Ф. Котлер. — СПб.: Питер, 2009. — 376 с.

17. *Багров, Н. М.* Мировой финансовый кризис. Санкт-Петербург / Н. М. Багров // Известия СПбУЭФ. — 2012. — № 1. — С. 172–184.

18. *Молчанова, О. А.* Трансформация экономического кризиса в условиях глобализации / О. А. Молчанова, Ю. С. Чепурко // Известия СПбУЭФ. — 2013. — № 2 (80). — С. 22–28.

19. *Плотников, В. А.* Управление социально-экономическим развитием регионов в посткризисных условиях / В. А. Плотников // Известия Юго-Западного государственного университета. — 2010. — № 3. — С. 93–100.

20. *Мурычев, А. В.* ВТО и рынок услуг России: на каких условиях вступаем? / А. В. Мурычев. — Режим доступа: <http://рспп.рф/viewpoint/view/155>. Дата обращения 15.01.2014.

21. *Романовский, М. В.* Факторы обеспечения устойчивости национальной финансовой системы / М. В. Романовский // Известия СПбУЭФ. — 2012. — № 3. — С. 15–26.

22. *Вертакова, Ю. В.* Методический подход к оценке стратегического потенциала системы здравоохранения региона / Ю. В. Вертакова, О. В. Власова // Известия СПбУЭФ. — 2013. — № 6 (84). — С. 24–28.

23. *Большаков, А. С.* Инновации в управлении организациями сервиса: модели и методы оценки эффективности и конкурентоспособности / А. С. Большаков // Экономика и управление. — 2012. — № 5. — С. 70–75.

*М. М. Питюлич*¹

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ И НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАЗВИТИЯ ГОРНЫХ ТЕРРИТОРИЙ УКРАИНЫ

Горные регионы Украины характеризуются сложными природными условиями, что затрудняет развитие хозяйства и жизнедеятельность населения. Товары, произведенные в горах, как правило, являются менее конкурентоспособными из-за отдаленности этих районов от агломераций и магистральных транспортных путей, а следовательно, и от рынков сбыта. Более суровый, чем на равнинах, климат и расчлененный горный рельеф осложняют сельскохозяйственную деятельность, создание поселений и инфраструктуры. Например, расчеты ученых Института региональных исследований НАН Украины показывают, что для обеспечения одинакового уровня социальных потребностей в горные районы Львовской области необходимо направлять в 1,2...1,8 раза больше ресурсов, чем в среднем по области (в расчете на 1000 жителей) [4, с. 118]. Проблемы экономического развития обусловили проблемы занятости местного населения, среди которых особенно острыми являются безработица и внешняя трудовая миграция. Например, на 1 января 2013 г. в горных районах страны уровень безработицы в среднем был в 4,3 раза выше, чем в целом по Украине, а уровень трудовой миграции составил более 40% от численности населения, что в 1,6 раза больше, чем в целом по стране. Уровень жизни в горных районах остается низким, обостряются проблемы социально-демографического характера (депопуляция, социальная деградация, вымывание интеллектуального потенциала, угроза потери самобытного культурного наследия горцев и т. д.).

Для решения задач социально-экономического развития горных территорий необходима полноценная институциональная база, неотъемлемыми компонентами которой являются нормы, правила, субъекты и объекты управленческой деятельности, обеспечивающие координацию государственной политики в этой сфере. Эти вопросы отражены в работах отечественных ученых С. Била, З. Варналий, В. Воротиной, В. Демченко, П. Жука, В. Кравцова, О. Настечко, П. Самолетова, Ю. Стадницкого, О. Шаблий, Л. Шевчука и др. Однако проблема совершенствования институционального и нормативно-правового обеспечения социально-экономического развития горных территорий еще недостаточно исследована и требует детального рассмотрения.

Сегодня процесс планирования и прогнозирования социально-экономического развития горных территорий в Украине регулируют закон Украины «О государственном прогнозировании и разработке программ экономического и социального развития Украины» от 23.03.2000 г. и постановление Кабинета министров Украины «О разработке прогнозных и программных документов экономического и социального развития и составлении проекта государственного бюджета» от 26.04.2003 г.

Особого внимания заслуживают нормативно-правовые документы, которые должны создавать основу для стабильного развития горных территорий и максимально эффективной отдачи от функционирования соответствующего социально-экономического комплекса: закон Украины «О статусе горных населенных пунктов в Украине» от 15.02.1995 г., постановления Кабинета министров Украины «О перечне населенных пунктов, которым предоставляется статус горных»

¹ *Михаил Михайлович Питюлич*, доцент, докторант Института региональных исследований НАН Украины, канд. экон. наук, e-mail: pitjulich0311@mail.ru

от 11.08.1995 г., и «Об условиях оплаты труда лиц, работающих в горных районах» от 11.08.1995 г. Указанные документы декларируют государственные гарантии социально-экономического развития горных территорий и населенных пунктов, которым предоставлен статус горных. Вопросы социально-экономического развития рассматриваемых территорий регулируются и многими другими нормативно-правовыми документами, частично дополняющими вышеназванные.

Основы социально-экономического развития горных территорий регламентируются законом Украины «О стимулировании развития регионов», где, в частности, определено, что Кабинет министров формирует государственную стратегию регионального развития, а местные органы власти разрабатывают на ее основе региональные стратегии. Инструментами реализации социально-экономической политики в горных территориях служат также программы преодоления депрессивного состояния территорий и государственные целевые программы (ГЦП) соответствующего отраслевого направления.

Отдельные нормативно-правовые акты регулируют социально-экономическое развитие горных территорий через утверждение самих программ. В частности, перечень ГЦП, которые планировалось финансировать в 2013 г., включал 120 программ, утвержденных парламентом, правительством и президентом Украины [1]. Местные органы власти разрабатывают и утверждают свои программы, количество которых в отдельном органе власти может достигать нескольких десятков.

Ретроспективный анализ свидетельствует, что в последние годы ежегодно разрабатывались и утверждались десятки программ социально-экономического развития регионов (в том числе их горных территорий), финансирование которых требовало значительных бюджетных средств. Происходило это по инициативе Кабинета министров Украины (выполнение поручений Верховной Рады Украины, Президента Украины, Совета национальной безопасности и обороны Украины).

Сегодня порядок разработки и выполнения ГЦП регулируется Постановлением Кабинета министров Украины № 106 от 31.01.2007 г. и рядом распорядительных документов центральных органов исполнительной власти. Однако проблема правового регулирования процесса формирования ГЦП тесно связана с необходимостью принятия единого общегосударственного стратегического документа развития государства с четко установленными долгосрочными приоритетами государственной политики. Правовыми основаниями для разработки такого документа в развитых странах служат стратегические ориентиры устойчивого развития в соответствии с решениями Конференции ООН по окружающей среде (Рио-де-Жанейро, 1992) и Декларации по устойчивому развитию (Йоханнесбург, 2002). Кроме того, необходимость разработки документа со стратегическими ориентирами развития государства предопределяется обязательствами, взятыми Украиной после ее присоединения (согласно Указу Президента Украины № 325/2007 от 19 апреля 2007 г.) к Парижской декларации по повышению эффективности внешней помощи.

Таким образом, сегодня в Украине созданы правовые условия для планирования и реализации социально-экономического развития горных территорий, в частности, сформирована институциональная инфраструктура, некоторые нормы продублированы в нескольких нормативных актах (например, инструменты устойчивого развития территорий, которые можно применить и в случае горных территорий) [5]. Совершенствование законодательства в этой сфере должно быть направлено прежде всего на устранение отдельных пробелов в нормативно-правовом обеспечении и урегулирование правоотношений, обусловленных необходимостью обеспечения устойчивого развития горных территорий.

Важное значение приобретает совершенствование нормативно-правовых основ отечественной регуляторной политики, прежде всего способом имплементации процедуры разработки проектов социально-экономического развития горных территорий. Это может повысить уровень

эффективности запланированных мероприятий на стадии планирования нормативно-правовых актов в Украине и предотвратить принятие необоснованных управленческих решений [6].

Серьезного усовершенствования требует отечественная нормативно-правовая база по такому наиболее необеспеченному функциональному компоненту социально-экономического развития горных территорий, как предпринимательская деятельность. Так, на начало 2011 г. Украина в рейтинге Всемирного банка по благоприятности экономико-правового обеспечения предпринимательской деятельности находилась на 152-м месте [9], что особенно заметно в горных территориях.

При рассмотрении нормативно-правового регулирования процесса развития горных территорий Карпатского региона Украины важно учитывать положения Рамочной конвенции об охране и устойчивом развитии Карпат, принятой 22 мая 2003 г. в Киеве на 5-й Конференции министров по охране окружающей среды Европы «Окружающая среда для Европы» и ратифицированной Верховной Радой Украины 7 апреля 2004 г. Целесообразно принять во внимание также Стратегию выполнения Карпатской конвенции, утвержденную распоряжением Кабинета министров Украины в январе 2007 г. В этих документах очерчен круг существующих проблем социально-экономического развития горных территорий; предложены направления их решения; определены уполномоченные органы и их компетенции в реализации запланированных мероприятий. Практическим инструментом их реализации должна стать государственная программа устойчивого развития Карпат, состоящая из приоритетных инвестиционных проектов социального, экономического, культурного и экологического развития горных территорий с конкретными сроками исполнения, объемами и источниками финансирования. Этому будет способствовать привлечение финансовых ресурсов Европейского союза и других международных организаций. Руководители структур Совета Европы заверили, что будут делать все для реализации принятых документов [2].

Отметим, что успешное развитие горных территорий должны обеспечивать институты, выполняющие в рамках своих полномочий функции принятия решений, информационную и мотивационную [10]. Эффективная реализация принятых решений обеспечивается институционально-правовыми правилами распределения полномочий между субъектами управленческой деятельности; информационная функция заключается в институциональном обеспечении мониторинга политики в этой сфере; мотивационная касается правил и механизмов реализации решений государственной горной политики.

На сегодняшний день несогласованность прав и обязанностей местных органов исполнительной власти и органов местного самоуправления (особенно на уровне областей) по отдельным вопросам развития горных территорий приводит к возникновению компетенционных споров. Чрезмерное количество делегированных полномочий лишает субъектов местного самоуправления организационно-правовой самостоятельности, поскольку названные полномочия практически становятся не правом, а обязанностью.

Информационная база социально-экономического развития горных территорий Украины характеризуется значительными недостатками. В частности, несовершенной является система информирования общественности, субъектов социально-экономической среды, а также органов власти о базовых параметрах экономико-правового обеспечения развития горных территорий и прогнозе экологических проблем. Необходимо предусматривать периодическое проведение социологических опросов с целью исследования основных характеристик состояния социально-экономического развития этих территорий.

Для преодоления негативных тенденций в государственном управлении социально-экономическим развитием горных территорий необходимо создание институциональной системы, в которой политические и регуляторные функции государства разделены. При этом следует исходить из принципов:

- демополизации государственного управления, привлечения всех субъектов системы к содействию их социально-экономическому развитию и создания альтернативных институтов контроля;

- снижения уровня напряженности в институциональной системе и неопределенности экономико-правовых, общественных и социальных отношений, достижения компромисса между субъектами управленческой деятельности;

- создания благоприятной среды для роста инвестиций, наиболее рационального и эффективного развития ресурсного потенциала социально-экономического комплекса горных территорий;

- внедрения независимой социальной экспертизы законодательных и других нормативно-правовых актов, касающихся социально-экономической политики горных территорий [8, 11].

Среди институциональных изменений, которые произошли в последние годы и должны улучшить социально-экономическое развитие горных территорий, отметим создание Совета регионов как консультативно-совещательного органа при Президенте Украины. Среди задач совета особое значение имеет активизация сотрудничества органов государственной власти и местного самоуправления при выработке механизмов преодоления диспропорции развития территорий, повышения уровня их конкурентоспособности и инвестиционной привлекательности.

Отметим, что, несмотря на многочисленные законы и нормативно-правовые акты, регулирующие сферу социально-экономического развития горных территорий, система законодательного обеспечения формирования и реализации государственной политики в этой сфере так и не создана [3]. Действующие законы принимались в разное время, на основе различных концепций и не стали взаимодополняющими и гармонизированными. До сих пор остается не принятым закон Украины «Об основах государственной региональной политики», который должен определить механизмы влияния государства на социально-экономическое развитие регионов; нормировать условия и направления взаимодействия государства и регионов, систему стимулирования развития депрессивных, в частности горных, территорий.

В 2009 г. был предложен закон «О развитии горных территорий в Украине», который так и не принят. В нем на основе обобщения мирового опыта развития горных районов заложены регламентирующие нормы для предотвращения дальнейшей деградации горных районов, создания условий для развития горной территории в целом, а не отдельных населенных пунктов. В упомянутом проекте закона существует ряд недоработок, которые должны быть устранены. Так, в проекте нет согласованности с нормативным механизмом (Постановление КМУ от 21.07.2006 г. № 2001) поддержки государством приоритетов развития регионов на основе региональных стратегий развития до 2015 г. и разработки и выполнения соответствующих соглашений между КМУ и областными советами. Между тем отдельные стратегические задачи и соответствующие им инвестиционные проекты реализации региональных и местных стратегий развития выполняются в горных территориях Закарпатской, Львовской, Ивано-Франковской и Черновицкой областей.

Не отражена в упомянутом проекте поддержка предпринимательской деятельности. По нашему мнению, следует предусмотреть возможность введения механизма государственной поддержки малых предприятий в горных территориях через целевые программы частичного или полного возмещения процентных ставок по кредитам, получаемым в коммерческих банках для реконструкции и строительства, расширения строительства через закупку оборудования; внедрения инновационных технологий; реализации проектов энергосбережения, охраны природы и окружающей среды; развития коммунальной инфраструктуры и инженерных сетей; организации сетевых производственных структур, кластеров.

Как уже говорилось, сравнительно высокий уровень безработицы и низкие доходы населения приводят к значительной вынужденной трудовой миграции населения горных территорий. Именно поэтому в проект закона следует включить положение об особенностях регистрации

безработных граждан, проживающих в этих районах, в местных центрах занятости с выплатой государственного пособия по безработице. Это необходимо сделать срочно с одновременным внесением изменений в ЗУ «О занятости», в котором недавними изменениями, принятыми Верховной Радой, все члены личных крестьянских домохозяйств отнесены к категории работающих. Отметим, что в проекте закона перечислены критерии горных территорий и возможности (или невозможность) сельскохозяйственного использования земель, находящихся в пользовании или собственности крестьян-горцев. Приравнивание их к крестьянам низинных территорий не только создает социальное напряжение, но и подрывает веру жителей горных территорий в способность и желание государства оказать им социальную помощь. Недовольство жителей сел направлено на сельских и поселковых глав, которые в соответствии с принятыми изменениями в ЗУ «О занятости» вынуждены выдавать справки о наличии у крестьян земельных паев. Между тем во многих случаях наличие у жителей гор земельных паев отнюдь не приводит к дополнительным доходам семей. Напомним, что в большинстве развитых стран мира государство предоставляет гарантированные дотации на выпуск продукции горными крестьянскими хозяйствами.

И, наконец, по нашему мнению, вся система нормативно-правовых актов, прямо или косвенно регулирующих вопросы социально-экономического развития горных территорий, должна быть кодифицирована, например, путем принятия Горного кодекса, обеспечивающего обобщенное и системное регулирование вышеназванной группы общественных отношений с учетом особенностей территории.

Выводы

Приоритетными направлениями институционального и нормативно-правового обеспечения устойчивого развития горных территорий Украины должны стать:

- расширение правовой базы, нормирующей реализацию стратегии социально-экономического развития горных территорий;
- определение цели (целей) управленческой деятельности по их развитию;
- финансовое обеспечение реализации программ социально-экономического развития горных территорий;
- определение институтов, ответственных за реализацию стратегии и планов социально-экономического развития рассматриваемых территорий.

Список литературы

1. Богатое общество, конкурентоспособная экономика, эффективное государство: программа экономических реформ Президента Украины на 2010–2014 годы (версия для обсуждения от 02.06.2010 г.). — Режим доступа: www.president.gov.ua.
2. Концептуальные основы устойчивого развития горного региона / под ред. М. Голубца. — М.: Поле, 2007. — 286 с.
3. *Кравцив, В. С.* Горная политика: международные акты и мировой опыт / В. С. Кравцив, Ю. И. Стадницкий / Ин-т региональных исследований НАН Украины. — Львов, 2005. — 50 с.
4. *Кравцив, В. С.* Актуальные вопросы формирования политики устойчивого развития горных территорий в Украине / В. С. Кравцив // *Экономическое возрождение России.* — 2010. — № 1. — С. 118–125.
5. О планировании и застройке территорий: Закон Украины // *Ведомости Верховной Рады.* — 2000. — № 31. — Ст. 250.
6. О формировании и реализации государственной региональной политики: постановление Кабинета министров Украины от 09.06.2010 г. — Режим доступа: zakon.rada.gov.ua.

7. Украина в 2010 году: ежегодные оценки общественно-политического и социально-экономического развития/под. ред. А. В. Ермолаева. — М.: НИСИ, 2010. — С. 259.
8. *Шевчук, П. И.* Социальная политика/П. И. Шевчук. — М.: Мир, 2003.
9. Doing business in 2009: How to reform. Comparing regulations in 182 economies/The International Bank of Reconstruction and Development. — Access mode: www.nbu.gov.ua/portal/socgum/sp/20093/24.pdf.
10. *Neuberger, E.* Comparative economic systems: a decision — making approach/E. Neuberger//Duffy, with the collaboration of Alan A. Brown, F. Reed Johnson, Joseph A. Licari. — Boston: Allyn and Bacon, 1976. — 378 p.
11. *Бабкина, Л. Н.* Методологические подходы и принципы формирования стратегии социально-экономического развития регионов/Л. Н. Бабкина, О. В. Скотаренко//Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. — 2013. — № 3. — С. 30–36.

*С. Д. Пунцукова*¹

ОБОСНОВАНИЕ ПРИНЦИПОВ ФОРМИРОВАНИЯ ЛЕСОРЕСУРСНОЙ РЕНТЫ РЕГИОНА И ПОРЯДКА ЕЕ РАСЧЕТА²

Действующие минимальные ставки платы за единицу объема древесины, заготавливаемой на землях федеральной собственности, установлены постановлением Правительства РФ от 22 мая 2007 г. № 310. На уровне субъектов РФ органы государственной власти должны устанавливать региональные ставки платежей за древесину с учетом региональной специфики лесопользования и лесного рынка. Но на практике из-за отсутствия нормативно-правовой базы, обеспечивающей реализацию данного подхода, региональная составляющая этих платежей определяется путем введения повышающих коэффициентов к федеральным минимальным ставкам. Несмотря на применение этих коэффициентов и ежегодный рост платежей, они не покрывают даже нормативные затраты на простое воспроизводство вырубаемых лесов, не говоря уже о расширенном. Доля этих платежей в цене лесоматериалов в России составляет 6,5%, тогда как в Финляндии — 77,6, а в Латвии — 80% [11].

Поэтому пересмотр величины лесных платежей и установление справедливых корневых цен на древесину является серьезной управленческой задачей. Методические рекомендации по определению ставок лесных платежей в силу условности предлагаемого подхода не нашли практического применения в регионах [6, 7].

Теоретические разработки по проблеме экономической оценки лесных ресурсов появились в нашей стране в 40-е гг. прошлого столетия. Дальнейшее развитие данные исследования получили в 1960–1970-е гг. в связи с признанием важности учета оценки природных ресурсов для обоснования управленческих решений при отраслевом и народно-хозяйственном планировании. Теоретические и методические аспекты оценки лесных ресурсов нашли отражение в трудах П. В. Васильева, В. В. Варанкина, А. С. Лазарева, И. В. Туркевича, А. П. Петрова, П. Т. Воронкова, С. В. Починкова, Н. П. Чупрова и др. Работы указанных авторов по экономической оценке лесных ресурсов можно условно разделить на два направления: затратное и рентное.

Затратный подход получил развитие во времена плановой экономики в соответствии с распространенным мнением, что природные ресурсы как бесплатный дар природы приобретают ценность только в результате приложения труда, и что цена ресурса должна покрывать затраты, связанные с его восстановлением. Такой подход подвергался критике из-за многих недостатков, в частности, он не учитывает эффект, приносимый лесами при эксплуатации. Кроме того, согласно этому критерию, более высокие экономические оценки получают не лучшие ресурсы, имеющие качественные характеристики, а худшие, затраты на освоение и восстановление которых максимальны.

Этих недостатков позволяет избежать рентная концепция, базирующаяся на исчислении природной ренты (В. Варанкин, И. В. Туркевич, П. Т. Воронков, А. П. Петров, С. В. Починков, Н. П. Чупров и др.). В экономической теории под природной рентой понимается незаработан-

¹ Светлана Доржиевна Пунцукова, ведущий научный сотрудник Байкальского института природопользования СО РАН, д-р геогр. наук.

² Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Российского фонда фундаментальных наук (РФФИ), проект № 13–06–00742.

ный доход, именуемый рентным доходом природопользователей и обусловленный использованием лучших по качеству и местоположению ресурсов, имеющих объективный и постоянный характер, и рыночной конъюнктурой на ограниченные ресурсы. Экономическая оценка лесных ресурсов в рамках рентной концепции выполняется на основе разницы между рыночной ценой лесной продукции и затратами на ее производство с учетом обеспечения нормальной прибыли на капитал. Существуют два подхода к определению ее величины: расчетный и на основе аукционных сделок. Расчетный метод оценки стоимости древесины на корню — многостадийная задача, требующая проведения количественного и качественного анализа потребляемой древесины, изучения рыночных цен на лесоматериалы, оценки издержек на заготовку древесины, которые несет лесопользователь, и т. д.

Метод на основе аукционных сделок несколько проще, но его можно применять только при наличии конкурирующего рынка древесины на корню и большого количества совершенных в предшествующий период аукционных сделок. Метод позволяет наиболее точно определить ренту, если аукционы совершаются в условиях свободной конкуренции, когда в них принимает участие достаточное количество покупателей, имеющих полную информацию о сырье, и отсутствуют какие-либо ограничения со стороны властей. В таком случае конечная цена древесины на корню должна автоматически быть равной реальной рыночной стоимости древесины. Но в действительности абсолютно свободных лесных аукционов в стране не существует, поскольку возможен сговор при покупке лесных участков для снижения цены, отсутствие конкуренции и т. п. Поэтому аукционы не являются эффективным способом извлечения лесной ренты в регионе.

В современных условиях на практике используется затратный подход. В основе базовой концепции, применяемой в нашей стране с 1949 г., лежала концепция цены воспроизводства: среднюю корневую цену леса определяли делением планируемой суммы затрат на ведение лесного хозяйства в масштабе страны на расчетную лесосеку [2]. Рассчитанную таким путем цену вначале дифференцировали по лесотаксовым зонам, а затем — по разрядам, древесным породам, размерно-качественным группам древесины. Дифференциацию осуществляли на основе ценностных коэффициентов, которые устанавливались экспертным путем и при каждом очередном плановом пересмотре лесных такс менялись. Включая в формулу корневой цены дифференциальную ренту, разработчики методики подчеркивали, что речь идет о ренте, не носящей характера рентных отношений, поскольку собственность на леса и ведение лесного хозяйства находятся в руках государства [2]. На практике учет дифференциального дохода не производился. В условиях плановой экономики, где доминировали административные методы регулирования, данный фактор не имел особого значения.

Последний пересмотр лесных такс был осуществлен в 1992 г. по методике А. С. Лазарева, также построенной на затратном подходе [4]. При пересмотре были использованы повышающие коэффициенты, которые позволяли искусственно уравнивать величину лесного дохода и операционных затрат на лесное хозяйство. В последующие годы во всех субъектах Российской Федерации в качестве минимальных ставок лесных податей за древесину, отпускаемую на корню, применялись индексированные лесные таксы 1992 г. с учетом инфляции. Установленные Постановлением Правительства РФ от 22 мая 2007 г. минимальные ставки платы за древесину на корню базируются на прежних ставках и сохраняют все их недостатки. В условиях рыночной экономики применение такого рода лесных платежей ведет к нерациональному использованию лесосечного фонда и сокращению лесного дохода, поскольку большая его часть в виде сверхприбылей остается у лесозаготовителей и лесопереработчиков. Эти обстоятельства определяют неэффективность существующей системы платежей за лесопользование.

По мнению большинства ученых, для формирования эффективной системы платежей за древесину на корню в основу их определения должна быть положена лесная рента. При единстве взглядов на суть оценки существуют различия в подходах к определению ренты.

Во-первых, отсутствует единое мнение о том, что считать конечной продукцией. Одни полагают, что можно ограничиться стадиями заготовки и транспортировки продукции лесозаготовок, другие настаивают на включении продукции переработки древесины, в том числе целлюлозно-бумажной, непосредственно приобретаемой населением как конечным потребителем. Во-вторых, не ясно, на основе каких (фактических или нормативных) затрат строить расчеты. Большинство экономистов сходятся на том, что при определении ренты необходимо исходить из нормативов затрат. Нормативными являются затраты, исчисленные с использованием научно обоснованных норм выработки, затрат труда, нормативов расхода материалов, топлива, электроэнергии и др. Это необходимо, чтобы результаты расчетов были признаны обеими сторонами (пользователем и владельцем лесного фонда) как достоверные и справедливые, что гарантирует обоснованность величины лесной ренты. Другие различия связаны с выявлением факторов, от которых зависят затраты, и выбором методов их счета.

По нашему мнению, выбор «исходного пункта» для расчета корневых цен следует осуществлять на основе анализа лесного рынка (внутреннего и внешнего), преобладающей структуры производимой продукции и других факторов. Мы считаем, что рентные оценки становятся объективными, когда они основываются на нормативных затратах, поскольку фактические затраты искажаются под влиянием многих причин, в том числе и субъективных. При определении платежей за лесные ресурсы очень важно использовать метод поэтапного приближения их к величине лесной ренты, чтобы избежать многих негативных последствий их повышения.

Предлагаемая нами методика определения рентной оценки древесных ресурсов построена с учетом рентообразующих факторов, оказывающих влияние на цены на лесоматериалы и производственные затраты лесозаготовителя; региональных особенностей лесопользования и лесного фонда с дифференциацией затрат по рынкам сбыта (экспорт, внутреннее потребление) и направлениям использования лесоматериалов в условиях экологических ограничений Республики Бурятия.

Разработаны *основные принципы построения ставок платежей на древесину на корню* [10] на рентной основе в условиях региона:

- базой для расчета ренты на современном этапе принимаются круглые лесоматериалы из-за сырьевой направленности развития лесопромышленного комплекса;
- при определении затрат на производство лесопроductии используется нормативный подход к их исчислению;
- при определении затрат на производство продукции учитывается специфика экологической регламентации лесопользования, связанная с необходимостью сохранения озера Байкал (включаются экологические затраты);
- транспортные затраты определяются исходя из расстояния перевозки лесной продукции до рынков сбыта, а не только расстояния вывозки древесины;
- из-за сырьевой ориентации экспорта в средней цене лесопроductии учитываются цены внутреннего и внешнего рынка, чтобы нивелировать экономические диспропорции, связанные с увеличением таможенных пошлин: внешний рынок может стать недоступным для лесозаготовительных предприятий с неблагоприятным местоположением. Данное преимущество сглаживается, если экспортные сортаменты рассматриваются как элементы общей структуры лесопотребления;
- приближение размера рентных платежей к максимальной величине должно быть поэтапным, основанным на сочетании методов рыночного и государственного регулирования. Нижние границы ставок рентных платежей за древесину на корню должны формироваться путем переговорного процесса с участием всех заинтересованных сторон, в первую очередь с учетом инвестиционных обязательств лесопользователей по развитию перерабатывающих производств, транспортной и социальной инфраструктуры.

Расчет ставок платежей на рентной основе за древесину, отпускаемую на корню, состоит из трех этапов:

1. *Лесоэкономическое районирование лесных территорий* на основе анализа рентообразующих факторов и условий, оказывающих влияние на уровень цен и производственные затраты лесозаготовителя, с целью выделения территорий лесного фонда с однородными лесоводственными и экономическими факторами эксплуатации лесных ресурсов. Основными критериями выделения районов и подрайонов являются:

- транспортная доступность лесного фонда;
- развитость производственной инфраструктуры;
- эксплуатационные характеристики лесосечного фонда;
- ориентация лесопользователей на определенные рынки сбыта;
- режим эксплуатации ресурсов;
- природные условия и факторы.

Сбор и анализ лесорастительной и лесохозяйственной информации производится по лесничествам; изучаются: особенности размещения и освоения лесосырьевой базы, основные природно-производственные характеристики древесных ресурсов — породная структура, категории качества древесины (деловая и дровяная), категории крупности для деловой древесины (крупная, средняя, мелкая), объем хлыста, расстояние трелевки и вывозки древесины, рельеф местности, климатические и иные природные условия, определяющие условия заготовки и транспортировки древесины.

Кроме перечисленных рентообразующих факторов анализируются и более общие факторы: преобладающая технология заготовки, используемая техника, способы рубок; виды производимой продукции; расположение по отношению к основным потребителям древесины и т. д. Рассматриваются также различные проекты и программы развития лесного хозяйства и лесной промышленности, объемы лесозаготовок; изучаются данные о продажах лесной продукции (на внутреннем и внешнем рынках), текущие затраты на заготовку обезличенного кубометра круглых лесоматериалов и др.

Для выделенных лесоэкономических районов и подрайонов определяются объемы отпуска древесины и средние природно-производственные характеристики (породный состав, удельные запасы древесины, объем хлыста, расстояние трелевки, вывозки, перевозки лесной продукции).

2. *Расчет лесного рентного дохода по лесоэкономическим районам и подрайонам.* По каждому подрайону, исходя из специфики товарной структуры отпускаемого в рубку древостоя и возможностей сбыта лесоматериалов, определяется выход древесины по товарным группам. Товарные группы выделяют с учетом возможностей потребления лесоматериалов внутри подрайона, их реализации в другие районы, а также регионы страны и на экспорт. В зависимости от условий конкретного подрайона это могут быть следующие виды лесной продукции: пиловочник внутренний и экспортный, балансы, шпальник, рудстойка, дрова. По данным предприятий, материалам публикаций в специальных изданиях, а также экспертным путем собираются сведения о внутренних и экспортных ценах на соответствующую лесопroduкцию.

Средневзвешенная цена обезличенного кубометра древесины по лесоэкономическим подрайонам (P_j^{cp}) определяется на основе собранной информации по формуле

$$P_j^{cp} = \frac{\sum_{i=1}^m d_{ij} Q_j P_{ij}}{Q_j}, \quad (1)$$

где i — номер товарной группы древесины, $i = \overline{1; m}$; j — номер подрайона, $j = \overline{1; n}$; d_{ij} — удельный вес i -й товарной группы в общем объеме отпуска по j -му подрайону; Q_j — объемы отпуска древесины по j -му подрайону; P_{ij} — цена i -й товарной группы в j -м подрайоне.

Нормативная себестоимость производства лесоматериалов по лесоэкономическим районам определяется по всему комплексу технологических операций. Себестоимость производства круглых лесоматериалов является наиболее динамичным элементом при расчете ставок лесных платежей. Она зависит от большого количества разнообразных факторов, различием которых и обусловлена ее дифференциация. Можно выделить четыре группы таких факторов: природные (характеристики ресурсов и условия их эксплуатации), технологические, технические и организационно-экономические [10].

При расчете себестоимости обезличенного кубометра древесины необходимо учитывать особенности лесопользования в регионе. Директивно установленная экологическая регламентация лесопользования (как в Бурятии), выражающаяся в запрете сплошных рубок на значительной территории лесного фонда региона, способствует росту объемов выборочных рубок. Соответственно увеличиваются затраты на заготовку древесины (см. таблицу). Это определяет необходимость включения в расчеты затрат соотношения объемов сплошных и выборочных рубок и, соответственно, отдельного расчета затрат на производство древесины, заготовленной в порядке сплошных и выборочных рубок.

Если в регионе преобладает экспорт лесной продукции, то экспортные сортаменты необходимо рассматривать как элементы общей структуры лесопотребления и выполнять расчет себестоимости производства лесоматериалов, предназначенных для внутреннего потребления, реализации в другие регионы страны и на экспорт. Последние дополнительно включают затраты на перевозку сортаментов до потребителя (станции отправления), а также затраты, связанные с экспортом продукции.

Сводные данные ЦНИИМЭ о затратах на заготовку древесины в бассейне оз. Байкал в ходе проведения опытно-производственных рубок [14]

Виды лесосечных работ	Трудозатраты, чел.-дн.		Соотношение затрат, %	Затраты машинного времени, маш.-см.		Соотношение затрат, %
	Сплошные вырубki	Выборочные вырубki		Сплошные вырубki	Выборочные вырубki	
Основные работы	84,5	99,7	17,9	17,1	17,7	3,5
Уборка опасных деревьев	10,7	18,8	75,7	2,6	4,4	69,3
Расчистка площади	1,3	1,3	—	1,3	1,3	—
Строительство усов	5,5	9,7	76,4	5,5	9,7	76,4
Перебазировка	2,9	4,9	69,0	1,3	3,5	169,2
Очистка лесосек	19,5	24,2	24,1	—	—	—
Уборка поврежденных деревьев	—	11,0	—	—	2,0	—
Итого	124,4	169,6	36,3	27,8	38,6	38,8

Средневзвешенная себестоимость заготовки и транспортировки древесины определяется сначала по видам продукции в зависимости от направления реализации (внутреннее потребление, вывоз в другие регионы и экспорт), а затем по видам рубок:

$$S_j^{cp} = \frac{S_j^c Q_j^c + S_j^b Q_j^b}{Q_j}, \quad (2)$$

где S_j^{cp} — средние затраты на производство и транспортировку лесопродукции в условиях j -го подрайона; S_j^c, S_j^b — себестоимость производства лесопродукции при заготовке древесины сплошными и выборочными рубками; Q_j^c, Q_j^b — объемы отпуска древесины по сплошным и выборочным рубкам.

Для учета постоянно меняющейся рыночной конъюнктуры лесного рынка в регионе себестоимость производимой продукции должна периодически пересчитываться. Для этого разработано программное обеспечение с использованием стандартных функций на базе табличного процессора MS Excel, которое позволяет проводить многовариантные расчеты.

Программное обеспечение определения нормативных затрат на производство круглых лесоматериалов

В качестве базовой для условий Республики Бурятия принята хлыстовая технология заготовки древесины, в основу расчетов положена соответствующая ей технологическая схема (от валки деревьев на лесосеке до перевозки к потребителям). В производственные операции включены системы машин и механизмов, которые традиционно используются в республике.

Расчет производственных затрат на 1 м^3 обезличенной древесины осуществляется исходя из сменной выработки по стадиям: лесосечные работы (подготовительные работы, лесозаготовка); погрузка; вывозка хлыстов; нижнескладские работы; перевозка сортиментов. Затраты на производство обезличенного 1 м^3 лесоматериалов дифференцированы по видам рубок, видам готовой продукции (дрова, древесина для строительства, внутренний и экспортный пиловочник) и по древесным породам (хвойные, мягколиственные).

При определении эксплуатационных затрат используется метод имитационного моделирования. Затраты на заготовку 1 м^3 древесины C по всем видам работ рассчитываются по уравнению

$$C = C_3 + C_{гсм} + C_{и} + C_{тр} + C_a + C_{пр},$$

где C_3 — основная и дополнительная заработная плата основных и вспомогательных рабочих с учетом единого социального налога; $C_{гсм}$ — затраты на ГСМ и энергию; $C_{и}$ — затраты на инструменты, инвентарь и расходные материалы; $C_{тр}$ — затраты на текущий ремонт и технические уходы; C_a — амортизация; $C_{пр}$ — прочие производственные затраты.

Определяются коммерческие расходы, связанные с экспортом древесины, в качестве которых приняты расходы на реквизирувание, погрузку, подготовку и уборку вагонов, железнодорожный тариф и пр.

Механизм работы с программой: необходимо задать конкретные параметры в графе «общие условия» (средний объем хлыста, расстояние вывозки, трелевки, перевозки, вид рубок, преобладающая порода, климатические условия — умеренные, районы Крайнего Севера, северные). В графе «затраты» отображаются полученные результаты.

Выбор уровня *нормальной прибыли* производства определяется на базе расчетов необходимой прибыли с учетом экономических условий функционирования лесного комплекса в регионе.

Лесной рентный доход по каждому подрайону рассчитывается как остаточная стоимость между ценой и затратами на производство и транспортировку круглых лесоматериалов с учетом нормальной прибыли:

$$R_j = P_j^{cp} - S_j^{cp}(1 + p), \quad (3)$$

где p — норма прибыли.

3. *Обоснование рентных платежей за древесину на корню по лесоэкономическим районам.* Вычисляются *верхние и нижние границы ставок рентных платежей за древесину на корню.* Величина лесной ренты, рассчитанная по формуле (3), определяет максимальный размер средних ставок по каждому подрайону.

Для поэтапного приближения ставок к максимальной величине следует обосновать ее размер на нижней границе, который должен регулярно пересчитываться для объективного отражения меняющейся ценовой ситуации на рынке лесной продукции. Для этого необходим постоянный переговорный процесс с участием всех заинтересованных сторон. Размер платежей на нижней границе должен формироваться с учетом инвестиционных обязательств лесопользователей по развитию перерабатывающих производств и транспортной инфраструктуры.

Нижняя граница рентных ставок платежа за 1 м³ древесины r_j рассчитывается делением общей величины лесного дохода по каждому подрайону на соответствующие объемы отпуска древесины:

$$r_j = \frac{R_j^{\min}}{Q_j}. \quad (4)$$

Сначала распределяют рентный доход по лесоэкономическим подрайонам пропорционально их вкладу в общий рентный доход региона:

$$R_j^{\max} = R_j Q_j. \quad (5)$$

Затем рассчитывают долю лесного рентного дохода каждого подрайона в лесном доходе региона:

$$\lambda_j = \frac{R_j^{\max}}{\sum_{j=1}^n R_j^{\max}} 100. \quad (6)$$

И, наконец, определяют величину нижней границы лесного рентного дохода по каждому подрайону пропорционально доле обоснованного рентного дохода N_{\min} каждого подрайона в лесном доходе региона:

$$R_j^{\min} = \frac{N_{\min} \lambda_j}{100}. \quad (7)$$

Средние размеры минимальных ставок платы за древесину на корню определяются на основе действующего прейскуранта для каждого лесничества в соответствии с характеристиками отпускаемого в рубку лесосечного фонда. Затем по каждому лесоэкономическому подрайону рассчитываются средневзвешенные величины минимальных ставок платы за древесину.

Коэффициенты превышения уровня рентных платежей за древесину на корню над средними размерами минимальной ставки для каждого лесоэкономического подрайона k_j определяются путем сравнения расчетных значений лесной ренты с 1 м³ (нижней границы платежа) с размерами средних минимальных ставок ($t_{(\min)j}^{\text{cp}}$):

$$k_j = \frac{r_j}{t_{(\min)j}^{\text{cp}}} \quad (8)$$

Обоснование средних ставок рентных платежей за древесину на корню по лесничествам. Дифференциация ставок рентных платежей $T_{\text{л}}^{\text{cp}}$ производится умножением средней минимальной ставки по каждому лесничеству на коэффициент превышения уровня рентных платежей соответствующего подрайона:

$$T_{\text{л}}^{\text{cp}} = k_j t_{(\min)\text{л}}^{\text{cp}} \quad (9)$$

После выполнения расчетов строится *прейскурант ставок рентных платежей* в разрезе пород, категорий их крупности, градаций расстояний вывозки и запаса на 1 га по каждому лесничеству $t_{\text{гл}}$. Для расчета используется формула

$$t_{\text{гл}} = \frac{t_{(\min)g}}{t_{(\min)\text{л}}^{\text{cp}}} T_{\text{л}}^{\text{cp}}, \quad (10)$$

где g — индекс разрядно-породно-качественной группы; $t_{(\min)g}$ — минимальная ставка платы за древесину g -й разрядно-породно-качественной группы по действующему прейскуранту.

Ставки платежей за лесные ресурсы, рассчитанные рекомендуемым способом, позволяют обеспечить выравнивание условий и результатов производства лесопользователей, получение ими общественно признанной предпринимательской прибыли, а обществу — получить максимально возможный лесной доход за счет изъятия лесной ренты и направления его на воспроизводство и охрану лесов, развитие лесного сектора региона.

Список литературы

1. Варанкин, В. В. Методологические вопросы региональной оценки природных ресурсов / В. В. Варанкин. — М.: Наука, 1974. — 240 с.
2. Васильев, П. В. Экономическое содержание такс на отпуск леса в лесном хозяйстве СССР / П. В. Васильев // Лесное хозяйство. — 1949. — № 4. — С. 75–80.
3. Воронков, П. Т. Экономическая оценка лесных угодий / П. Т. Воронков. — Новосибирск: Наука, 1976. — 136 с.
4. Лазарев, А. С. Лесные таксы 1992 г. / А. С. Лазарев, Д. Ю. Аскеров // Лесное хозяйство. — 1993. — № 5. — С. 18–25.
5. Лetyагин, В. И. Теоретические основы корневых цен на древесину / В. И. Лetyагин, С. В. Починков // Лесное хозяйство. — 1998. — № 6. — С. 27–32.
6. Методика экономической оценки лесов. — Утв. приказом Федеральной службы лесного хозяйства России от 10 марта 2000. — 25 с.
7. Методические рекомендации по расчету минимальных ставок лесных податей и ставок арендной платы при передаче участков лесного фонда в аренду // Федеральный лесной бюллетень «Экономика и жизнь». — 1994. — Вып. 5. — 72 с.
8. Петров, А. П. Лесной кадастр и стоимостная оценка лесных ресурсов / А. П. Петров // Лесное хозяйство. — 1997. — № 6. — С. 10–12.

9. Починков, С. В. Методика рентной оценки древесных ресурсов леса / С. В. Починков // Лесное хозяйство. — 2004. — № 3. — С. 14–17.
10. Пуницуква, С. Д. Научные основы устойчивого лесопользования в регионах с экологическими ограничениями (на примере Республики Бурятия): дис. ... д-ра геогр. наук / С. Д. Пуницуква. — Улан-Удэ, 2011. — 345 с.
11. Русова, И. Г. О совершенствовании механизма установления платежей за древесину, отпускаемую на корню / И. Г. Русова // Лесное хозяйство. — 2003. — № 1. — С. 23–25.
12. Туркевич, И. В. Кадастровая оценка лесов / И. В. Туркевич. — М.: Лесная промышленность, 1977. — 167 с.
13. Чупров, Н. П. Экономическая оценка лесных ресурсов и лесных земель / Н. П. Чупров. — Архангельск: ФГУ СевНИИЛХ, 2005. — 184 с.
14. Ягодников, Ю. А. Лесозаготовительное производство: опыт организации и совершенствования структуры / Ю. А. Ягодников, Г. М. Михайлов. — М.: Лесная промышленность, 1991.

РЕФЕРАТЫ

УДК 330.354. С. Д. Бодрунов. Российская экономическая система: будущее высокотехнологичного материального производства. Рассматриваются методологические аспекты исследования экономики России. В основу методологии положен системный подход, учитывающий влияние на экономику материально-технических предпосылок ее функционирования и цивилизационной специфики России. Выполнен анализ различных подходов к пониманию экономической системы России, по результатам которого выделены три ее ключевые подсистемы. Сформулированы выводы о состоянии и перспективах развития высокотехнологичного сектора материального производства; подчеркивается приоритетность обеспечения экономической, военной и иной безопасности страны. Для реализации объективно возможных направлений развития экономики России необходимы системные изменения в сферах планирования, финансирования и правового обеспечения.

Ключевые слова: экономическая система, высокотехнологичное производство, методология исследования, системный подход.

УДК 330.354. В. Т. Рязанов. Новая индустриализация России: стратегические цели и текущие приоритеты. В статье анализируется произошедшая деиндустриализация в экономике России и ее последствия. Обосновывается необходимость разработки программы новой индустриализации в нашей стране. При ее реализации предлагается выделять стратегические цели и текущие приоритеты. Стратегической целью неоиндустриализации выступает формирование в российской экономике спроса на инновации с их ориентацией на наукоемкие и высокотехнологичные производства, обеспечение трудосбережения. В качестве текущего при-

ABSTRACTS

S.D. Bodrunov. Russian economic system: the future of high-tech material production. The methodological aspects of the Russian economy research are concerned. The methodology is based on the system approach taking into account the impact of material and technical conditions of economic functioning and civilizational characteristics of Russia. There is the analysis of various approaches to understanding the economic system of Russia. Its three key subsystems are eliminated as the result. Conclusions on the state and prospects of high-tech sectors of material production development are formulated. The article emphasizes the priority of ensuring the economic, military and other national security. It is necessary to make system changes in planning, financing and legal support to implement possible directions of the Russian economy development.

Keywords: economic system, high-tech production, research methodology, system approach.

V. T. Ryazanov. New industrialization of Russia: strategic purposes and the current priorities. In of the of article of analyzes of occurred of deindustrialization in of the of economy of Russia and its of consequence. The need of developing the program of new industrialization in our country is based. With its realization it is proposed to separate strategic purposes and current priorities. As the strategic purposes of neoindustrialization comes out shaping in the Russian economy of demand on the innovation with their orientation to the science-intensive and highly-technological productions, which are aimed at the guarantee of save of labour. As the current priorities in the

оритета в политике неоиндустриализации выдвигается задача импортозамещения. Ее реализация на современном этапе предполагает обновление производственного аппарата на новой технологической основе, что позволит сформировать предпосылки для устойчивого и динамичного роста экономики России.

Ключевые слова: деиндустриализация и ее последствия, экспортно-сырьевая модель, неустойчивый рост и его причины, варианты роста после кризиса, факторы роста в России, импортозамещение, новая индустриализация.

УДК 338.242 . О. С. Сухарев. Государственное стратегическое планирование и направления развития экономики России. В статье рассматриваются вопросы теории и практики стратегического планирования. Автор раскрывает сущность стратегического планирования и применяемых методов, обосновывает неправомерность противопоставления «рынка» и плана, проводит анализ института государственного стратегического планирования на примере проекта закона о стратегическом планировании в Российской Федерации, показывает особенности стратегического планирования и проблему связи тактических и стратегических решений на уровне корпораций на примере естественной монополии РАО РЖД и ее влияния на развитие российской экономики.

Ключевые слова: стратегическое планирование, институты, «эволюционный эффект» в планировании, направления развития экономики.

УДК 330. С. А. Владимиров. Основные направления повышения эффективности и качества макроэкономической политики. В статье предложена экономическая модель, в которой научно обоснованы основные направления целостной макроэкономической (в том числе налоговой) политики, позволяющие оценить современное и спрогнозировать будущее состояние конкретной сбалансированной открытой экономики.

policy of neoindustrialization is advanced the task of import substitution. Its realization in the present stage assumes the renovation of production apparatus on the new technological basis, which simultaneously will make it possible to form the necessary prerequisites for a steady and dynamic increase in the economy of Russia.

Keywords: deindustrialization and its consequence, the export-raw model, unstable economic growth and its reasons, versions of growth after the crisis, growth factors in Russia, import substitution, new industrialization.

O. S. Sukharev. State strategic planning and directions of the Russian economy. The article examines the theory and practice of strategic planning. The author reveals the essence of strategic planning and the methods used, the illegitimacy justifies the contrast between «market» and the plan analyzes the state institute of strategic planning on the example of the draft law on strategic planning in the Russian Federation, shows features of strategic planning and communication problems tactical and strategic decisions at the corporate level, in particular, the example of a natural monopoly RAO Russian Railways and its impact on the Russian economy.

Keywords: strategic planning, institutions' evolutionary effect in the planning, direction of the economy.

S. A. Vladimirov. About basic directions of increase of efficiency and quality of macroeconomic politics. In article the economic model in which it is system in a complex scientifically is offered the basic directions complete macroeconomic are proved (including tax) the politicians, allowing to estimate modern and to predict the future conditions of the concrete balanced open economy. Directions of the further development of model are formulated.

Сформулированы направления дальнейшего развития модели.

Ключевые слова: модель П. Самуэльсона, эффективность, макроэкономика, качество, политика, государство, налоги.

УДК 339.94. А. Г. Чернышов. Экономика и управление в условиях неопределенности: подходы к формированию стратегий развития в современных условиях.

В коммуникационном, быстро меняющемся, сложном обществе система управления должна быть ориентирована на построение целостной модели развития в условиях непредсказуемости. Однако далеко не все государственные (и негосударственные) субъекты имеют в своем арсенале стратегические программы, позволяющие справиться с масштабом новых вызовов и изменений, задать динамику и алгоритм действий, осуществить задуманное с максимально позитивными результатами. В такой неопределенной среде проблемы, цели и перспективы управления и бизнеса часто плохо определены, постоянно и хаотически меняются, не имеют четкого направления. Сами стратегии формирования оптимального социума также характеризуются высокой изменчивостью и непоследовательностью.

Требуется непредвзятый системный анализ возможностей экономического роста, условий движения страны в сфере инновационной индустриальной экономики, способов поиска и внедрения форматов наиболее эффективных практик и механизма максимального задействования человеческого потенциала. Наиболее важным является интегративный синергетический подход, с помощью которого можно постараться ответить на ряд существенных проблем текущего момента.

Ключевые слова: современные стратегии, новая индустриальная политика, управление в условиях неопределенности и быстроизменяющегося мира, синергетика, «стабильность» и устойчивое развитие, стандарты, интеграторы, легио-бизнес, образование через всю жизнь, мотивация, конкуренция и соревновательность, солидарное общество, стимулы, таланты, прикладные квалификации.

Keywords: P. Samuelson's model, efficiency, macroeconomic, quality, a policy, the state, taxes.

A. G. Chernyshov. Economics and management in conditions of uncertainty: some approaches to policy development in modern conditions.

We live in the communication, fast-paced, complex society. And, then, the whole control system should be focused on is to build a holistic model of development in the context of unpredictability. However, not all state and non-state actors have in their arsenal of strategic programs that would be able to cope with the scale of the new challenges and changes the dynamics of the set and sequence of actions that allow to realize our plans with maximum positive results in practice. In such an uncertain environment issues, goals and perspectives of management and business are often poorly defined, and even continuously vary randomly, do not have a clear direction. There is also a huge variability and inconsistency in themselves generate the optimal strategies of society. Requires a systematic and unbiased analysis of the opportunities for economic growth, the driving conditions of the country in the field of innovative industrial economy, ways to find and implement the most effective formats practices and mechanisms to maximize the involvement of human potential. Most important is the integrative synergetic approach by which one could try to answer a number of essential problems of the moment.

Keywords: modern strategies, the new industrial policy management under uncertainty and rapidly changing world, synergetics, «stability» and sustainable development, standards, integrators, lego business, lifelong education, motivation, competition and competitiveness, united society, incentives, talents, applied skills.

УДК 330.354. В. Б. Сироткин. Изменение кооперативных действий: взаимобусловленность эффективности и рациональности. В качестве главных условий существования кооперативных систем выделены эффективность и рациональность действий их участников. Формальная организация рассматривается не как группа людей, а как система скоординированных действий, направленных на взаимное согласование эффективности и рациональности в процессе извлечения пользы из внешней среды. В статье проведен анализ ситуации в системе высшего образования на основе теории стимулов.

Ключевые слова: организация, кооперация, эффективность, рациональность, стимулирование, убеждение.

УДК 330.354. С. Н. Николаев. Мировоззренческие основы успешного развития обрабатывающей промышленности. Показано, что при выборе оптимальных путей модернизации экономики России (в том числе обрабатывающей промышленности) не учитываются идеологические аспекты ее развития. В частности, мировоззрение работников организационных формирований (ОФ) не способствует достижению успеха в условиях рыночной экономики. Дан анализ применения в развитых странах основных принципов достижения успеха (постановки правильных целей, улучшения качества всех составляющих деятельности ОФ, постоянного повышения уровня знаний и др.). Предлагаются меры по внедрению этих принципов в РФ России, а также методы формирования мировоззрения персонала.

Ключевые слова: мировоззренческие аспекты, организационные формирования, модернизация экономики, принципы достижения успеха.

УДК 330.342. В. В. Спицын, Е. А. Монастырный. Оценка комплексной эффективности социально-экономических объектов. Показана многоаспектность категории «эффективность» и некорректность сведения

V. B. Sirotkin. The alteration of co-operative activities: interconditionness of efficiency and rationality. In the article on the ground of stimulus theory the analysis of situation in higher education system is fulfilled. Co-operative systems as a main conditions of existence selected the efficiency and the rationality of activities. The formal organization consider not like a group of people but like a system of co-ordinated activities directed to mutual co-ordination of the efficiency and the rationality in process of profit extraction from the outside world.

Keywords: organization, co-operation, efficiency, rationality, stimulation, conviction.

S.N. Nikolaev. Ideological foundation for successful development of the manufacturing industry. It is shown that the ideological aspects of economic development are not considered during the choice of the optimal ways of the Russian economy modernization (including manufacturing industry). In fact, the ideology of organizational unit workers doesn't contribute to the success in a market economy. There is the analysis of basic principles of success achievement in developed countries (such as setting the right goals, quality improvement of all components of organizational unit activity, constant raise of the knowledge level, etc.). Measures of these principle implementation in Russia as well as methods of staff ideology formation are offered.

Keywords: ideological aspects, organizational units, modernization of economy, the principles of success.

V. V. Spitsin, E.A. Monastyrnyi. Complex effectiveness assessment of socio-economic objects. The article showed that effectiveness is the multidimensionality category and it is incorrect to interpret this category

данной категории только к соотношению результатов и затрат или к оптимальности текущего состояния системы. Установлено, что при оценке сложных социально-экономических объектов важнейшими существенными характеристиками эффективности являются результативность, оптимальность и экономичность. Предложено определение комплексной эффективности, позволяющее проводить широкий спектр сравнений и оценок. Сформулированы принципы и этапы оценок эффективности исследуемых объектов и процессов, которые целесообразно использовать в процессе управления развитием сложных социально-экономических явлений.

Ключевые слова: эффективность, теория, методология, оценка, сложные социально-экономические системы.

УДК 330. В. Е. Чабанов. Финансовая система и особенности ее гармонизации. Описываются основные недостатки нынешних денег и работающего финансового обращения. Рассматриваются их природа и соответствие существующей экономической системе. Предлагается способ наделяния денег объективным трудовым содержанием и результаты, к которым это способно привести.

Ключевые слова: Деньги, Финансовое обращение, Трудовое содержание денег. Гармонизация финансовой системы

УДК 338.2. Е. В. Уфимцева. Исследование инфраструктуры городского хозяйства в аспекте территориальных социально-экономических процессов. Исследована инфраструктура городского хозяйства в аспекте территориальных социально-экономических процессов; выделены субъект и объект управления каждой инфраструктуры города и показаны связи между ними как социально-экономическими подсистемами города. Установлено, что оценивать развитие инфраструктур города необходимо также комплексно, с учетом связей между ними. Это позволит выявить и устранить

only as the relation of results and costs or as the current state of the system optimality. It was found that there are three complex effectiveness essential characteristics in assessing the socio — economic objects: effectiveness, efficiency and optimality. The definition of complex effectiveness, allowing to carry out a wide range of comparisons and evaluations was proposed. Principles and stages of the investigated objects and processes effectiveness assessment were formed. It seems appropriate to use the proposed definition, principles and steps in the management of the complex socio-economic objects development.

Keywords: effectiveness, theory, methodology, evaluation, complex socio-economic system.

V. E. Chabanov. Financial system and peculiarities of its harmonization. The main shortcomings of present money and current monetary circulation are described. There is a consideration of their nature and relevance to the existing economic system. A method of imparting money with labor allowance and possible results are proposed.

Keywords: money, monetary circulation, labor allowance of money, harmonization of the financial system

E. V. Ufimtseva. Research of the infrastructure of municipal economy in aspect of territorial social and economic processes. Infrastructures of municipal economy in aspect of territorial social and economic processes are investigated, thus are allocated the subject and object of management of each of infrastructures of city and communications{connections} between them, as social and economic subsystem of city are shown. It is established what to estimate development of infrastructures of city it is necessary also in a complex, being based on crossed communications{connections} between them with a view of revealing lacks of

недостатки в деятельности одной из них для удовлетворительного функционирования другой. Определена экономическая природа инфраструктуры городского хозяйства.

Ключевые слова: инфраструктура, городское хозяйство, взаимосвязь, социально-экономические процессы.

УДК 332.133.44. М. А. Ягольницер. Диагностика условий формирования инновационных кластеров в регионах России: математико-статистический подход.

Предложен методический подход к анализу пространственной дифференциации условий и факторов развития инновационных мезоэкономических систем (кластеров), основанный на многомерной классификации результирующих показателей в подпространствах общей экономической эффективности развития регионов РФ, эффективности отдельных видов деятельности, степени развития малого бизнеса и инновационных показателей регионального развития. Сформирована система информативных показателей, позволяющая группировать регионы по полученной системе измерителей. В полученных типологиях проверяются статистические гипотезы о значимости различий характеристик качества институциональной среды, влияния факторов урбанизации и т. п.

Ключевые слова: инновационный кластер, институциональная среда, многомерная классификация, проверка статистических гипотез.

УДК 711.433:001.895 (470+751) В. В. Боброва, П. А. Аношкин. Теоретико-методические основы развития территории города.

Статья посвящена обоснованию теоретико-методических основ пространственного развития крупнейших городов. Обобщены современные теории и концепции городского развития, особенности пространственного развития в России. Прослеживается эволюция методологии исследований пространственной конкурентоспособности. В качестве теоретико-методических основ

activity of one for satisfactory functioning another. The economic nature of an infrastructure of municipal economy is determined.

Keywords: an infrastructure, municipal economy, interrelation, a complete subsystem.

M. A. Yagolnitser. Diagnosis of conditions for the formation of innovation clusters in Russian regions: mathematical and statistical approach.

The methodical approach to the analysis of the spatial differentiation of conditions and factors in the development of innovative mesoeconomic systems (clusters) based on multi-dimensional classification of the resulting indicators in subspaces of overall economic efficiency of development of regions of the Russian Federation, the effectiveness of individual activities, the degree of development of small business and innovation indicators for regional development. The system of informative indicators for grouping regions on the resulting system gauges. In the resulting typologies tested the hypothesis of statistical significance of differences of quality characteristics of the institutional environment, the influence of factors of urbanization, etc.

Keywords: innovation cluster, institutional environment, multidimensional classification, statistical hypothesis testing.

V. V. Bobrova, P. A. Anoshkin. Theoretical and methodological foundations for the development of the city.

The article is devoted to the substantiation of theoretical and methodological foundations of the spatial development of cities. Theory and the concept of urban development, features of spatial development in Russia are summarized. There are observed the evolution of research methodology spatial competitiveness. There are proposed the concept of territorial capital as the theoretical and methodological foundations.

предлагается концепция территориального капитала.

Ключевые слова: территориальная конкуренция, территориальный капитал города, пространственное развитие.

УДК 330.354. Ф. Ф. Рыбаков. Промышленность Петербурга: очередной спад или концентрация перед рывком. В статье анализируются результаты работы промышленности Петербурга за последние годы. Особое внимание уделяется динамике межэкономических показателей. С учетом результатов работы за 2013 г. обобщаются основные тенденции развития промышленности города.

Ключевые слова: промышленность, основные фонды, темпы роста, трудовые ресурсы.

УДК 332.1. С. Г. Важенин, В. В. Сухих, А. И. Татаркин. Вклад Урала в становление и развитие выставочной деятельности в России. Заявка Екатеринбурга на проведение «ЭКСПО-2020» была весомой и заметной, хотя и уступила заявке Дубая. Это не только повод для «работы над ошибками», но и потребность еще раз обратиться к истории выставочного дела на Урале, доказывающей, что лишь совместными усилиями власти, предпринимателей и гражданского общества можно подготовить и провести выставку, достойную России. Победы на проведение «ЭКСПО» убедительно свидетельствуют, что они приходят, когда этот проект становится общенациональным.

Ключевые слова: «ЭКСПО», выставочно-ярмарочная деятельность в России и на Урале, выставочный потенциал Екатеринбурга.

УДК 338.51:615.1. С. В. Мельников, В. А. Плотников. Специфика ценообразования на российском фармацевтическом рынке в контексте обеспечения лекарственной безопасности. Анализ процессов на российском фармацевтическом рынке позволяет выявить тенденцию к снижению лекарственной безопасности, которая проявля-

Keywords: territorial competition, territorial capital of city, spatial development.

F. F. Rybakov. Saint-Petersburg industry: another recession or concentration before boost. This article analyses the results of Saint-Petersburg industry's work in the recent years. Particular attention is paid to the characteristic of the dynamics of meso-economic indicators. Considering the results of work for the 2013 the basic tendencies in development of the industry in the city are summarised.

Keywords: industry, fixed assets, growth rates, human resources.

S. G. Vazhenin, V. V. Sookhikh, A. I. Tatarkin. Ural mark in the development of exhibition activities in Russia. Bid to conduct Ekaterinburg Expo 2020 was conspicuous, although conceded bid of Dubai. This is not just an excuse to «work on the bugs», but also the need to take another look at the history of the exhibition business in the Urals, proving that only through joint efforts of government, business and civil society can prepare an exhibition worthy of Russia. Victory to host EXPO strongly suggest that they come when this project becomes nationwide.

Keywords: EXPO, exhibitions and fairs in Russia and in the Urals, Ekaterinburg exhibition potential.

S. V. Melnicov. Specifics of pricing in the Russian pharmaceutical market in the context of ensuring drug safety. The analysis of processes on the Russian pharmaceutical market allows to reveal the tendency to reduction of drug safety, which manifests itself in the growth of market dependence on imports, and reduce the availability of medicines for the population.

ется в росте зависимости рынка от импорта, а также снижении доступности медицинских препаратов для населения. Авторами рассмотрены возможности совершенствования государственного регулирования ценообразования на лекарственные средства в качестве инструмента обеспечения безопасности.

Ключевые слова: фармацевтический рынок, лекарственные средства, национальная экономика, государственное регулирование экономики, экономическая безопасность, лекарственная безопасность.

УДК 334.021.1. Д. Н. Тимофеев. Управление промышленными предприятиями при реализации инновационно-ориентированной стратегии. Рассмотрены результаты теоретических и практических исследований, свидетельствующие о том, что при обширном методологическом материале по данному вопросу отсутствуют публикации, в которых раскрываются единая методика разработки стратегического плана и методические рекомендации по использованию общеизвестных методов (моделей) стратегического анализа, выбору и применению различных стратегий.

Предложена модель реализации плана продаж, а также рекомендации, связанные с взаимодействием структурных подразделений предприятия и, как правило, являющиеся типичными для большинства промышленных предприятий вне зависимости от специфики выпускаемой продукции.

Ключевые слова: промышленность, промышленное производство, стратегический план, стратегия развития промышленного предприятия, инновационно-ориентированное управление.

УДК 332.142.2. Е. В. Печерица. Взаимодействие органов федерального, регионального и муниципального управления с участниками гостиничного кластера (на примере Санкт-Петербурга). Автором рассматриваются формы взаимодействия участников гостиничного кластера с органами федерального, регионального и муници-

The authors considered the possibility of improving the state regulation of the pricing of medicines as a security tool.

Keywords: pharmaceutical market, medicines, national economy, public regulation of economy, economic security, drug safety.

D. N. Timofeev. Management of the industrial enterprises at realization innovative the focused strategy. In article results of the theoretical and practical researches, testifying that at an extensive methodological material on the matter there are no publications in which the uniform technique of development of the strategic plan and methodical recommendations about use of well-known methods (models) of the strategic analysis, a choice and application of various strategy reveal are considered.

The model of realization of a sales plan, and also the recommendations connected with interaction of structural divisions of the company and, as a rule, of being typical for the majority of the industrial companies regardless of specifics of products is offered.

Keywords: the industry, industrial production, the strategic plan, strategy of development of the industrial enterprise, innovative the focused management.

E. V. Pecheritsa. Interaction of federal, regional and municipal government with members of the hotelcluster (for example, St. Petersburg). The author considers the interactions of participants form a cluster with the hotel authorities at the federal, regional and municipal authorities. Shows a model of hospitality education cluster geographically. A

пального управления. Представлены модель образования гостиничного кластера по географическому признаку и схема управления предприятиями гостиничного бизнеса на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. Проведен анализ программ государственной поддержки туристической отрасли в РФ. Предложена модель кластерного развития гостиничного комплекса региона, отражающая взаимодействие предприятий бизнеса и государства, а также связь с общей концепцией конкурентного развития региона для создания гостиничных кластеров.

Ключевые слова: региональная экономика, региональный рынок, конкуренция, гостиничный бизнес, кластер.

УДК 338.46. А. А. Волкова. Факторы, влияющие на развитие сферы услуг в современной российской экономике. Изменение структуры национальных экономик в современных условиях происходит в направлении увеличения в ВВП доли сферы услуг. Автор статьи анализирует основные факторы, влияющие на развитие сферы услуг в современной российской экономике.

Ключевые слова: сфера услуг, национальная экономика, конъюнктура, российская экономика, кризис.

УДК 332.025.1:332.142. М. М. Питюлич. Институциональное и нормативно-правовое обеспечение развития горных территорий Украины. В статье предпринята попытка охарактеризовать состояние нормативно-правовой базы, регулирующей хозяйственную деятельность в горных территориях. Рассмотрены функции институтов, отвечающих за развитие горных территорий в Украине, исследованы пути повышения эффективности институционального и нормативно-правового обеспечения их развития.

Ключевые слова: горные территории, государственное управление, институциональное обеспечение, социально-экономическое развитие, институциональные основы, нормативно-правовые акты.

scheme of business management hotel business at the federal, regional and municipal levels. The analysis of government support programs of the tourism industry in Russia. A model of cluster development of a hotel complex in the region, reflecting the fundamental interaction of businesses and business support from the state, as well as communication with the general concept of competitive development of the region to create a cluster of hotels.

Keywords: regional economy, regional market, the competition, the hotel business, cluster.

A. A. Volkova. Factors influencing the development of services in modern Russian economy. Changes in the structure of national economies in modern conditions occurs in the direction of increasing the services in GDP. The author analyzes the main factors influencing the development of services in the current environment.

Keywords: services, the national economy, environment, the Russian economy, crisis.

M. M. Pityulich. Institutional and standard legal support of development of mountain territories in Ukraine. In article an attempt is made to characterize a condition of the standard and legal base regulating economic activity in mountain territories. Functions of the institutes which are responsible for development of mountain territories in Ukraine are considered, ways of increase of institutional and standard legal support efficiency of their development are investigated.

Keywords: mountain territories, state administration, institutional providing, social and economic development, institutional bases, normative legal acts.

УДК 330.52.051+630.61. С. Д. Пунцукова. Обоснование принципов формирования лесоресурсной ренты региона и порядка ее расчета. В статье рассматриваются вопросы совершенствования методических основ рентной оценки лесосырьевых ресурсов. Показаны недостатки существующей системы платежей за лесопользование. Выявлены достоинства и недостатки методологических подходов к оценке лесных ресурсов, условность предлагаемых методических рекомендаций по рентной оценке древесины, сдерживающих их практическое применение. Предложена методика рентного подхода к оценке древесных ресурсов региона с дифференциацией затрат по рынкам сбыта, направлениям использования лесоматериалов с учетом экологических ограничений на примере Республики Бурятия.

Ключевые слова: лесная рента, древесина, минимальные ставки платы, лесной доход, оценка, экологические ограничения, лесной рынок, Бурятия.

S. D. Puntsukova. Substantiation principles of formation of forest resource rents region and its order calculation. The article examines the improving of methodological foundations of the rent assessment of forest resources. The drawbacks of the existing system of payments for forest management are shown. The strengths and weaknesses of methodological approaches to the assessment of forest resources, conventionality of proposed methodical recommendations constraining their practical application are identified. It is suggested the technique of the rental approach to evaluate forest resources in the region differentiated by product markets, directions of use, taking into account environmental constraints in the case of the Republic of Buryatia.

Keywords: forest rent, wood, the minimum rate of payment, forest income, assessment, environmental restrictions, wood market, Buryatia.